

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 8

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 8

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 8

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Минаева Т. С., Хребтов Н. А.	
АРХЕОЛОГИЯ		Организация обороны северных рубежей России в войне со Швецией 1788–1790 годов	75
Дмитриевская Л. Н.		Ананьев С. В.	
Гипотеза С. Н. Дурылина о назначении северных лабиринтов: обряд очищения и моления ветра	8	Общественная мысль в обеспечении безопасно- сти в период польского восстания 1863–1864 годов ..	86
Шахнович М. М.		Исаков А. А., Исакова Л. В.	
Археологическое изучение церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря. .	23	Замещение профессорской кафедры в России на- чала XX века (по материалам эпистолярного на- следия Ф. В. Тарановского)	94
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		Федосов А. В., Попов И. О.	
Оборнева З. Е.		Войска НКВД в обороне и освобождении Каре- лии в годы Великой Отечественной войны	103
Царская милостыня в Константинополь в первой половине XVII века	36	Рецензии	
Харитонова А. М.		Козин С. В., Жидяева Т. П.	
Китай в судьбе семьи Гирс.	41	Рец. на кн.: Леонтьева Т. Г., Беговатов Д. А., Дми- триев Н. А., Леонтьева О. Г. Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиоз- ные практики населения в Калининской области в воспоминаниях «детей войны».	114
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Научная информация	
Сенявская Е. С.		Голдин В. И.	
Военная антропология в новых исторических ус- ловиях	46	Общероссийский форум преподавателей исто- рии высшей школы в Тобольске	116
Яковлев В. В.		Contents	118
Хронограф особого состава Феодора Петрова	55		
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ			
Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.			
«Полезный класс государственных служащих»: к истории формирования российского учитель- ства (по материалам Русского Севера)	65		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.11.2023. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 42 экз.). Изд. № 127

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

доктор исторических наук,
профессор
Петрозаводский государ-
ственный университет
С. Г. Веригин

Sergei G. Verigin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Представляя новый номер, отмечу его географическое и тематическое разнообразие: от «Хронографа особого состава Феодора Петрова» (В. В. Яковлев, г. Санкт-Петербург) и «Организации обороны северных рубежей России в войне со Швецией 1788–1790 годов» (Т. С. Минаева, Н. А. Хребтов, г. Архангельск) до «Военной антропологии в новых исторических условиях» (Е. С. Сенявская, г. Москва). В последней статье автор рассматривает изучение «человека на войне» в рамках военной антропологии как исторической и междисциплинарной отрасли науки с момента ее теоретического обоснования в 2000 году, освещая методологические подходы, основные направления, ключевые проблемы и их эволюцию в контексте Специальной военной операции ВС РФ на Украине. В 2012 году в Издательстве ПетрГУ было издано учебно-методическое пособие «Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века)», написанное Еленой Спартаковной, которая впервые читала курс лекций по ней в ПетрГУ в 2001 году.

В рубрике «Археология» помещены статьи, посвященные археологическим изысканиям на Европейском Севере России. Л. Н. Дмитриевская (г. Москва) исследует гипотезы о назначении северных лабиринтов на Белом море, соотнося данные археологии с материалами фольклористов. М. М. Шахнович (г. Апатиты) дает новую информацию о культурном слое, времени основания и неизвестных этапах истории церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря.

Как всегда, насыщена рубрика «Отечественная история», включающая пять статей. Новизна данных публикаций определяется введением в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов, а также привлечением воспоминаний очевидцев описываемых событий. Так, в совместной статье Т. Н. Жуковской (г. Санкт-Петербург) и Е. А. Калининой (г. Петрозаводск) на материалах источников первой половины XIX века прослеживается правовой, образовательный и социальный статус провинциальных учителей в 1800–1840-е годы, их семейное и материальное положение. А. А. Исаков и Л. В. Исакова (г. Арзамас) реконструируют на основе изучения писем отечественного правоведа Ф. В. Тарановского особенности конкурсного замещения вакантной должности профессора в дореволюционной России.

Внимание читателя привлекут и другие публикации, помещенные в рубриках «Всеобщая история», «Рецензии», «Научная информация».

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА ДМИТРИЕВСКАЯ

доктор филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и славистики
Литературный институт имени А. М. Горького
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8074-846X; mirfilologa@yandex.ru

ГИПОТЕЗА С. Н. ДУРЫЛИНА О НАЗНАЧЕНИИ СЕВЕРНЫХ ЛАБИРИНТОВ: ОБРЯД ОЧИЩЕНИЯ И МОЛЕНИЯ ВЕТРА

А н н о т а ц и я . В начале 1910-х годов С. Н. Дурылин исследовал лабиринты на Большом Заяцком острове (Соловецкий архипелаг) и впервые описал Кандалакшский лабиринт. Собрав сведения (местоположение у моря, на оживленном древнем морском пути, хорошая сохранность, обряды народов Севера XIX – начала XX века), он выдвинул гипотезу о назначении лабиринтов: моление ветра, обряд очищения перед выходом в море. В статье рассматриваются разные гипотезы исследователей XX–XXI веков. Все гипотезы проверяются по четырем критериям: они должны объяснять или учитывать расположение у моря, климат, сохранность, форму лабиринтов. Новизна исследования заключается в том, что при проверке разных гипотез о назначении лабиринтов данные археологии были соотнесены с материалами фольклористов, что позволило вписать лабиринты в общую систему верований народов Севера. Версия С. Н. Дурылина выдерживает все критерии и находит косвенные подтверждения в фольклоре и литературе о морских походах на парусных судах. Его гипотеза о назначении северных лабиринтов вполне аргументированна и правдоподобна, однако до сих пор не подтверждена и не опровергнута, хотя вопрос о назначении северных лабиринтов остается открытым и актуальным. Культово-промысловая версия и версия об обрядах перед выходом в море, скорее всего, дополняют друг друга как части одной системы верований, остатки которой фольклористы и краеведы находили в XX веке.

Ключевые слова: С. Н. Дурылин, северные лабиринты, Кандалакшский вавилон, гипотеза о назначении лабиринтов, обряд

Для цитирования: Дмитриевская Л. Н. Гипотеза С. Н. Дурылина о назначении северных лабиринтов: обряд очищения и моления ветра // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 8–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.970

ВВЕДЕНИЕ

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954), вошедший в русскую культуру как писатель, богослов, литературовед, театровед, в 1910–1914 годах учился в Московском археологическом институте. В годы учебы по командированию института студент С. Н. Дурылин совершает несколько путешествий на Север, посещает Карелию, Архангельск, Соловецкие острова, Кольский полуостров, где изучает северные лабиринты, а затем пишет о них в отчетах, статьях и очерках. С. Н. Дурылин – один из первых исследователей каменных лабиринтов Кольского полуострова и Соловецких островов, до него в России было написано всего три небольшие статьи (К. Э. фон Бэр, А. И. Елисеев, А. А. Спицын)¹, а археолог рубежа XIX–XX веков К. П. Рева² дал краткое описание нескольких лабиринтов в числе других археологических нахо-

док в Архангельской губернии. Богаче была иностранная литература, но и она только начинала изучение этих загадочных сооружений. На этом фоне вклад С. Н. Дурылина выглядит весьма существенным: он ввел в научное исследование Кандалакшский лабиринт, дал его подробное описание; суммировал доступные научные данные, добавил личные наблюдения и выдвинул свою гипотезу о функции северных лабиринтов. Его гипотеза, на наш взгляд, вполне аргументированна и правдоподобна, однако она до сих пор не изучена, не подтверждена и не опровергнута. Точка зрения С. Н. Дурылина важна, потому что он наблюдал лабиринты и их окружение в начале 1910-х годов, то есть до появления на Кольском полуострове железной и автомобильной дорог, города Мурманска и других больших населенных пунктов, до его активного заселения в советское время, когда на Соловецких островах

еще шла спокойная жизнь монахов и поморов. С. Н. Дурылин детально исследовал лабиринты, изучал быт и образ жизни местного населения, его отношение к «вавилонам» (местное название) и гипотезы о времени появления и предназначении лабиринтов. Ученый не упускал ни одной детали, которая бы помогла разгадать тайну этих сооружений, например, он обратил внимание на один, позже утраченный, обряд, который подсказал ему возможное решение вопроса об использовании лабиринтов. Исследователи советского времени уже не могли видеть этого обряда, а статьи и книги С. Н. Дурылина не переиздавались, хотя в библиографии ученых попадали.

Результаты экспедиций и свои размышления о лабиринтах С. Н. Дурылин изложил в нескольких работах:

- 1) 1912 год – статья «Из скитаний по русскому Северу (На Заячьих островах)» в «Известиях Архангельского Общества изучения Русского Севера»;
- 2) 1913 год – отчет, отдельное издание «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» (в главе «У врат Пахьолы» – про Кандалакшский лабиринт);
- 3) 1914 год – отчет, отдельное издание «Кандалакшский “вавилон”».

С. Н. Дурылин посетил два лабиринта на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага и лабиринт «на так называемом Кандалакшском берегу Кандалакшской губы Белого моря, в трех верстах к востоку от села Кандалакши»³. Кандалакшский лабиринт он описывает впервые и таким образом вводит его в научный обиход. До него на Кольском полуострове были известны по крайней мере четыре лабиринта (о них говорит академик К. М. Бэр еще в 1840-е годы), а в Финляндии – уже около 50, еще несколько в Норвегии, Швеции, Дании. В XX веке с активным освоением Кольского полуострова и силами нескольких научных экспедиций были найдены и другие лабиринты на берегах Белого и Баренцева морей. Лабиринты продолжали находить и в XXI веке, так, в Кандалакшском заливе в 2014 году был найден уже шестой в этом месте лабиринт (см. работу М. М. Шахновича: [18]).

«Общее число северных лабиринтов превышает 500, а география их распространения значительна. Только в Северной Европе это: Исландия, Великобритания, Эстония, Финляндия, Швеция, Норвегия, Россия (Кольский полуостров, Карелия, Соловецкий архипелаг, Новая Земля)»,

– констатирует В. Я. Шумкин [19: 100–101].

КАНДАЛАКШСКИЙ ВАВИЛОН – ОТКРЫТИЕ С. Н. ДУРЫЛИНА

Вводя в научный обиход новый лабиринт, С. Н. Дурылин подробно его описывает.

Местоположение: «...расположен на узком и низменном мысу, выходящем в Губу» (Дурылин: 4). Ученый обращает внимание, что

«Кандалакша есть отправной пункт огромного водно-волокового пути через всю Лапландию к берегам С. Ледовитого океана, к г. Кола. <...> Этот водный путь был известен уже в древности; он служил торговым путем для новгородцев, пользовавшихся им для сношений с норвежцами и финнами» (Дурылин: 3).

«Путь этот всегда был важен и оживлен, так как это была одна из частей великого пути из Новгорода к океану, проходившего по р. Онеге, Онежской губе, мимо Заячьих островов, в Кандалакшскую губу и далее тем водно-пешеходным путем по Лапландии <...>. Не должен был миновать этих островов и еще более древний путь с варяжского крайнего севера в устье Сев. Двины, где происходила торговая встреча варяжских, финских и славянских племен. Доныне этим путем новгородцев проходят поморы с Летнего берега и из Поморья, отправляясь, через Лапландию, на промыслы на Мурман. Заячьи острова служили и отчасти служат удобным пристанищем на этом пути» (Дурылин: 14–15).

Таким образом, размышляя о назначении лабиринтов, важно учитывать, что они лежат на морском пути, освоенном в древности, и располагаются в непосредственной близости к морю.

Форму и размер – «...неправильной формы эллипс, имеющий по диаметру в длину 14 и в ширину – 10 шагов» (Дурылин: 5) – С. Н. Дурылин описывает очень подробно. Вместо большой цитаты приведем сделанный им рисунок.

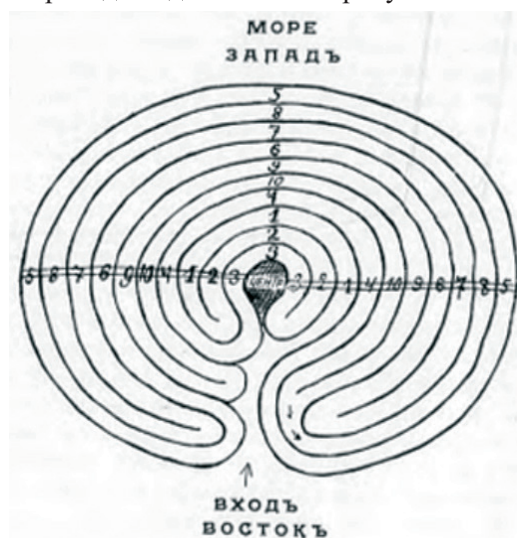

Рисунок С. Н. Дурылина из книги «Кандалакшский “вавилон” (к изучению северных лабиринтов)» (М., 1914)

Drawing by Sergey Durylin from the book *Kandalaksha “Babylon” (the Study of Northern Labyrinths)* (Moscow, 1914)

У Кандалакшского лабиринта есть свой секрет: распутье на 8-м круге, при этом любой выбранный путь приводит обратно к развилке. «Как бы ни меняли вы направление, предпочитая то 9-ый, то 10-ый концентры, вы не выйдете из лабиринта <...>» (Дурылин: 6). Лабиринт запутывает, вокруг его центра можно кружиться, как в ловушке. «В этом смысле он является настоящим лабиринтом, несмотря на то, что ходы его видны и через них легко перешагнуть» (Дурылин: 6).

Сохранность лабиринтов, в том числе Кандалакшского, удивляет С. Н. Дурылина:

«Сохранность вавилонских кругов удивительна: несмотря на то, что “вавилон” расположен на совершенно открытом месте, доступном яростным северным ветрам, дождям, бурям, которые так легко могли бы разметать по сторонам или просто смыть в море небольшие и нетяжелые камни “вавилон”, они все в большой целостности, и концентры вавилоня ясно видны и образуют по земле замечательно правильный чертеж» (Дурылин: 6–7).

Эта черта тоже не ускользнет от молодого исследователя при решении вопроса о назначении северных лабиринтов.

Следующий вопрос, которым задается С. Н. Дурылин, **кто автор лабиринтов?** Он провел опрос местных жителей и получил ответы, источник которых – русские предания последних двух столетий. Устроителями лабиринтов были названы Петр I (на Заяцких островах), а также «разные люди», которые бежали сюда после Пугачевского восстания (Кандалакша). Ученого такие объяснения не удовлетворяют (хотя сегодня они рассматриваются как достоверные [11]), поэтому он вспоминает статью А. В. Елисеева, который писал, что вавилоны «русские приписывают или пустынноикам, или разбойникам, или сказочной Лопи» (Дурылин: 10). Лопарей, или саамов, как устроителей лабиринтов называет и А. Спицын в статье «Северные лабиринты» (1904), а затем многие археологи, этнографы XX века. С. Н. Дурылин, понимая, что это единственная адекватная версия среди остальных, тщательно проверяет ее. Во время экспедиции 1911 года он много внимания уделял лопарям: описал образ жизни, быт, нравы этого северного народа, – и вот к каким выводам пришел по поводу причастности их к созданию лабиринтов:

- 1) лопари о лабиринтах ничего не знают, даже не слышали;
- 2) они живут внутри полуострова, а там лабиринтов нет;
- 3) «лопари не любят моря, и только нужда (оскудение лопарского оленеводства) заставляет их искать морских промыслов» (Дурылин: 11);

4) «лопарь – по природе кочевник, охотник, скотовод, а никак не мореходец и морской промышленник» (Дурылин: 11);

5) «лопари сравнительно недавно поселились на Кольском полуострове» (Дурылин: 11).

Кроме того, С. Н. Дурылин пишет:

«Кандалакшане отрицают всякую связь “вавилон” с лопарями (или “лопинами”, по местному говору) и не только не приписывают их сооружение Лопи, но утверждают даже, что у Лопинов Вавилонов нет, и они о них ничего не знают. Те лопари, с которыми мне довелось иметь дело при лодочно-пешеходном хождении чрез Лапландию из Кандалакши в Колу, на протяжении около 300 верст, подтверждают это утверждение кандалакшан, так как про вавилоны ничего не слыхали и у себя, в местностях, прилегающих к огромному озеру Имандра, не знают их вовсе» (Дурылин: 10).

На этом основании он делает вывод:

«<...> “вавилон”, связанные почти всегда с морем и морским берегом, не могут никак быть связаны ни в каком отношении с лопарями, всегда избегавшими моря, народом сухопутным» (Дурылин: 11–12).

В XX веке лопари продолжали рассматриваться как устроители северных лабиринтов (Н. Н. Виноградов, Н. Н. Гурина, А. Куратов, А. Я. Мартынов и др.). В начале XX века саамы были малоисследованным народом, поэтому С. Н. Дурылин не мог доказать их непричастность к созданию лабиринтов, он просто поверил самому народу – и, по-видимому, был прав. Р. Боси в книге «Лапландцы. Охотники за северными оленями» [1], проследивая историю лапландцев, видит в них сначала древних охотников на оленей, которые пришли на Кольский полуостров вслед за дикими стадами, а затем уже стали оленеводами; рыбный промысел у лопарей тоже был, но не морской, а в озерах и устьях рек, больших лодок для выхода в открытое море у этого народа не было. В. Г. Мизин в книге «Исторические каменные лабиринты Севера России» [11], опираясь на данные скандинавских и русских ученых, цитируя С. Н. Дурылина, все-таки окончательно отвергает лопарей как возможных устроителей «вавилон», хотя оговаривается, что они могли использовать лабиринты для своих целей. Согласно его версии:

«Не позднее XIV в. данная традиция (лабиринты. – Л. Д.), скорее всего, была перенята карелами у шведов и далее использовалась ими при освоении западного побережья Белого моря, где с каменными лабиринтами уже познакомились новгородцы-поморы, которые на протяжении следующих одного-двух столетий распространили традицию возведения лабиринтов далее на север, вдоль побережья Кольского полуострова (вплоть до Финмарка) и на Новую Землю» [11: 34].

Эта версия очень похожа на правду, если только сами финны и карелы не отправлялись на западные берега Белого моря порыбачить, чтобы продать улов новгородским купцам, а русские поморы к ним присоединились позже и уже застали лабиринты на берегу моря. Причастность финнов и карелов к созданию лабиринтов косвенно подтверждает и фольклор. Лопарский фольклор связан с оленеводством, русские поморы привезли с собой и сохраняли фольклор, основанный на синтезе земледельческих обрядов и христианской веры [2], а коренные жители Севера, финны и карелы, являются обладателями самого развитого фольклора, связанного с водой и рыбалкой [5]. Русские поморы постепенно переняли некоторые карело-финские поверья, приметы, сюжеты и образы народной прозы, но переняли ли они традицию делать лабиринты?

ГИПОТЕЗЫ О НАЗНАЧЕНИИ ЛАБИРИНТОВ

Прежде чем перейти к версии С. Н. Дурылина, рассмотрим четыре гипотезы, распространенные в XX и XXI веках. Более полный критический разбор гипотез о происхождении каменных лабиринтов сделал, например, А. А. Куратов в книге «Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы» [7], С. Н. Дурылина в своем критическом обзоре он не упоминает. Почти все статьи и монографии по лабиринтам, как и полагается научным работам, начинаются с общего обзора и критики предшествующих открытий и гипотез – нет необходимости еще раз их рассматривать. Остановимся на двух авторитетных в советское время и двух современных гипотезах.

Гипотезы исторической и археологической науки и версию С. Н. Дурылина проверим на соответствие четырем критериям, потому что гипотеза, претендующая на истинность, должна:

- 1) объяснять, почему лабиринты на **море**, в непосредственной близости от него;
- 2) учитывать **климат** (полгода лабиринты находятся подо льдом и снегом);
- 3) иметь в виду хорошую **сохранность** с древних времен или Средневековья;
- 4) объяснять или хотя бы учитывать **форму** лабиринтов: круглоспиральную, концентрически-круговую, круговую-подковообразную.

Гипотеза первая: лабиринты – это **культовые сооружения**, при этом культы называются разные. Н. Н. Виноградов, А. Куратов, А. Я. Мартынов и ряд других исследователей считали, что лабиринты связаны с культом мертвых. Первым эту версию начал развивать Н. Н. Виноградов. В 1927 году, будучи заключенным СЛОН⁴, он издал книгу «Соловецкие лабиринты. Их проис-

хождение и место в ряду однородных доисторических памятников», в которой проанализировал известные ему гипотезы о назначении лабиринтов (о работе С. Н. Дурылина и Кандалакшском лабиринте он, по-видимому, не знал), а затем в отдельной главе обосновал свою версию:

«...лабиринты есть не что иное, как *saivo* – город мертвых – обиталище душ умерших предков. Вместе с тем лабиринты являлись местом, где совершались жертвоприношения, и поставлялись жертвы для умерших предков. Лабиринт есть священное место первобытных финских племен (лопарей)»⁵.

Эта версия учитывает прежде всего форму и распространенное назначение лабиринтов быть ловушкой, но она не объясняет, почему лабиринты находятся у моря. В море виделась преграда между мирами живых и мертвых? Так могло быть, и А. Я. Мартынов развивает этот аргумент, полагая, что лопари специально для погребальных обрядов приплывали с Кольского полуострова на Соловки, чтобы оградить себя от возвращения душ умерших [9]. Большая водная преграда, действительно, многими древними культурами воспринималась как граница между миром живых и мертвых, что отражено и в волшебных сказках (тридесятое царство часто за морем), и в англосаксонском эпосе «Беовульф» (описание погребального обряда воина на корабле), и в карельском фольклоре [5: 436], и в других источниках. Лучший знаток древней культуры Кольского полуострова, первооткрыватель древних могильников Н. Н. Гурина пишет:

«Представление о нахождении царства мертвых за водой возникло на Севере очень рано и продержалось там до Средневековья и даже позже. Это представление отражают Оленеостровские могильники Баренцева моря и Онежского озера. Остальные захоронения Кольского п-ва также расположены на берегу моря или рек. Существенны в этом плане и некоторые погребения Оленеостровского могильника, совершенные в деревянных колодах – очевидно, лодках и просмоленных шкурах овальной формы, возможно, кожаных лодках или имитирующих их» [3: 122].

Н. Н. Гурина не связывает лабиринты с погребальными обрядами, хотя эта точка зрения появилась еще в 1920-е годы, то есть до ее первых экспедиций. Открытые ею могильники показали, что древних людей на Кольском полуострове предавали земле в деревянных колодах, похожих на лодки, а лабиринты в подавляющем большинстве находились в отдалении от найденных могильников и вряд ли были с ними связаны.

В версии А. А. Куратова и его ученика А. Я. Мартынова, в которой лабиринты рассматриваются в том числе и как место для проведения родового погребального обряда, смущает

еще и климат: зимой провести обряд очень сложно, потому что лабиринты находятся под слоем льда и снега на открытом месте у моря, где дуют холодные северные ветра, значит, следовало сохранить умерших до прихода весны, что довольно сложно для кочевников или полукочевников. По свидетельству Н. Н. Гуриной,

«только в очень закрытых бухтах, как, например, Нерпичья губа близ Дроздовки, по-видимому, население оставалось зимовать. Из других же бухт, открытых со стороны моря ледяным северным ветрам, но чрезвычайно богатых рыбой в летнее время, оно перекочевывало осенью вслед за оленями внутрь полуострова, под защиту леса, на берега озер, чтобы обеспечить себе питание рыбной ловлей и охотой» [4: 4].

Теплое время года на севере короткое: надо успеть заготовить еду, одежду (наловить рыбы, выпалить оленей, набить пушнину и пр.), обменять на другие товары, – в таких условиях у народа нет времени на массовые похороны, да еще и с перевозкой умерших на Соловецкие острова. В жизни древних людей, тем более в таком суровом крае, все было рационально, в том числе отношение к смерти (см. [1: 128–134]). Какой-то обряд на берегу моря, по-видимому, существовал, однако вряд ли погребальный.

Зато версия о культовом назначении лабиринтов объясняет их сохранность: только культовое место веками могли сохранять с такой тщательностью, даже когда сам культ ушел в прошлое и забылся. С. Н. Дурылин приводит примеры, как заботливо поправляли нечаянно сдвинутые камни его провозятые – монахи на Соловецких островах и крестьянин в Кандалакше. Эту заботу он приметил и использовал в размышлении о назначении лабиринтов:

«Поневоле является мысль, не связана ли каким-либо образом, хотя бы отчасти, сохранность лабиринтов с отношением к ним местного населения, – отношением, внушенным, может быть, какими-либо суевериями, связанными с вавилонянами?» (Дурылин: 7–8).

Гипотеза о промысловом назначении лабиринтов была официальной в советское время и находит поддержку в наши дни. У приверженцев этой версии есть одно расхождение: некоторые исследователи считают, что лабиринты были связаны с рыболовной магией, а другие настаивают на их исключительно утилитарной функции. Автор культово-рыболовной версии – Н. Н. Гурина, открывшая в своих экспедициях сотни важнейших археологических памятников (лабиринты, могильники и культовые сооружения, места стоянок и длительных поселений, предметы искусства), которые позволили описать историю и культуру древних людей, населяющих эти красивые, но суровые места. Еще в 1948 году Н. Н. Гурина

предположила, что лабиринты использовались как магические сооружения рыболовов, в своих последующих работах она от этой версии не отказывалась, аргументируя ее следующим образом:

«Все эти сооружения (в полной мере, за единичным исключением) приурочены к морскому побережью, в частности к устью богатых рыбой рек. На Кольском полуострове эти места являются тонями. Все обследованные нами лабиринты имеют вход, обращенный в противоположную сторону от реки или моря. Во всех обследованных нами местах они сопровождаются стоянками, содержащими кварцевые орудия и иногда керамику эпохи раннего железа. Только в двух случаях, на Соловецких островах и в Вящине, вблизи лабиринтов находятся особые каменные сооружения, в одном случае связанные с захоронением. Таковы факты.

Учитывая все перечисленное выше и наблюдая сходство структуры лабиринтов с рыболовными сооружениями типа “убегов”, еще недавно применяемых на Кольском полуострове, я не вижу причин, которые заставили бы меня отказаться от объяснения их как магических сооружений, связанных с рыболовством. Глубже этого мы едва ли в состоянии пока проникнуть. Трудно согласиться с теми, кто связывает лабиринты Севера с реальным использованием их в целях рыболовства. Эти сооружения никогда не заливаются морем и сами по себе не могут служить орудиями рыболовства, имея высоту камней редко более 30 см» [4].

Версия Н. Н. Гуриной учитывает все критерии: море, климат (зимой не нужны), сохранность (магическое средство), форму (сходство с рыболовными сооружениями).

Версия промысловая, без функции магии (И. М. Мулло [12], М. Г. Косменко [6]), во-первых, не учитывает сохранности: если это было просто техническое сооружение для ловли рыбы, то зачем его так свято хранили веками; во-вторых, не объясняет форму: ходы лабиринта (ок. 20 см в ширину) не дают возможности зайти в него и собрать рыбу, потому что для ловушки нужно было тесно вбивать колья, образуя заграждение. В фильме А. Рогожкина «Кукушка» (2002) воссоздан лабиринт в соответствии с этой версией, но проходы лабиринта сильно расширены, чтобы мог зайти человек.

М. Г. Косменко в статье 2013 года «Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье», в целом поддерживая производственную версию И. М. Мулло, делает следующее уточнение:

«На мой взгляд, все лабиринтовидные сложения можно квалифицировать как объекты производственного назначения, а именно контуры оснований стационарных деревянных сооружений для профилактических работ с морскими сетевыми ловушками различной конструкции. <...> Ставные морские ловушки, как и прочие виды сетей, легко засорялись во время штормов, быстро обрастали водорослями и нуждались в периодической просушке, чистке и ремонте. Развешивать их для профилак-

тики крайне трудно иначе, как на специальных макетах, копирующих сложные формы» [6: 141].

Авторы промысловой версии не дают даже примерного описания лабиринтоподобных рыболовных снастей – «специфические орудия и приемы морского лова» [6: 142] так и остаются загадкой. М. Н. Власова в книге «Русский Север: брошенная земля» [2], описывая рыболовный промысел поморов, называет много рыболовных снастей: сети, неводы, гарвы, рюжи, заборы, завески. Каждая снасть рассчитана на определенные виды рыбы, особенности ландшафта и морских угодий. Есть рыболовные снасти больших размеров (невод, гарва), но они всегда просты по форме. Лабиринтообразные ловушки были бы слишком сложными и неудобными: как извлекать рыбу из их узких ходов? Если на лабиринтоподобную конструкцию навешивались крючки, подобно завескам и убегам, то доставать ее из воды при таком большом размере вместе с уловом было бы крайне тяжело. М. Г. Косменко исчезновение лабиринтов связал как раз с переходом «на ловлю продольными сетями» [6: 142], но лабиринтов сохранилось очень много, зачем же берегли эти каменные выкладки? Вопрос о сохранности лабиринтов самый нерешенный в промысловой версии. Только Н. Н. Гурина учла все критерии, предположив, что лабиринт из камней – это планы орудий ловли, наделенные магической силой. То, что даже в XX веке, когда многие обряды ушли в прошлое, карелы совершали ритуалы с рыболовными снастями, говорит в пользу ее версии. На основе устных рассказов карелов Л. И. Иванова описывает некоторые ритуалы, сопровождающие приготовление рыболовных сетей:

«Особым способом, чтобы все пришлось по вкусу водяному и он расщедрился, готовили рыболовные снасти. Во-первых, коптели сети и неводы: “Пропитанные дегтем тряпки клали в огонь, вот дым и проходит через сети. Так это надо делать... Мы вроде еще, старые, коптим, а молодые, те не знают ничего”. Особым образом обрабатывали грузила <...>. Когда шли на тоню, зажигали огонь, проносили его через мотню невода (povi), проделывали это трижды, шепча при этом заговоры. Иногда раздевались донага и проходили через мотню с ножом во рту. Могли проносить хлеб и икону Святого Петра, прося у него при этом рыбы. Если рыба вдруг прекращала ловиться, коптели невод, и уже все рыбаки проходили с ножом во рту через мотню, пронося огонь» [5: 452].

В рамках темы закономерен вопрос: может быть, лабиринт использовали в похожем ритуале? Например, на нем раскладывали снасти для ритуального очищения и заклинания? Может быть, обряды заклинания рыболовных снастей были более абстрактными и сам

лабиринт символизировал ловушку для рыбы и обладал магической силой? Версия о культорыболовном назначении лабиринтов, пожалуй, самая близкая к истине. Гипотеза С. Н. Дурылина будет с ней пересекаться.

Следующая научная версия, которую нужно рассмотреть, – **астральная**. Гипотезу финского ученого У. Гольмберга (U. Holmberg) о лабиринтах как месте поклонения небесным светилам, прежде всего солнцу, основанную на некоторых знаниях мифологии скандинавских лопарей, критикует уже Н. Н. Виноградов в 1927 году. При этом у него зафиксирована мысль, принадлежащая У. Гольмбергу, что «круги спиральных и круглых и дуги подковообразных лабиринтов указывают на годичные движения солнца, то поднимающегося, то опускающегося над горизонтом»⁶. Эту версию решили проверить современные исследователи Г. Н. Паранина, Р. В. Паранин, в итоге они выдвинули свою гипотезу:

«Северные лабиринты – загадочные мегалиты каменного века, оставленные древней цивилизацией. <...> это **гномоны и календари**, предназначенные для ориентации в специфических условиях арктического пространства – времени» [13: 120].

Работает древний гномон следующим образом:

«Радиальные формы больше всего отвечают представлению о солнечных часах. Камни в центре служат для крепления кола, вокруг которого тень движется в дневную часть суток. Прорисовка ее отдельных положений дает рисунок колеса или Солнца. Наблюдения в течение полярного дня значительной продолжительности позволяют назвать его “спиралью времени”, т. к. с каждым витком радиус, описываемый тенью, будет изменяться, уменьшаясь до наступления дня летнего солнцестояния и увеличиваясь – после, в соответствии с высотой солнца над горизонтом» [13: 122].

Интересная точка зрения. Авторы рассматривают различные виды лабиринтов, а также петроглифы похожей формы в Ирландии, другие сооружения или рисунки, в которых можно проследить функцию гномона или календаря. Доказывая свою гипотезу, они прибегают к сопоставлению северных лабиринтов с достаточно широким кругом других артефактов, но, кажется, опять забывают о человеке. Если лабиринт – это часы или календарь, то человеку надо было бежать к морю, чтобы посмотреть время, и зачем делать лабиринт-гномон таким большим, что с высоты человеческого роста будет неудобно наблюдать за тенью? Не проще ли сделать лабиринт-гномон возле своего жилища, а лучше маленький, карманный и носить с со-

бой в условиях полукочевой жизни? Сами авторы в подтверждение своей точки зрения пишут, что

«традиция ориентирования по солнцу в этом регионе до сих пор не утрачена. Для определения времени карелы используют насечки на подоконнике, чертежи на мокром песке, ладонь. В двух последних случаях к гномону добавляется классическая деталь – кол или палочка размером с мизинец» [13: 132].

Этот замечательный жизненный пример не подтверждает, а опровергает выдвинутую версию о назначении северных лабиринтов: во все времена люди были рациональны в хозяйстве. Данная гипотеза строится на форме лабиринтов, но не объясняет их местоположения и сохранности, не учитывает климат.

Среди гипотез о назначении лабиринтов на сегодняшний день самой современной, но уже весьма весомой и признанной является версия В. Г. Мизина о лабиринтах как «**маркерах средневековых рыбацких общин**»: «<...> лабиринт является общим “знаком присутствия”, “посещения” поморами (карелами) каких-либо удаленных промысловых угодий» [11: 68], то есть с помощью лабиринтов рыболовы размечали рыболовецкие угодья. Аргументация этой версии вполне убедительна, она развернута в книге на нескольких страницах, но пересказывать ее мы не будем, а обратимся к намеченным критериям: море, климат, сохранность, форма. Первые два критерия вопросов не вызывают и комментариев не требуют. Сохранность эта версия не объясняет, но ее автор считает, что 1) лабиринты были порождением не языческой, а христианской культуры, поэтому, например, на Соловках сохранялись монахами; 2) некоторые лабиринты в более позднее время могли использоваться с иными целями, ритуальными или игровыми. Форма лабиринта объяснена заимствованием у шведов на Балтийском море [11: 28–34], а они в свою очередь переняли ее у церковных средневековых лабиринтов (такой же точки зрения придерживается М. М. Шахнович, «это мнение является основным и среди зарубежных исследователей» [17: 146]). Не очень понятно, зачем нужно было рыбакам перенимать церковный образ для простой разметки рыболовецких угодий. Значит, лабиринту приписывалась еще какая-то функция, например оберега?

Ряд археологов (в России это В. Г. Мизин, М. М. Шахнович) отрицают древнее происхождение северных лабиринтов и, опираясь на измерения скандинавских ученых (возраст лабиринта вычислялся по скорости роста лишайника и по береговой линии), считают, что они появились в эпоху Средневековья, не раньше конца XIII века, и активнее всего соорудались в XVI–XVII

веках [16: 138], поэтому связаны с христианской культурой. С одной стороны, это отчасти объясняет сохранность лабиринтов, с другой стороны, не понятно, почему тогда их функция была так основательно вытеснена из памяти народа – для этого нет серьезных, прежде всего религиозных, предпосылок⁷. Способы измерения возраста лабиринтов, из-за которых их отнесли к позднему Средневековью и XVI–XVII векам, тоже вызывают сомнения. Во-первых, почему исследователи решили, что начало роста лишайника – это время создания лабиринта? Может быть, это время, когда лабиринты забросили, за ними перестали ухаживать и они начали покрываться лишайниками. Во-вторых, исходя из береговой линии можно как-то обозначить время появления тех лабиринтов, которые сохранились, но ведь саму традицию создавать лабиринты так измерить нельзя – мы не знаем, сколько их ушло под воду, какие из них были передвинуты, какие естественным образом оказались отдалены от моря. А. Я. Мартынов сроки создания имеющихся лабиринтов сдвигает на более раннее время: три соловецких лабиринта он относит к первобытной эпохе, остальные, по его мнению, «могли быть построены только в эпоху Средневековья, очевидно не ранее второй половины I тыс. н. э.» [10: 94]. Если версия С. Н. Дурылина верна, то время создания лабиринтов, скорее всего, надо отнести ко второй половине, концу I тыс. н. э., а к XVI–XVII векам традиция создавать лабиринты должна была уже угаснуть и начать порождать предания, переосмысления, суеверия.

ВЕРСИЯ С. Н. ДУРЫЛИНА

В отчетном издании «Кандалакшский “вавилон”» видно, как постепенно, собирая разные факты, С. Н. Дурылин подбирается к своей версии о назначении северных лабиринтов, как осторожно, вдумчиво он намечает свою гипотезу, которую последующие исследователи в течение 110 лет старательно игнорировали, не появилось даже опровержения. Проследим за мыслью С. Н. Дурылина.

На Соловецких островах он стал свидетелем одного обряда поморов:

«Большой Заяцкий остров весь усеян ныне старыми и новыми деревянными крестами. Это не надгробные памятники, а кресты, которые поморы-мореходцы строят по обету: если в море свирепствует буря или сильнейшие ветры, мореходец, зайдя в спокойную бухту Большого острова, рубит крест, веря, что от этой добротной жертвы Богу ветер утихнет; если, обратно, в море был мертвый штиль и судно стояло неподвижно у острова, помор просил ветра, “попутника”, и рубил крест, веря, что жертва будет принята. Обычай этот донныне широко распространен по всему русско-

му северу, по всему побережью С. Ледовитого океана и Белого моря. Я видел на Б. Заяцком острове крест, срубленный всего за 3 дня до моего приезда: помор просил у Бога ветра. Обычай моления ветру еще недавно был распространен на Мурмане» (Дурылин: 15).

С. Н. Дурылин задает закономерный риторический вопрос, который может рассматриваться как его гипотеза:

«Этот христианский обычай не заменил ли какой-нибудь языческий обряд, относящийся также к морю и связанный с лабиринтом в его значении места для очищения и искупительной жертвы, тем более, что и великий символ креста имеет сокровенное значение искупления и жертвы» (Дурылин: 15).

В. Г. Мизин большое внимание уделяет поморским крестам [11: 39–52], которые описывает С. Н. Дурылин, но, оставаясь верным своей теории о разметке границ рыболовецких угодий, считает, что кресты как более простая и заметная с моря конструкция заменили лабиринты, при этом функция крестов была шире благодаря их христианской символике. М. Г. Косменко кресты в функции разметки соотносит не с лабиринтами, а с менгирами, так как и те и другие были хорошо видны с моря, к тому же «ареалы лабиринтов и менгиров практически не совпадают, тогда как массовое распространение менгиров и поморских деревянных крестов почти не различаются» [6: 145]. Обряд заклинания ветра с помощью креста поморы середины XX века, по крайней мере для собирателей фольклора, не вспоминают. С. Н. Дурылин же пишет, что «видел на Б. Заяцком острове крест, срубленный всего за 3 дня до моего приезда: помор просил у Бога ветра». Похоже, что крест, действительно, был многофункциональным символом у поморов и карелов (в их рассказах упоминаются крест обетный, памятный, крест в благодарность хозяину воды [2], [5]), но с установлением советской власти, затем с распространением моторных лодок и катеров ритуалы с просьбой попутного ветра забыли, как еще раньше забыли и назначение лабиринтов.

В очерке «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» (1913) С. Н. Дурылин сформулировал свою гипотезу следующим образом:

«Ведь еще недавно был на Мурмане совсем языческий обряд моления ветру, от которого все зависит на море, жизнь и смерть. Быть может, прошедший все ходы лабиринта и вышедший оттуда, не заблудившись, принеся жертву, считался чистым и мог не бояться морских злоключений и препятствий, бурь и скал, как не боялся потерять верный путь в хитром лабиринте?»⁸

На этом он останавливается, не развивает далее свою концепцию, а только напоминает со-

бранные им аргументы: лабиринты у моря на варяжском, новгородском водном пути, хорошая сохранность, обряды моления ветру. Проверим, соответствует ли намеченным критериям его версия о том, что северные лабиринты, расположенные в непосредственной близости с морем, – это культовые места, связанные с мореплаванием⁹. Критерий местоположения учтен в первую очередь. Версия С. Н. Дурылина не противоречит и погодным условиям: зимой не было навигации, и лабиринты были не нужны – они спокойно лежали подо льдом и снегом и оттаивали вместе с морем к началу нового навигационного и рыболовного сезона.

Рассматривая гипотезу С. Н. Дурылина об обряде заклинания ветра или очистительном обряде, надо учитывать, что обряды всегда совершаются, во-первых, в моменты перехода (из рода в род, из мира живых в мир мертвых и т. п.) и, во-вторых, тогда, когда решается судьба общества, когда для его выживания необходимо что-то, не зависящее от сил человека. У земледельца обряды обращены к солнцу и земле, потому что от них зависят урожай и жизнь людей в средней полосе; «хлеб» рыбака на севере – это семга, треска и сельдь, от их улова зависела жизнь народа (поговорка Беломорья: Была бы рыба, а хлеб будет).

«Семга – это главный и, можно сказать, единственный источник существования подавляющего большинства местного населения, так как других постоянных, также для всех доступных промыслов здесь на месте нет <...>»¹⁰,

– пишет А. Н. Попов в 1914 году о рыбаках Терского берега Белого моря. Длительная штормовая или, наоборот, безветренная погода срывала выход в море и сулила голодный год. Была и примета: если идет морской ветер, рыбы не будет [2: 24]. Попутный ветер жизненно необходим и торговым судам: от него зависели возможность выхода в море, успех навигации, возвращение домой. Таким образом, обряды с заклинанием ветра были нужны и рыбакам, и купцам-мореплавателям. В книге Дж. Саварда «Лабиринты» [16], обзорно излагающей научные знания о лабиринтах, есть свидетельство, что прохождение лабиринта шведскими и финскими рыбаками предпринималось как раз с целью заклинания ветра:

«Вплоть до XX в. рыбаки считали необходимым прохождение лабиринта перед выходом в море: загадочное построение из запутанных ходов должно было обеспечить хорошие уловы и вызвать попутные ветры – при этом неблагоприятные ветры якобы попадали в лабиринт и терялись в нем» [16: 140–141].

В. Г. Мизин, ссылаясь на книгу Дж. Саварда, пишет, что

«управление ветрами с помощью каменных лабиринтов было распространенным суеверием и на Балтике. Однако это скорее указывает не на “управление ветрами с помощью лабиринта”, а на актуальность ветра для рыбаков и мореходов того времени» [11: 42].

Каких-либо аргументов, доказывающих, что с помощью лабиринта не стремились управлять ветром, исследователь не приводит, а ведь есть логика в том, что самые распространенные на Севере приморские сооружения (более 500) и самый важный для этих мест обряд могут быть связаны. Все народы стремились управлять силами природы. Джеймс Фрейзер в своем epochальном труде «Золотая ветвь», в пятой главе «Магический контроль над природой», описывает обряды народов всего мира, направленные на управление дождем, солнцем и ветром. В размышлении о гипотезе С. Н. Дурылина могут пригодиться сведения из книги Дж. Фрейзера:

«Финские колдуны <...> продавали попутный ветер задержанным бурей морякам. Ветер содержался в трех узлах: если развязать первый, дул умеренный ветер, если второй – сильный, если же третий – начинался ураган. Эстонцы, страна которых отделена от Финляндии лишь морским заливом, верили в магические способности своих северных соседей. Простые эстонские крестьяне приписывали сильные ветры, которые дуют с севера и северо-востока <...> козням финских колдунов и колдуний <...> В народной эстонской песне поется:

Ветер Крестовый, могучий, кипящий,
С тяжелым ударом развернутых крыл!
Воющий ветер несчастья и горя
Дыханье финских волхвов доносил.

<...> Владение искусством завязывать ветер тремя узлами – так что, чем больше развязывается узел, тем сильнее дует ветер – приписывали колдунам Лапландии, а также колдунам с островов Шетланд, Льюис и Мэн. Моряки Шетланда до сих пор покупают у старух, которые претендуют на управление штормами, ветры в виде платков или нитей с завязанными узлами. Говорят, что в Леруике и поныне обитают древние старухи, которые живут продажей ветров»¹¹.

Данные Дж. Фрейзера относятся к концу XIX – началу XX века. И тот факт, что в это время соседние народы сохраняют в своем фольклоре память о волхвах, управляющих ветром, что есть еще отчетливые следы этого обряда, говорит о том, что когда-то ранее эта магия была ключевой в религиозной жизни северных народов, прежде всего на Балтийском побережье, где как раз более всего лабиринтов.

Уместно будет вспомнить и карело-финский эпос «Калевала». В 10-й руне поется о том, как Вяйнямйнен вызывает ветер, чтобы он перенес Ильмаринена в Похьёлу, в этой северной стране сам Ильмаринен призывает ветры, чтобы выковать Сампо, и только с их помощью работа спорится, затем хозяйка Похьёлы

вызывает ветер, чтобы отправить кузнеца обратно. Судя по песням «Калевалы», вызывание попутного ветра перед отправлением в морской путь было делом обычным. Образ ветра в рунах «Калевалы» ключевой, ветры олицетворены, они действуют разумно и самостоятельно, даже герои-божества считаются с ними, ждут от них помощи в море и боятся вреда. Часто упоминается «дорога ветра» («по дороге ветра едет», «по пути ветров пришел ты»). В образе ветра слышатся отголоски древних верований, вряд ли этот образ сочинен Э. Леннротом.

Был ли в скандинавской и карело-финской мифологии бог ветра или бог, управляющий ветром, которому могли посвящать обряд и приносить жертву на берегу моря? Конечно, такой бог был, и даже не один, его просто не может не быть в тех условиях жизни. У древних скандинавов был бог **Кари** (др.-сканд. *Kári* ‘ветер’) – персонифицированный ветер, зимний, холодный, враждебный людям. В древнескандинавской мифологии был бог **Ньерд** (др.-сканд. *Njörðr*) – владыка моря, он отвечал за плодородие и богатство, но прежде всего за ветер, мореплавание, рыбную ловлю. Ньерд живет в Нотауне (‘Корабельный двор’), его дом располагается на небе и на берегу моря – лабиринты расположены у моря, но «лицом» обращены к небу. В разных культурах лабиринты связывали с сакральным образом дома, планами дворцов, крепостей или городов, жилищем бога (см. [16]). Может быть, лабиринты не связаны именно с этими богами, но сам факт, что у скандинавов такие боги были и были весьма почитаемы, дает право сделать вывод, что и у тех, кто строил лабиринты, бог ветра тоже был. Так, например, у финнов и карелов очень развит культ воды, ее обожествляли, существовали многочисленные заговорные ритуалы, обращенные к самой воде или водным божествам: **Ахти**, **Велламо**, морское чудовище **Турсу** или **Ику-Турсо**, иногда без имени – просто **водяной**, **«хозяин»** или **«хозяйка»** (*vien*) воды, было и понимание, что сама вода – живое существо [5: 392–401]. Бог воды Ахти (*Ahti*), как и Ньерд, хранитель морских богатств, он принес людям рыбу, покровительствовал рыбакам, управлял ветром, а также был целителем от болезней, если они «пришли» от воды [5: 397]. На Севере зафиксировано много быличек, посвященных встречам человека с водяными. «Сюжеты, в которых водяной показан властителем водной стихии и ветра, также присущи карельской мифологии. Часто он поднимается из воды именно во время бури» [5: 427]. Суеверия порождают приметы, различные ритуалы-обереги и заклинания, чтобы не утащил водяной, что-

бы «хозяин» был щедр к рыбакам, чтобы люди не сглазили рыбалку и сам улов и мн. др., таких ритуалов на Севере еще недавно было много [5: 429]. У поморов, пришедших в эти места уже христианами, появились свои святые покровители, которые помогали рыбакам в море: Святой Петр, Варлаам Керетский. Поморы были не лишены и суеверий (домовые, банники, лешие, русалки, водяные, морок и пр. [2]), к тому же в новых условиях жизни они переняли у коренного народа многие поверья и приметы, связанные с водой, в то время как карелы стали православными и разделили веру в святых и образ креста. Здесь уместно вспомнить, что рядом исследователей (в России это В. Г. Мизин [11], М. М. Шахнович [17]) северные лабиринты рассматриваются не как языческие, а как раннехристианские символы, имеющие аналоги в католических храмах Европы и завезенные в эти места мореходами-христианами. Однако какого бы вероисповедания не были моряки и рыбаки, всем одинаково необходим попутный ветер, и логично предположить, что именно его чаще всего просили у высших сил в культовом месте.

Форма лабиринта, которую сравнивали с солярной розеткой, часами, рыболовными снаряжениями, со змеей и даже мозгом, похожа и на завихрение ветра, особенно вид циклона из космоса – круг, спираль. Древние люди не могли видеть облака из космоса, но они наблюдали вихри, позёмки. В русском языке такие наблюдения народа сохранились, например, в устойчивом словосочетании «ветер кружит». Название «вавилон» тоже может говорить о закрученной форме. С. Н. Дурылин вспоминает, что

«в русской народной речи существуют повсюду выражения; “расшито вавилонами”, “чертить вавилоны”, “писать вавилоны”, – т. е. расшито особохитрыми, запутанными кругами, чертить хитро-спутанные круги. “Вавилон” – нечто хитрое, запутанное, сложное, головоломное; вавилоны, – по Далю, – запутанный, криволинейный узор» (Дурылин: 8–9).

Что если «вавилон» – это ловушка для ветра («неблагоприятные ветры якобы попадали в лабиринт и терялись в нем» [16: 141])? Одно из основных назначений лабиринтов – ловушка: некоторые северные лабиринты устроены так, что крутят вокруг центра, другие заводят в тупик, те и другие похожи в этом на ловушку. Крестьянин, провожавший С. Н. Дурылина и его спутника к Кандалакшскому лабиринту и наблюдавший, как заплутали в нем молодые люди, сказал: «Вавилон был город¹² древний. Войти в него можно, а выйти нельзя» (Дурылин: 8). Н. Н. Виноградов учитывал эту функцию лабиринтов, но, как автор гипотезы о погребальном

обряде, считал, что «лабиринт сделан с одним входом, с запутанными дорожками и гребнями камней, чтобы духи умерших сами в них запутались и не могли выйти наружу»¹³. А может быть, ловили не души, не рыбу (промысловая версия), а ветер, тем более что некоторые лабиринты находятся на возвышенности? Тогда неподходящий или слишком сильный ветер с помощью заклинательного ритуала как бы ловили, запутывали в лабиринте, а во время штиля с помощью того же или другого ритуала ветер можно было выпустить на волю по аналогии с тем, как с этой же целью поморы ставили крест, а финские волхвы завязывали и развязывали узелки. Один из древних международных мотивов – пойманный в мешок ветер: обманывая доверчивых глупцов, герой как бы выпускает его на свободу, так делали Одиссей, Ходжа Насреддин, герои сказок и др. Сказки часто иронически осмысливают ушедшие в прошлое обряды (см. В. Я. Пропп «Исторические корни волшебной сказки» [14]), поэтому истории, где герой ловит ветер, а затем его выпускает, могут быть отголоском какого-то древнего обрядового действия.

Приведем еще два аргумента в пользу гипотезы о лабиринтах как местах моления ветра. А. А. Куратов в монографии «Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы» [7], анализируя разные версии о назначении лабиринтов, приводит пример из трудов немецкого исследователя Эрнста Краузе – обряд заклинания бури древних греков с помощью хороводных танцев на берегу моря у алтаря из валунов, описанный около 240 г. до н. э. Аполлоном Родосским в поэме «Аргонавтика». Воспользуемся под сказкой и обратимся к поэме (в переводе Г. Ф. Церетели, Н. А. Чистяковой). Перед отправлением за золотым руном аргонавты воздвигают алтари и приносят жертвы, сначала Аполлону:

Камни затем, возле моря собрав, воедино стащили,
Грудой сложив, алтарь хранителю общему, Фебу
Соорудили, прозваньем Эмбасию, Береголюбцу.
Ветви оливы сухой поверх алтаря возложили¹⁴.

Затем на том же алтаре следует жертва Зевсу, а утром снова «в жертву овец принесли, ибо волны на море вздымались». Путь аргонатов сопровождается постоянным жертвоприношением богам на каменных алтарях у моря по разным поводам. На обратном пути, попав в сильную бурю, путешественники вынуждены причалить к берегу. Корабль посещает богиня с пророчеством, после чего аргонавты готовят идола, жертвы и сооружают каменный алтарь на горе:

Жертвенник после сложили из мелких камней, увенчали

Листьями дуба его и жертву свершить поспешили <...> Много и долго молился Ясон на коленях, просил он Бури от них отвести и свершал возлиянье на жертву <...>¹⁵

Пример показывает, что с древних времен непогоду на море переживали на берегу (в бухтах и устьях рек), где возводились каменные алтари для жертвоприношения богам, чтобы усмирить шторм и продолжить плавание. Сам вождь, капитан, проводит молитвенный обряд. В этом переводе, доработанном Н. А. Чистяковой, сказано, что камни складывали «грудой», однако в более раннем переводе Г. Ф. Церетели такой детали нет, поэтому трудно судить, была ли она в оригинале.

Еще один аргумент в пользу точки зрения С. Н. Дурылина нечаянно оставил выдающийся ученый, естествоиспытатель Карл Эрнст фон Бэр, который в нескольких экспедициях (с 1837 по 1840 год) исследовал Русский Север: Новую Землю, острова Финского залива, Кольский полуостров. В статье о северных лабиринтах он описал некоторые детали своего путешествия, которое в 30-е годы XIX века было, конечно, на парусных судах:

«Во время моего путешествия по Финскому заливу летом 1838 года внезапно стихший ветер вынудил нас пристать к маленькому и совершенно необитаемому острову Вир¹⁶, расположенному примерно в 6 верстах к югу от Гогланда»¹⁷, —

там ученый открывает новый лабиринт, а далее пишет об уже известном ему лабиринте:

«Лабиринт бухты Виловатая расположен на голой скале и сложен из небольших острых скальных обломков; по размерам он не больше, чем лабиринт острова Вир. Он также целый, и сохранился до сих пор, хотя еще 11 русских кораблей пришло с нами дожидаться смены ветра, и члены их экипажей, молодые и старые, прогуливались по поверхности скалы»¹⁸.

Передвижение парусных судов по морю всецело зависит от ветра, и почему-то так получается, что корабли пристаю к необитаемому острову, где сохранился лабиринт, а затем прячутся от непопутного ветра в бухте, где на берегу их ждет такое же сооружение. Не повторили ли они естественным образом путь древних и средневековых моряков с той же проблемой — ожидание попутного ветра? Только раньше моряки верили, что ветер можно призвать или усмирить, совершив определенный ритуал в лабиринте, а моряки и путешественники XIX века просто прогуливаются среди странно упорядоченных камней.

С. Н. Дурылин, размышляя о связи лабиринта и креста, склонялся также к версии, что перед отправкой в море проводился **очистительный об-**

ряд, так как крест, который, возможно, заменил лабиринт, имеет значение очищения и искупления. Выход в воды опасных северных морей или больших озер, где человек всецело зависит от погоды, отдает себя во власть ветра и воды, мог обставляться очистительными ритуалами, а лабиринты могли быть местами для совершения таких обрядов. Дж. Савард пишет:

«Мы встречаем повсюду, где был найден лабиринт, упоминание о том, что кольцообразные стены лабиринта обладали способностью запутывать и удерживать злых духов, обеспечивая тем самым защиту людей» [16: 141].

Значит, лабиринт-ловушка при его прохождении человеком выполняет еще и функцию очищения от злых духов:

«<...> когда рыбаки проходили лабиринт, за ними устремлялись маленькие человечки, или тролли. Закончив прохождение лабиринта, рыбаки мчались к своим лодкам, быстро выходили в море, оставляя человечков плутать в лабиринте и лишая их возможности чинить неприятности и приносить неудачу» [16: 141].

Похожим образом восточные славяне на троицко-семицкой (русальной) неделе заманивали русалку (переодетую девушку) в поле, оставляли ее там блуждать, а сами возвращались в селение, уверенные, что, во-первых, избавили себя от вредоносных чар этой водяной нечисти, во-вторых, передали полю ее плодородную силу [15: 94]. Может быть, европейские (из дерна) «лабиринты на лугах зеленых»¹⁹ (Шекспир) создавались с такой же целью: проходя через лабиринт, люди очищали себя, а также луг, поле от вредоносных духов? Тогда рисунки лабиринтов на различных зданиях и рядом с ними, на предметах быта (стиральные доски, ящики, изголовье кровати [16]), в орнаменте одежды когда-то могли выполнять роль оберега, защищающего от темных сил и плохого глаза. С переходом к христианству лабиринты-обереги могли какое-то время воспроизводиться по традиции, пока эту функцию окончательно не взял на себя крест (хотя суеверные люди и сегодня прикалывают к одежде булавку от сглаза). М. Г. Косменко предполагал, что крест выполнял «символическую функцию оберегов промысловых участков и их пользователей» [6: 145]. Все эти вопросы заслуживают отдельного исследования.

Очистительные обряды часто проводятся в момент перехода из одного мира в другой: омывают покойника, в баню ведут девушку перед свадьбой и т. п. Известно, что северные народы видели в море преграду между миром живых и миром мертвых, поэтому, отправляясь в плавание, действительно, могли проходить очистительный обряд, так как верили, что вступают

на путь, ведущий в мир иной, ведь многие оттуда не возвращались, потому что гибли в море. Даже в XX веке «людей, отплывающих в лодке, всегда крестили вслед. Возможно, в путешествии по воде человеку особенно была нужна охрана. И лодка, и вода были связаны с культом мертвых» [5: 431].

Стоит отметить, что моменты перехода (рождение, свадьба, похороны, масленица, святки и др.) сопровождались не только очистительными обрядами, но и ритуальной едой. Поморы и карелы перед рыбалкой тоже устраивали трапезу. М. Н. Власова в книге «Русский Север: брошенная земля» пишет:

«<...> на Терском берегу, по крайней мере во второй половине XX в. <...> Повсеместно ставили отвальное или привальное: “угощение при отъезде, прощальную пирушку”; “привальный стол”, “привальный обед”» [2: 68].

Можно ли «пирушку» рыбаков рассматривать как остатки некоего ритуала с магией еды? Обильная еда – это магия благополучия, такая необходимая, когда народ живет с риском не получить у природы пропитание. Как поясняет В. Я. Пропп,

«еда представлялась когда-то не только как средство насыщения, но и как акт приобщения себя и своего хозяйства к тем силам и потенциям, которые приписывались съедаемым блюдам» [15: 36].

Ритуальная еда земледельцев – хлеб, блины, каша, то есть земледелец приобщается через еду к растительному миру, охотники едят с этой целью мясо, рыбаки по этой логике должны были есть рыбу, возможно, делить эту трапезу с водным божеством, чтобы сначала умилиститвить его, а затем поблагодарить. У карелов так и было:

«Рыбным богом считался и Святой Петр. Когда весной шли первый раз на рыбалку, просили, чтобы он дал рыбы: “Anna, Pyhä Petri, kaloa!” А когда ели первую весеннюю уху (обязательно из рыбы, до которой не касался нож), ее крестили и говорили: “Pyhä Petri vereksilläs, näitä syömäh – toista soamah Святой Петр – на свеженькое, это есть – новое давать!” <...> До первой пойманной рыбы нельзя было дотрагиваться ножом, т. е. в рыбе оставалась вся кровь, оставались жизненные силы, душа (veri – кровь, veres – свежий). И вот на эту уху свежую, полную энергии, приглашался хозяин вод, который, так же как древний дух, изображался похожим на рыбу <...>» [5: 452].

В этом примере видим и желание умилиститвить бога, и причащение к нему через тело рыбы на совместной трапезе, и отголосок веры в магические свойства «чистого», свежего, неоскверненного. Описанный выше карельский обряд ритуального очищения, копчения рыболовных сетей,

по-видимому, был очистительным и для человека, потому что рыбаки «раздевались донуга» и «проходили с ножом во рту через мотню, пронося огонь» [5: 452]. Очистительные ритуалы с огнем, прохождением через мотню в нагом виде, причащение едой могли проводиться в сакральном месте, возможно, им был лабиринт.

Суммируя все сказанное, надо признать, что точка зрения С. Н. Дурылина соответствует всем критериям, учитывает образ жизни и народную культуру людей Севера, не приписывает им трудозатратных и ненужных действий, находит аналог в обрядах земледельцев. С древности и до XX века людям, живущим за счет моря, жизненно необходим был попутный ветер, к тому же, отправляясь в опасное плавание, откуда, возможно, уже не вернется, а перейдет в мир иной, человек мог совершать очистительный обряд. Обряд заклинания ветра был широко распространен ранее и сохранялся вплоть до XX века (рубка крестов, узелки); в этих местах когда-то были боги ветра и почти до наших дней сохранилась вера в божества воды, которым приписывали и власть над ветром. Закрученная форма и название «вавилон» могут быть образом, метафорой ветра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культово-промысловая версия и версия об обрядах перед выходом в море, скорее всего, не соперничают, а дополняют друг друга, потому что такие обряды, как заклинание ветра, обряд очищения перед выходом в море, ритуальное очищение и заклинание рыболовецких снастей, трапеза до и после рыбалки, могут быть связаны как части одной системы верований, остатки которой фольклористы и этнографы находили в XX веке. В таком случае лабиринт на берегу моря изначально мог быть рукотворным алтарем, сакральным местом, посвященным богу ветра, хозяину воды, у которого можно было попросить о насущном (ветер, рыба, здоровье) и поблагодарить за дары. Обряд заклинания ветра, вероятно, совершал знахарь, но перед отправкой в море пройти через лабиринт с целью очищения должны были все моряки, поэтому в оживленных местах, на перекрестках морских путей, нужно было много лабиринтов. Становится понятно, почему функция лабиринтов забылась: с усилением в этих землях христианства роль посредника между миром людей и высшими силами взяла на себя церковь, так было и с верованиями земледельцев. Суеверия искоренить не удалось, поэтому народные заговоры дожили до наших дней, а вот лабиринты постепенно исчезли или утратили свое ритуальное значение, потому что, как и другие культовые места, целе-

направленно искоренялись из веры и памяти народа. Почему тогда на Соловецких островах монахи не уничтожали, а сохраняли лабиринты? Возможно, при основании монастыря в XV веке лабиринты негативной реакции не вызвали, потому что или уже не использовались по назначению, или под влиянием моряков-христиан с запада были переосмыслены в контексте христианской веры. Нельзя исключать и того, что монахам, поселившимся на перекрестке морских дорог, «на пути ветров» («Калевала»), где в непогоду на небольшом замкнутом пространстве собирались моряки и рыбаки в ожидании попутного ветра, от которого зависела их жизнь, пришлось сначала терпеть лабиринты и связанные с ними ритуалы, а затем постепенно, с помощью просвещения и наставления подменять лабиринты образом креста, а моление ветра переадресовывать христианским святым (такой видоизмененный обряд С. Н. Дурылин, по-видимому, и застал на Заяцком острове). Напомним, что с приходом христианства в эти

земли покровителями северных моряков и рыбаков становятся Святой Петр и местный святой Варлаам Керетский (XVI век) – они проявляли такие же чудеса спасения, усмирения шторма, дарения богатого улова и попутного ветра, что и забытые божества [2], [5]. Со временем лабиринтообразные круги, вавилоны, окончательно уступили место новому символу – кресту, но не были уничтожены, потому что в северных районах благодаря постепенному переосмыслению перестали восприниматься как места языческого культа. Найдены и переходные формы: крест внутри лабиринта, лабиринты в форме креста, кресты, выложенные на земле камнями [11: 47–49]. Время выхода в море и начало ловли того или иного вида рыбы совпали с христианскими праздниками [2]. Процесс христианизации Русского Севера длился несколько столетий, в Карелии он начался с X века под влиянием Великого Новгорода, а на Кольском полуострове только с XV века, поэтому лабиринты там сохранились лучше.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бэр К. Э. Лабиринтоподобные каменные выкладки на Русском Севере // Историко-философский бюллетень Императорской Академии Наук. СПб., 1844. С. 70–79; Елисеев А. И. О так называемых вавилонах на севере России // Известия Императорского Русского географического общества Т. 19. СПб., 1883. С. 12–16; Спицын А. А. Северные лабиринты // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С. 101–112.
- ² Рева К. Следы доисторического населения Архангельской губернии (По раскопкам поселений каменного века). Архангельск: Губернская типография, 1898. 30 с.
- ³ Дурылин С. Н. Кандалакшский «вавилон» (к изучению северных лабиринтов). М., 1914. С. 7. Далее цитируется в круглых скобках фамилия и через двоеточие страницы. Цитаты из работ С. Н. Дурылина, К. Э. Бэра, а также названия источников в дореволюционной орфографии приводятся в современном написании.
- ⁴ Соловецкий лагерь особого назначения. Существовал с 1923 по 1933 год. Затем изменилось название. П. Флоренский, будучи в ссылке на Соловках после Н. Н. Виноградова, познакомился с его гипотезой и оставил свои размышления о лабиринтах как о месте погребения.
- ⁵ Виноградов Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Материалы СОК. Вып. 4. Соловки, 1927. С. 159.
- ⁶ Там же. С. 152.
- ⁷ А. Спицын еще в 1904 году, признавая внешнее сходство северных лабиринтов с церковными, высказал сомнение насчет использования их в христианском обряде: «Рассуждая беспристрастно, никак не возможно придумать, для совершения какого религиозного христианского обряда или обычая могли бы служить северные лабиринты, тем более, что большую часть года они покрыты снегом. Светский или даже языческий характер этих сооружений представляется более вероятным» (Спицын А. А. Северные лабиринты // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С. 112).
- ⁸ Дурылин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке // Дурылин С. Н. Три беса.: Художественная проза, очерки. М.: Совпадение, 2013. С. 322.
- ⁹ Скандинавский исследователь К. Вестердал [20] выдвинул гипотезу о связи лабиринтов со средневековым лоцманством, морской навигацией, но она не объясняет сохранность и форму лабиринтов.
- ¹⁰ Попов А. Н. Терский берег // ИАОИРС. 1914. № 1. С. 1.
- ¹¹ Фрейзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. С. 96–97.
- ¹² Лабиринты в Швеции, Финляндии, Эстонии тоже названы по городам: Троя, Иерусалим, Ниневия, Выборг, Константинополь, Иерихон, Лиссабон, Париж и др. В. Г. Мизин [11: 93–108] видит в этих названиях, перенесенных на лабиринты, образ утраченного города, который был разрушен или подвергался разрушению. Приведенные исследователем аргументы убедительны, но, наверное, стоило обратить внимание, что большинство этих городов располагались на берегу моря и были портовыми. Скорее всего, эти названия уже вторичные.
- ¹³ Виноградов Н. Соловецкие лабиринты... С. 157.
- ¹⁴ Аполлон Родосский. Аргонавтика / Пер/ Г. Ф. Церетели, Н. А. Чистякова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://librebook.me/the_argonautica/vol1/1 (дата обращения 17.06.2023).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Финляндия.

- ¹⁷ Бэр К. Э. Лабиринтоподобные каменные выкладки на Русском Севере // Историко-философский бюллетень Императорской Академии Наук. СПб., 1844. С. 70–79 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ufo-com.net/publications/art-7421-labirintopodobnie-kamennie-vykladky.html> (дата обращения 26.04.2023).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ «И лабиринты на лугах зеленых / Зброшены и еле различимы» (У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», перевод М. Лозинского).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боси Р. Лапландцы. Охотники за северными оленями. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 175 с.
2. Власова М. Н. Русский Север: брошенная земля: Фольклор несуществующих деревень (особенности и контексты бытования). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 464 с.
3. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 231 с.
4. Гурина Н. Н. Новые исследования древней истории Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Вып. 6. Петрозаводск: Карелия, 1977. С. 3–14 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evengusev.narod.ru/kola/gurina-1977.pdf> (дата обращения 25.04.2023).
5. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 557 с.
6. Косменко М. Г. Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 127–153.
7. Куратов А. А. Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 45 с.
8. Куратов А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973. С. 63–76.
9. Мартынов А. Я. Археологическая карта Беломорья: некоторые итоги и проблемы изучения // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. науч. ст. и докл. П. Соловецкий (Архангельская обл.): СОЛТИ, 2006. С. 187–212.
10. Мартынов А. Я. О методологических проблемах изучения каменных лабиринтов Северной Европы // Археология сакральных мест России: Сб. тезисов докладов науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 92–99.
11. Мизин В. Г. Исторические каменные лабиринты Севера России. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2022. 224 с.
12. Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.: Л., 1966. С. 185–193.
13. Паранин Г. Н., Паранин Р. В. Северные лабиринты как астрономические инструменты в соотношении с образцами мифологии и символами культуры // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. Вып. 4 (13). С. 120–134.
14. Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Питер, 2021. 560 с.
15. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2009. 176 с.
16. Савард Дж. Лабиринты. М.: Ниола 21 век, 2005. 224 с.
17. Шахнович М. М. К вопросу о валунных лабиринтах или первые христиане на Крайнем Севере // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. 2007. Вып. 7. С. 140–147.
18. Шахнович М. М. Хендолакшский лабиринт в Кандалакшском заливе Белого моря // Археология сакральных мест России: Сб. тезисов докладов науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 109–114.
19. Шумкин В. Я. Лабиринты – загадочные каменные сложения: изучение, историческая реальность и современная мифологизация // Археология сакральных мест России: Сб. тезисов докладов науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 99–104.
20. Westerdahl C. Navigational aspects of stone labyrinths and compass cards // Caerdroia. 1992. № 25. P. 32–40.

Поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 02.10.2023

Review article

Lidia N. Dmitrievskaya, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Maksim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8074-846X; mirfilologa@yandex.ru

SERGEY DURYLIN'S HYPOTHESIS ABOUT THE PURPOSE OF THE NORTHERN LABYRINTHS: RITE OF PURIFICATION AND PRAYER TO THE WIND

Abstract. In the early 1910s, Sergey Durylin explored the labyrinths on the Bolshoy Zayatsky Island (the Solovetsky archipelago) and was the first to describe the Kandalaksha stone labyrinth. Having collected necessary information (location by the sea, proximity to a busy ancient sea route, good preservation, rituals of the peoples of the North in the

XIX and the early XX centuries) Durylin put forward his hypothesis about the purpose of the labyrinths. In his opinion, the labyrinths were the place where prayers to the wind and purification rites were performed before going to sea. The article discusses various hypotheses of researchers of the XX–XXI centuries. All hypotheses are tested according to four criteria: they have to explain or take into account location by the sea, climate, good preservation, and the shape of labyrinths. The novelty of the study lies in the fact that when testing various hypotheses about the purpose of labyrinths, the archeological data were correlated with the materials collected by folklorists, which made it possible to fit labyrinths into the general system of beliefs of the peoples of the North. Durylin's version meets all the selected criteria and is indirectly confirmed by folklore and literature about sea voyages on sailing ships. This hypothesis about the purpose of the northern labyrinths is well grounded and plausible, however, it has not been proved or rejected so far, and the question of the purpose of the northern labyrinths remains open and relevant. The assumption about the existence of some fishing cult ritual and the version about performing rituals before going to sea are likely to be complementary as parts of the same belief system, the remains of which were found by folklorists and local historians in the XX century.

Key words: Sergey Durylin, northern labyrinths, Kandalaksha “Babylon”, hypothesis about the purpose of labyrinths, rite

For citation: Dmitrievskaya, L. N. Sergey Durylin's hypothesis about the purpose of the northern labyrinths: rite of purification and prayer to the wind. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):8–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.970

REFERENCES

1. Bosi, R. Laplanders. Reindeer hunters. Moscow, 2004. 175 p. (In Russ.)
2. Vlasova, M. N. Russian North: abandoned land: The folklore of non-existent villages (features and contexts of existence). St. Petersburg, 2021. 464 p. (In Russ.)
3. Gurina, N. N. History of culture of the ancient population of the Kola Peninsula. St. Petersburg, 1997. 231 p. (In Russ.)
4. Gurina, N. N. New studies of the ancient history of the Kola Peninsula. *Nature and Economy of the North*. 1977;6:3–14. Available at: <http://www.evgengusev.narod.ru/kola/gurina-1977.pdf> (accessed 25.04.2023). (In Russ.)
5. Ivanova, L. I. Characters of Karelian mythological prose. Studies and texts of bylichkas, byvalshchinas, and beliefs of the Karelian peoples. Part one. Moscow, 2012. 557 p. (In Russ.)
6. Kosmenko, M. G. Belonging and functions of stone constructions in Karelian maritime area. *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2013;1(3):127–153. (In Russ.)
7. Kuratov, A. A. Stone labyrinths in the sacred space of Northern Europe. Arkhangelsk, 2008. 45 p. (In Russ.)
8. Kuratov, A. Ancient labyrinths of the Arkhangelsk White Sea region. *Collection of papers on history and local history*. Vologda, 1973. P. 63–76. (In Russ.)
9. Martynov, A. Ya. Archaeological map of the White Sea region: some results and problems of study. *Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction: Proceedings of international research and practice conference*. P. Solovetsky (Arkhangelsk region), 2006. P. 187–212. (In Russ.)
10. Martynov, A. Ya. The methodological problems of studying the stone labyrinths of Northern Europe. *Archeology of sacred places in Russia: Abstracts of reports for the scientific conference with international participation*. Solovki, 2016. P. 92–99. (In Russ.)
11. Mizin, V. G. Historical stone labyrinths of the North of Russia. St. Petersburg, 2022. 224 p. (In Russ.)
12. Mullo, I. M. Revisiting the issue of stone labyrinths of the White Sea region. *New monuments of the history of ancient Karelia*. Moscow; Leningrad, 1966. P. 185–193. (In Russ.)
13. Paranina, G. N., Paragin, R. V. Northern labyrinths as astronomical instruments in relation to examples of mythology and symbols of culture. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2009;4(13):120–134. (In Russ.)
14. Propp, V. Ya. Morphology of the folktale. The historical roots of the folktale. St. Petersburg, 2021. 560 p. (In Russ.)
15. Propp, V. Ya. Russian agricultural feasts: historical and ethnographic research. Moscow, 2009. 176 p. (In Russ.)
16. Saward, J. Labyrinths. Moscow, 2005. 224 p. (In Russ.)
17. Shakhnovich, M. M. Revisiting the issue of boulder labyrinths, or the first Christians in the Far North. *Proceedings of Moscow State Pedagogical University. Historical Sciences*. 2007;7:140–147. (In Russ.)
18. Shakhnovich, M. M. Khendolaksha labyrinth in the Kandalaksha Bay of the White Sea. *Archeology of sacred places in Russia: Abstracts of reports for the scientific conference with international participation*. Solovki, 2016. P. 109–114. (In Russ.)
19. Shumkin, V. Ya. Labyrinths – mysterious stone structures: study, historical reality, and modern mythologization. *Archeology of sacred places in Russia: Abstracts of reports for the scientific conference with international participation*. Solovki, 2016. P. 99–104. (In Russ.)
20. Westerdahl, C. Navigational aspects of stone labyrinths and compass cards. *Caerdroia*. 1992;25:32–40.

Received: 15 June 2023; accepted: 2 October 2023

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ КАНДАЛАКШСКОГО МОНАСТЫРЯ

А н н о т а ц и я . Кандалакшский монастырь на берегу реки Нива – самый древний в Русской Лапландии – основан в начале XVI века. В 2013 и 2015 годах впервые на месте разрушенной монастырской церкви Рождества Богородицы проведены археологические работы. Целью работ было получение новой информации о культурном слое монастыря, времени основания и неизвестных этапах его истории. Раскопками изучена восточная часть церкви на площади 47 м². Найден хорошо сохранившийся культурный слой XVII–XIX веков мощностью 0,8 м. Обнаружены интересные объекты под церковью: фундамент 1865 года, четыре каменных кладки, два погребения, остатки стен и столбов. В основном они датируются XVII веком, но есть датировки периода конца XV – начала XVI века, что важно для поиска следов «домонастырского» периода. Оригинальное погребение в алтаре – двое мужчин, лежащих друг на друге в одной яме, – мы рассматриваем как монашеское и статусное. Находки – это в основном гвозди и скобы, индивидуальных артефактов немного: отвертка для ружья XVIII века, фрагменты окошек из слюды, медный крестик из погребения младенца, керамика, рыболовный крючок, зерна ячменя. Раскопки подтвердили актуальность исследований и перспективность их продолжения.

Ключевые слова: Кандалакшский монастырь, церковь Рождества Богородицы, позднее Средневековье, археологические исследования

Благодарности. Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы». Искренняя признательность за помощь Д. Лоскутову, В. Онацкому.

Для цитирования: Шахнович М. М. Археологическое изучение церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 23–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.971

ВВЕДЕНИЕ

Два первых десятилетия XXI века отмечены увеличением объемов археологических работ на монастырских усадьбах Северо-Запада России. На территории Мурманской области РФ изыскания по церковной археологии начались в 2010 году с раскопок «старой» церкви свв. страстотерпцев Бориса и Глеба на реке Паз [5]. В последующие годы проводились рекогносцировочные исследования храмов Рождества Христова Трифоново-Печенгского монастыря и Свято-Никольского села Варзуга [6], [8].

Для изучения вопросов, связанных со становлением православия в Русской Лапландии, и расширения источниковой базы по периоду позднего Средневековья региона обследование

усадьбы Кандалакшского монастыря, считающегося древнейшим на Кольском Севере, – это качественно важное направление работы.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕКИ НИВА

Первое известное упоминание об археологических находках из окрестностей села Кандалакша принадлежит С. Н. Дурылину, описавшему распространенное на Русском Севере лечение с помощью «громовых стрел» и знаменитый лабиринт – «вавилон» на острове в местечке Питкуль¹. В 1928 году первые археологические изыскания в устье реки Нива осуществлены сотрудниками Палеоэтнологической партии Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ под руководством А. В. Шмид-

та². В 1934–1935 годах геологи Г. И. Горецкий и И. А. Карасёв обнаружили на древних террасах, на участке между селами Кандалакша и Пинозеро, восемь стоянок эпохи неолита³. В 1946 году Н. Н. Гурина обследовала окрестности Кандалакши, где нашла еще семь новых местонахождений кварцевого материала и асбестовой керамики⁴.

В 1970–1974 годах археологи КФ АН СССР Ю. В. Титов, П. Э. Песонен и А. В. Анпилов осмотрели левый берег реки Нива от Пинозера до Кандалакшской губы и открыли более 30 древних поселений⁵. В 1971 году на Монастырском Наволоке, на территории поморского кладбища, сделаны сборы гончарной керамики и зафиксировано средневековое поселение⁶. В 2006 году валунные сложения и энеолитические стоянки около лабиринта обследовал А. М. Жульников⁷.

КАНДАЛАКШСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Время основания многих монастырей Севера – одна из дискуссионных тем церковной истории. Письменные сведения, как правило, скудны или полностью отсутствуют. Известная информация о начальном этапе продолжительной истории Кандалакшского монастыря также незначительна. В первой половине XVI века село Кандалакша упоминается как место, куда ежегодно свозились сборы из саамских погостов всей Русской Лапландии. Большинство региональных историков XIX–XXI веков относят основание обители к 1526 году⁸, но в историографии высказывается и другая гипотеза о том, что Пречистенский Рождественский монастырь возник позднее – в 1554 или в 1548 году⁹ (рис. 1).

Рис. 1. Город Кандалакша.
Местонахождение церкви Рождества Богородицы

Figure 1. City of Kandalaksha.
Location of the Church of the Nativity of the Mother of God

Уже во II половине XVI века обитель имела два храма: Рождества Пречистой Богородицы и св. Николая Чудотворца. На правой «мирской» стороне реки Нива еще стояла приходская церковь св. Иоанна Предтечи. Храмы неоднократно горели при неприятельских нападениях на Кандалакшу. Во время похода на Беломорье отряда «каянских» финнов 26 мая 1589 года были сожжены обе монастырские церкви, и после этого храм св. Николая Чудотворца не восстанавливался¹⁰. Монастырь пострадал и во время Смуты от двух зимних налетов «воровских шаек» в 1613, 1614/1615 годах¹¹. В 1693 году «Кандалакшской монастырь волею Божию погорел без остатка»¹². Летом 1855 года монастырский храм был снова сожжен английским десантом. Несмотря на частые разорения, мужской монастырь в XVII веке оставался значимой северорусской обителью с обширным промысловым хозяйством¹³.

Монастырь и поморское селение располагались друг напротив друга на обоих берегах устья реки Нива. Скорее всего, выбор места не был случаен. На Севере монастырь и кладбище традиционно отделялись водной преградой от мирского поселения. Монастырский Наволок – приустьевый участок левого берега реки в начале XVII века – считался территорией, принадлежавшей исключительно монастырю¹⁴. В писцовой книге 1608–1611 годов значится, что соседствовавшим кандалакшским крестьянам предписывалось «не вступатися, лодьям их не приставати и дворов и мельниц на том берегу не ставити и никоторого насильства монастырю не чинити»¹⁵.

В 1742 году захиревшая после петровских церковных преобразований обитель в Кандалакше «по скудности» была приписана к Соловецкому монастырю. В 1764 году ее упразднили по секуляризационной реформе Екатерины II и более не возрождали. Пречистенская церковь стала приходской. Сейчас большая часть бывшей территории Кандалакшского Пречистенского монастыря занята поморским кладбищем XIX–XX веков, огородами и частными домами.

Церковь Рождества Пречистой Богородицы после уничтожения англичанами была восстановлена в 1865 году местным приходом и в 1942 году разобрана. Она находилась на краю ровной песчаной площадки северного берегового склона скального приустьевого мыса, на высоте 8 м над уровнем моря, в 0,15 км к востоку от окончания левого берега реки Нива при ее впадении в Белое море. Сохранились подробные описания храма, сделанные в начале XVIII и в конце XIX века,¹⁶ а также фотографии, позволяющие воссоздать его внешний облик до и после пожара 1855 года¹⁷ (рис. 2).

Рис. 2. Кандалакша. Монастырский Наволок. Церковь Рождества Богородицы. 1903 год. Вид с запада. МЩОФ 5221-19

Figure 2. Kandalaksha. Monastyrsky Navolok (Monastery Cape). Church of the Nativity of the Mother of God. 1903. View from the west. MSHCHOF 5221-19

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

В 2013 и 2015 годах на месте разрушенной церкви Рождества Богородицы на Монастырском Наволоке экспедицией Национального музея Республики Карелия были проведены археологические раскопки. Задачи работ: получение сведений о структурной характеристике культурных напластований на месте храма, оценка их состояния, расчистка и диагностика сохранности каменного фундамента, поиск новой информации по истории монастыря, особенно вычленение «домонастырского» слоя ранее середины XVI века. Первоначально раскопом в 32 м² обследовалась алтарная часть храма. В 2015 году работы были продолжены прирезкой на площади 15 м².

Стратиграфия. Мощность прослеженных культурных отложений была неравномерной: вдоль северной стены церкви – до 1,12 м, в западной части – 0,8 м. Усредненно стратиграфия в раскопе выглядит следующим образом: коричневый песок (слой огорода) – 0,2–0,25 м; темно-желтый песок – 0,1–0,16 м; темно-желтый песок с углями – 0,1–0,2 м; черный углистый слой пожара – 0,2–0,25 м; крупнозернистый темно-желтый песок – 0,2–0,25 м; желтый песок – материк.

Стратиграфическая колонка напластований хорошо иллюстрирует разные периоды строительной деятельности на месте церкви. Остановимся подробнее на основных ее составляющих.

1. Верхняя часть культурных напластований пострадала от деятельности, связанной с функционированием огорода последние сорок лет. При ручном перекапывании грунта вещественные остатки многократно перемещались в почве, также производилась подсыпка песка.

2. После последнего пожара 1855 года строители не расчистили место гари, а решили «накрыть» сгоревшие остатки предшествовавшей деревянной постройки слоем песка мощностью 0,1–0,2 м, тем самым осуществив их консервацию. Эта подсыпка также выровняла общий естественный наклон поверхности холма в сторону реки и несколько приподняла новое здание храма, подчеркнув его смысловую доминанту. Она производилась сначала темно-желтым с углями песком, взятым рядом с местом пожара, а затем поверх него отсыпался желтый песок без углей. В нем, кроме кусочков красного кирпича и шлаков, единично встречались разрозненные небольшие фрагменты человеческих костей, поэтому можно предположить, что использовался грунт с расположенных рядом площадок по периметру здания, где находились более ранние захоронения. Отметим, что мощность слоя отсыпки в алтаре значительно больше, чем на других участках внутри фундамента церкви.

3. Слой пожарища – насыщенный углем песок черного цвета и расположенный ниже темно-желтый песок с углями – значительный по мощности: 0,25–0,4 м. В верхней части углистого слоя находится большое число раздробленных и перемешанных обугленных крупных кусков древесины. На уровне 0,45–0,53 м от современной дневной поверхности (с. д. п.), в северной части раскопа, зафиксирован хорошо сохранившийся, полностью обугленный настил пола из плотно подогнанных друг к другу небольших плах и бревен шириной 0,12–0,17 м, уложенных с севера на юг и, что важно, точно перпендикулярных длинной оси фундамента 1855 года. Отметим, что доски располагались под небольшим, но ощутимым наклоном в 10° в южную сторону. Под обугленным настилом фиксировалась прослойка (толщиной 1 см) древесного тлена, находившегося уже в слое крупнозернистого темно-желтого с мелкими углями и следами прокала песка. Черный углистый слой можно связать с пожарами 1693 и 1855 годов.

4. Четкий контакт слоев стратиграфической колонки в предматериковой зоне позволяет высказать предположение, что та часть культурного слоя, которая должна включать отложения более раннего времени, чем середина XVII века, была, вероятно, удалена во время предшествующего строительства. Серия радиоуглеродных определений 2015 года, датирующих каменную кладку и основания столбов, расположенных ниже общего уровня материка, периодом конца XV – начала XVI века, тому подтверждение (таблица).

Кандалакша. Церковь Рождества
Богородицы. Радиоуглеродные даты
Kandalaksha. Church of the Nativity of the
Mother of God. Radiocarbon dates

SPb-1067 2013 год	погребение. ко- стяк 1, кость	246 ± 25 BP	1632–1637 calAD одна сигма, вероятность 63,4 %
SPb-1068 2013 год	пол, уголь, уро- вень 0,6 м от с. д. п.	276 ± 25 BP	1619–1665 calAD одна сигма, вероятность 46,3 %
SPb-1127 2013 год	столб «алтарной преграды», уголь, уровень 0,6 м от с. д. п.	248 ± 25 BP	1632–1671 calAD одна сигма, вероятность 64,3 %
SPb-1128 2013 год	столб «алтарной преграды», древесный тлен, уровень 0,7 м от с. д. п.	252 ± 30 BP	1625–1678 calAD одна сигма, вероятность 55,3 %
SPb-1838 2015 год	древесный тлен под обугленны- ми бревнами, 0,45 м от с. д. п.	364 ± 25 BP	1451–1527 calAD одна сигма, вероятность 53 %
SPb-1839 2015 год	кладка 3, уголь, 0,65 м от с. д. п.	370 ± 25 BP	1450–1524 calAD одна сигма, вероятность 57,8 %
SPb-1840 2015 год	столб 4, древес- ный тлен, 0,82 м от с. д. п.	262 ± 25 BP	1626–1670 calAD одна сигма, вероятность 62,1 %
SPb-1842 2015 год	столб 6, древес- ный тлен, 0,82 м от с. д. п.	531 ± 35 BP	1388–1443 calAD одна сигма, вероятность 69,8 %
		370 ± 25 BP	1450–1524 calAD
SPb-2026 2015 год	кладка 3, уголь, 0,67 м от с. д. п.	365 ± 30 BP	1449–1529 calAD одна сигма, вероятность 51,5 %

**Объекты, прослеженные в границах
исследованного участка**

Фундамент. В настоящее время остатки церкви представлены только хорошо выделяющейся на поверхности, руинированной фундаментной кладкой, возведенной при восстановлении храма после пожара 1855 года. Она, к счастью, не разбиралась в советское время и ко времени раскопок сохранилась полностью (рис. 3).

Рис. 3. Церковь Рождества Богородицы. Фундамент церкви. Вид с севера. 2013 год. Фото М. Шахновича

Figure 3. Church of the Nativity of the Mother of God.
Foundation of the church. View from the north. 2013.
Photo by M. Shakhnovitch

Внешняя сторона фундамента сложена «насухо» из уплощенных, частично отесанных, крупных прямоугольных блоков дикого камня, установленных на зарытые в землю необработанные валуны. Верхнюю плоскость конструкции нивелируют небольшие плоские камни. Северная стена сложена из трех рядов камней, южная и западная – из двух. Внутренняя сторона делалась из необработанных валунов. Центр кладки, между внешними и внутренними линиями крупных блоков и валунов, забутован мелкими камнями. Ими же закладывались щели и полости внешней стороны фундамента. Ширина стены молельного помещения – 1,05 м, высота с внешней стороны, обращенной к воде, – 0,55–0,8 м. Общая длина фундамента здания по длинной оси – 27,2 м, наибольшая ширина – 10,7 м. Внутренние каменные выкладки между притвором, центральной частью и алтарем, которые обычно делали «вперевязку» с периметральным контуром, отсутствуют. Внутренняя стена сделана только между колокольной и притвором.

Фундамент колокольни имел меньшую ширину – 0,6 м, он был сложен из необработанных небольших камней более небрежно и без скрепления раствором.

В границы раскопа 2013 года вошел фрагмент фундамента алтаря южной стены церкви. Он был раскрыт на участке длиной 4,5 м. Его ширина – 1,05 м, но в месте углового изгиба она увеличивается до 1,4 м. В высоту кладка состоит из трех рядов камней: двух больших и сверху более мелких для выравнивания. Для постройки использовались камни размерами от 0,3 × 0,4 м до 0,6 × 0,8 м и толщиной 0,15–0,3 м. Подошва фундамента с внутренней стороны находилась на глубине 0,3 м от с. д. п., а с внешней, где существует естественный наклон, – 0,4 м от с. д. п. Специальная траншея для камней в этой части фундамента не прослежена, то есть они укладывались на выровненную песчаную поверхность.

В раскопе, в 0,5 м к югу от стены здания, прослежен и фрагмент основания церковной ограды, сложенной из небольших камней (размерами 0,25–0,35 м). На фотографии начала XX века видно, что по внешнему периметру церкви располагался декоративный деревянный забор с двустворчатыми воротами с южной стороны, а за его пределами – могилы с крестами и деревянными «домиками мертвых».

Алтарная преграда. В северной части исследованного участка, на уровне 0,6 м от с. д. п., выявлена продолжающаяся в северную бровку цепочка из вертикально установленных, плотно составленных, одинакового диаметра (0,24 м),

окоренных тринадцати столбов, точнее, их оснований (высотой 0,26 м). Они прослежены в пределах раскопа на протяжении 3,2 м по условной линии север – юг, перпендикулярно длинной оси здания. В верхней части они полностью обуглены, но структура древесины хорошо сохранилась (рис. 4). Их нижние округлой формы окончания не подверглись сильному термическому воздействию и представляют собой древесный тлен. Канавка (шириной 0,42 м), в которую были установлены бревна, заглублена в материковый песок на 0,32 м. С обеих ее сторон, на одном уровне с верхним краем «стенки», прослежены остатки сгоревшего пола. Сооружение можно интерпретировать как легкую стену в подклети, отделяющую пространство под алтарем. Радиоуглеродный возраст образцов из нижней и верхней частей одного из бревен – 248 ± 25 л. н. (SPb 1127) и 252 ± 30 л. н. (SPb 1128), что соответствует середине XVII века¹⁸.

Рис. 4. Церковь Рождества Богородицы. Алтарная преграда. Вид с запада. 2013 год. Фото М. Шахновича

Figure 4. Church of the Nativity of the Mother of God. Altar barrier. View from the west. 2013. Photo by M. Shakhnovich

Кладки. В границах алтарного пространства подклети церкви обнаружены две разновидности каменные кладки.

Кладка 1 ($1,8 \times 1,05$ м) проступила одним уровнем на глубине 0,56–0,58 м от с. д. п. в центре церкви, под Царскими вратами. Она выложена в один слой из уплощенных камней размерами 0,2–0,6 $\times$ 0,15–0,3 м. Под кладкой прослежены фрагменты истлевшей древесины толщиной до 3 см. Находки при разборке кладки: оконница слюдяная (1), скоба железная (1), гвозди кованые (4), кусочки слюды серебристого цвета (3), фрагменты бересты. Кладка и остатки алтарной преграды находятся на одной линии и, скорее всего, взаимосвязаны как части одной конструкции.

Кладка 2 сложена в «поздней» яме в условном центре подалтарного пространства. Яма размерами 1,6 $\times$ 1,3 м в плане округлой формы, с ровным дном и отвесными краями. Ее дно находилось на уровне 0,87 м от с. д. п. Она была сделана именно для размещения в ней кладки 2. Сложение ($1 \times 0,9 \times 0,2$ м) выложено из камней размерами 0,2–0,4 $\times$ 0,15–0,25 м, аккуратно уложенных в два ряда. Заполнение между камнями – темно-желтый, с крошкой кирпича и известкового раствора песок. Слой под камнями – желтый песок мощностью 0,06 м и ниже – материковый светло-желтый песок. Выскажем предположение, что это «закладной камень» – место под престолом, созданное при восстановлении церкви после пожара 1855 года. Специально выложенные каменные основания престолов и примыкающие к ним особые опоры для запрестольных крестов известны по результатам раскопок московских храмов XVI–XVIII веков [1].

В раскопе 2015 года прослежены еще две каменные кладки.

Кладка 3 находится в центральной части церкви. В плане она овальной формы, размер – 0,7 $\times$ 0,48 м, сложена из мелких, расколотых огнем осколков каменных плит (max 0,1 $\times$ 0,15 м), лежащих на уровне 0,62–0,73 м от с. д. п. в углистом слое пожара. Слой в центре сооружения также насыщенный углистый песок, который продолжался ниже уровня камней на глубину еще 4 см. В кладке поверх камней найден фрагмент лобной кости человеческого черепа с участком глазницы, которая, вероятно, не связана с ее функционированием. Другие находки внутри кладки отсутствовали. В центре сооружения взяты крупные образцы угля на радиоуглеродный анализ, которые дали две даты, приходящиеся на период середины XV – начала XVI века: 370 ± 25 BP и 365 ± 30 BP / 1450–1524 и 1449–1529 calAD (SPb-1839, 2026). Данное сооружение можно определить как очажную кладку.

Кладка 4 – это три плоские плиты гранита, в плане подквадратной формы, без обработки, размерами max 0,45 $\times$ 0,6 м, толщиной до 0,07 м, проступившие одним уровнем на глубине 0,45–0,47 м от с. д. п. Она начинается в 0,9 м к западу от очажной кладки 3 и продолжается в юго-западный угол раскопа, совпадая с направлением длинной оси церкви. Длина прослеженного в раскопе участка кладки – 1,75 м. Грунт между камнями и под ними на глубину 0,18 м – углистый песок. При разборке слоя под камнями найден один кусочек слюды серебристого цвета, рядом с ними – шесть кованых гвоздей и фрагмент слюдяной оконницы.

В 0,25 м к северу от камней находилась обушенная плаха ($1,75 \times 0,3 \times 0,04$ м), лежащая параллельно кладке, вероятно, остатки пола. Дата древесного тлена нижней части доски – 364 ± 25 BP / 1451–1527 calAD (SPb-1838), что совпадает с датой, полученной из кладки 3.

По нашему мнению, все четыре каменных сложения по характеру их залегания в культурном слое относятся к одному комплексу объектов, созданных в подклети церкви в XVII веке.

Погребения. В южной части подалтарного пространства, на уровне 0,86 м от с. д. п., выявлены непо потревоженные, хорошей сохранности два костяка, лежащие друг на друге в одной могильной яме. Какие-либо надмогильные сооружения, отмечающие погребение на поверхности (камни, остатки столба или «гробнички» и т. п.), не зафиксированы.

Могильная яма стала читаться на уровне 0,45 м от с. д. п. как пятно насыщенного черного углистого песка, в плане подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами $1,8 \times 0,7$ м. Она прорезала вышележащий угольный слой и была заглублена в материковый крупнозернистый светло-желтый песок на 0,12 м. Ориентировка захоронения совпадает с продольной осью церкви, то есть головой на западный сектор горизонта (рис. 5).

Рис. 5. Церковь Рождества Богородицы. Погребение. Уровень 0,8 м от с. д. п. Вид с юго-востока. 2013 год. Фото М. Шахновича

Figure 5. Church of the Nativity of the Mother of God. Burial. Depth of 0.8 m from the present-day surface. View from the southeast. 2013. Photo by M. Shakhnovich

Погребальное деревянное сооружение, предназначенное для укладки тел умерших, практически не сохранилось. Однако у верхнего погребенного наблюдаются вдоль стенок могильной ямы тонкие полоски древесного тлена темно-коричневого цвета (толщиной до 0,7–1 см) от боковых досок. В то же время при расчистке верхнего

захоронения в юго-западном углу «изголовной» части могилы обнаружен лежавший горизонтально гвоздь. Он типично для «гробовых» гвоздей небольшой – длиной 5,6 см, с квадратной шляпкой, вокруг которой сохранились остатки древесины.

Погребенные – мужчины, 40–45 лет – верхний и 30–40 лет – нижний. Они лежат в вытянутом положении на спине, в анатомическом порядке, головой на запад, слой песка между ними минимален – 2 см. Руки согнуты в локтях и положены друг на друга на животе (верхний) и в области тазовых костей (нижний). Следов «подстилки» под костяками, берестяного покрытия, погребальной обуви и сопутствующих находок не обнаружено.

Погребение ориентировано точно по продольной оси здания церкви, что исключает предположение, что оно существовало до строительства храма и нахождение его в алтаре – это случайность. Могила располагалась под полом алтаря, в высокой подклети церкви, что является нередкой ситуацией в храмах Русского Севера, которые, как и большинство жилых строений, традиционно приподнимались над землей. Это давало возможность постоянного доступа к ней через отдельный боковой вход. Археологический контекст «почетного» места захоронения в объеме алтаря указывает на высокий статус обоих пока неизвестных погребенных. Однако расположение тел друг на друге – неординарная ситуация для этого региона. Анализ планиграфии могилы и костяков, а также характер засыпки ямы позволяют считать, что оба тела были захоронены вместе или через небольшой временной промежуток.

Радиоуглеродный возраст фрагмента кости верхнего погребенного – 246 ± 25 BP (SPb 1067). Калиброванный календарный возраст приходится на два интервала: 1632–1673 (63,4 %) – 1644–1665 годов (54,7 %).

В раскопе 2015 года на уровне 0,75 м от с. д. п. найдено ориентированное по линии север – юг захоронение младенца. Кости скелета в анатомическом порядке лежали на куске бересты, в неглубокой деревянной «колоде» ($0,48 \times 0,13$ м, толщиной около 1 см). Тело было уложено на спину, со скрещенными на животе руками и накрыто куском бересты. В районе груди находился медный нательный крест. Погребение имеет следы сильного термического воздействия, поэтому можно заключить, что оно было произведено раньше пожара.

Валуны. Отдельно остановимся на двух крупных валунах, обнаруженных внутри периметра

фундамента. Они сходны по шаровидной форме, размерам ($0,76 \times 0,65 \times 0,48$ м, $0,7 \times 0,6 \times 0,5$ м) и контексту нахождения в слое. Камни выступают над общим уровнем с. д. п. на 0,12 м и лежат на углистом песке толщиной 0,25 м, то есть они были преднамеренно доставлены на данный участок уже после пожара (рис. 6). Их назначение неясно. Найденный при раскопках церкви Благовещенья Пресвятой Богородицы в Иконо-Яшезерском монастыре подобный валун выполнял функцию закладного камня в алтаре. Но насколько можно рассматривать их в данном качестве в ситуации многократно горевшей церкви на Монастырском Наволоке, пока точно сказать невозможно.

Рис. 6. Церковь Рождества Богородицы. Столбы. Уровень 0,85 м от с. д. п. Вид с юга. 2015 год. Фото М. Шахновича

Figure 6. Church of the Nativity of the Mother of God. Pillars. Depth of 0.85 m from the present-day surface. View from the south. 2015. Photo by M. Shakhnovitch

Столбы. В предматериковом слое, на глубине 0,7–0,8 м от с. д. п., единым уровнем проступили нижние части оснований, установленных вертикально шести бревен (диаметр 0,17–0,25 м, длина сохранившейся части – 0,05–0,1 м). Следы от ям для их вкапывания отсутствуют. Древесина столбов – это истлевшая древесная труха (сосна) без коры, без следов специального обжига, пропитки или обмазки. Верхняя плоскость «пеньков» ровная, без заломов, что, как и в ситуации с «алтарной преградой», наводит на мысль об аккуратном спиле, нижняя – плоская (рис. 7).

Определенную систему в их расположении наметить трудно, но четыре из них установлены попарно. Вероятно, в подклети они предназначались для поддержки расположенного выше пола основного зала храма. Из древесины одного из столбов получено радиоуглеродное определение 262 ± 25 BP / 1626–1670 calAD (SPb-1840), близкое к дате «алтарной стенки» церкви. В то же время отдельно расположенный столб с вбитым

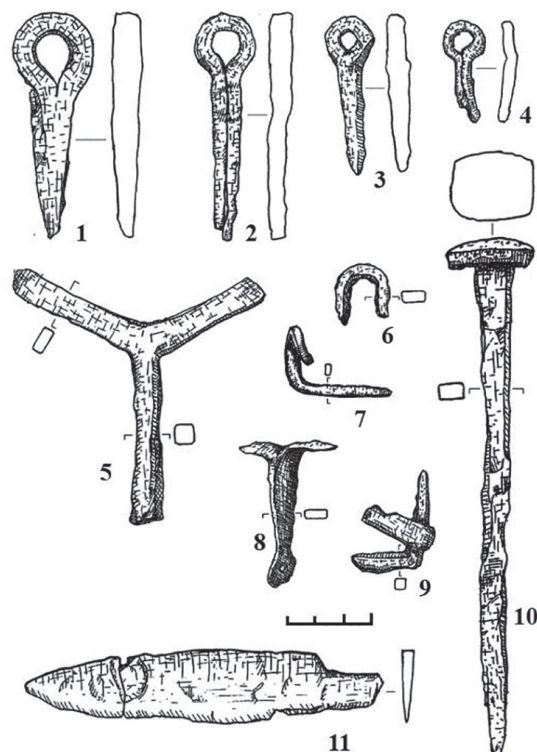

Рис. 7. Монастырский Наволок-2013. Находки железные: 1–4 – пробой; 5 – отвертка ружейная; 6 – фрагмент крепления; 7 – петля; 8 – пробой; 9 – обломок пряжки ремня; 10 – гвоздь; 11 – нож

Figure 7. Monastyrsky Navolok-2013. Iron finds: 1–4 – breakdowns; 5 – gun screwdriver; 6 – fastening fragment; 7 – loop; 8 – breakdown; 9 – belt buckle fragment; 10 – nail; 11 – knife

в его нижнюю часть кованым гвоздем, имеющий наибольшие размеры (диаметр – 0,24 м, длина – 0,3 м), дал более древнюю дату – 531 ± 35 BP / 1388–1443 calAD (SPb-1842), относящуюся к концу XIV – I половине XV века.

Находки. Коллекция вещевых материалов из раскопа относительно большая – 1000 экз. (в среднем 21 на 1 м²), но число датирующих вещей в ней минимально. Существенная мощность культурного пласта, не потревоженного поздними перекопами, позволяет использовать стратиграфические наблюдения для установления времени попадания разных предметов в слой. Находки в основном встречались на уровне 0,2–0,7 м от с. д. п., но позднесредневековый блок вещей соотносится с нижним уровнем – 0,5–0,8 м от с. д. п.

Удалось выявить и определенную планиграфическую приуроченность местонахождений отдельных предметов в алтаре церкви. Комплексы находок 2013 и 2015 годов, несмотря на то что участки примыкают друг к другу, качественно разнятся. В 2015 году найдено значитель-

но меньше индивидуальных вещей и массового строительного материала – гвоздей и скобок. Возможно, это объясняется тем, что, например, последние использовались для отделочных работ только в алтаре.

В рамках статьи ставится задача предварительно наметить основные виды находок в коллекции и определить общие хронологические рамки их существования. Возникают трудности с атрибутированием и датированием многочисленного кованого «строительного приклада» из железа, имеющего продолжительное бытование на протяжении XVI–XIX веков. Это не позволяет уверенно разделить большинство предметов на разновременные группы, и датировка ряда вещей имеет предположительный характер.

Как обычно, самые массовые находки при раскопках церквей – это строительно-крепежные и мебельные *гвозди* – 521 штука. В первую очередь они делятся на фрагментированные (248) и целые экземпляры (273). В количественном отношении преобладают четырехгранные гвозди, изготовленные вручную и машинным способом – 260 экз.¹⁹ Они несут следы деформации и термического воздействия, имеют квадратную или прямоугольную форму в поперечном разрезе стержня (0,4–0,6 × 0,4–0,7 см), плоскую расплюснутую шляпку в плане прямоугольной формы и плавное сужение к острию по всей длине (рис. 7: 10; 8: 6). Наиболее распространенная длина стержней кованых «гвоздей прибойных» варьирует в пределах от 7 до 11 см (преимущественно – 8,5 и 10,5 см). Такая же ситуация наблюдалась и на материалах раскопок церкви свв. Бориса и Глеба на р. Паз в Печенгском районе Мурманской области [5: 192]. Небольшое количество «современных», изготовленных машинным способом тянутых гвоздей с круглым сечением (13 штук) говорит о незначительных подновлениях церкви в конце XIX – I половине XX века.

Мелкие гвозди (38 штук) могли крепить к деревянной основе металлические накладки, ткань или бересту. Они имеют округлую шляпку диаметром до 1,1 см, толщину прямоугольного сечения стержня 0,3–0,4 см и длину от 2,2 до 5,6 см. К типу «обойных» гвоздей относятся экземпляры длиной 2,5–3 см²⁰.

Как отдельную, интересную группу строительно-крепежного инвентаря можно рассматривать железные *скобы* – 74 экз. Это едиобразные – «циркулеобразной» формы, согнутые под острым углом (около 40°) тонкие железные пластины с заостренными концами и расширенной центральной частью. Одна «ножка»

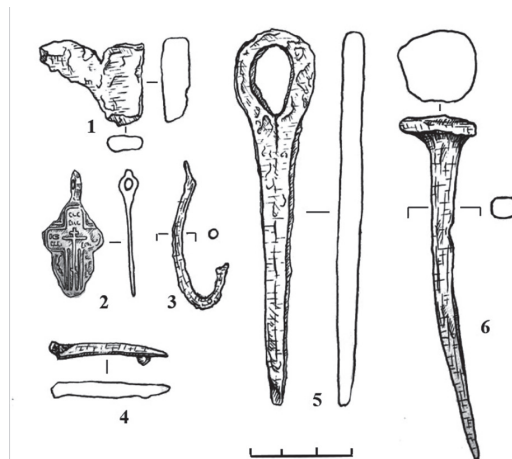

Рис. 8. Монастырский Наволок-2015. Находки: 1 – фрагмент неопределенного предмета, железо; 2 – крест нательный, медь; 3 – рыболовный крючок, железо; 4 – фрагмент застёжки, медь; 5 – пробой, железо; 6 – гвоздь, железо

Figure 8. Monastyrsky Navolok-2015.

Finds: 1 – unidentified iron fragment; 2 – copper cross pendant; 3 – iron fish hook; 4 – copper fastening fragment; 5 – iron breakdown; 6 – iron nail

скобы часто немного короче другой на 1–1,5 см. Средние размеры: толщина – 0,3–0,4 см, ширина в месте сгиба – 0,8–1,1 см, расстояние между концами – 2,5–3,6 см, максимальная длина – 7 см, минимальная – 2,5 см. В основном они концентрировались в южной части алтаря – дьяконнике на уровне 0,4–0,7 м от с. д. п. Их морфологическая однотипность подразумевает, возможно, одновременность их изготовления.

На более южных позднесредневековых памятниках Русского Севера скобы в комплексе с гвоздями – это самый многочисленный блок находок в археологических коллекциях. Но в Русской Лапландии при раскопках церквей в Печенге, Варзуге, Борисоглебске они почему-то встречались единично. Немного их и в раскопе на Монастырском Наволоке, но они уже составляют около 7 % от общего количества всех находок. Сведение к минимуму использования «строительного железа» – это специфика домостроения на Севере. Конечно, могли быть и другие важные причины, объясняющие эту ситуацию, например, что строительная «поковка» была в основном привозной, соответственно не дешевой и максимально экономилась при работах.

Отметим среди кованого строительного инвентаря незначительное число *пробоев* – 7 экз. Они небольшие по величине (max 11 × 2,3 см), изготавливались из тонкого железного стержня (рис. 7: 1–4; 8: 5).

В целом коллекцию трудно назвать насыщенной выразительными предметами, и только единицы из них следует описать подробнее.

Слюда. Фрагментов оконниц-«шитух» найдено немного – 12 экз. Встречались единичные небольшие отслоившиеся слюдяные «чешуйки» мусковита (5 штук). Они соотносятся с нижними слоями стратиграфической колонки – 0,4–0,8 м от с. д. п. Среди частей слюдяных оконниц нет ни одного целого экземпляра (максимальные размеры 8×5 см), и по наличию характерных заломов можно утверждать, что все они были сломаны. По форме – это разносторонние трапеции. Только в четырех случаях присутствуют характерные сквозные отверстия от проколов иглой, сделанные по краю через равные промежутки приблизительно в 1–1,5 см. При толщине в 1 мм пластинки обладают хорошей для использования жесткостью и прозрачностью. Рабочие отходы подтверждают наблюдение о том, что отобранные для «стекления» нужного качества пластинки слюды были небольших размеров и в процессе подгонки резались на месте из имеющегося сырья на многоугольники (рис. 9).

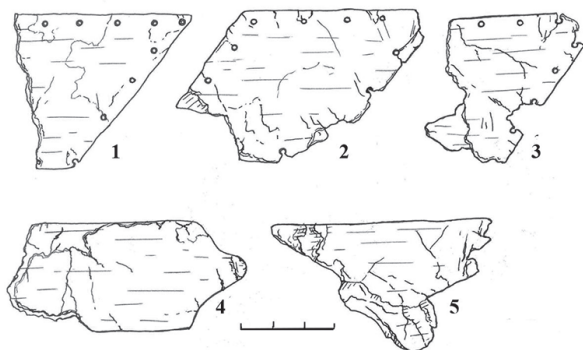

Рис. 9. Монастырский Наволок-2013. Оконницы слюдяные

Figure 9. Monastyrsky Navolok-2013. Mica window panes

В алтаре присутствовало большое количество «нестандартной» по виду непрозрачной слюды мусковита, не подходящей для создания оконниц (168 экз. – 577 г). По цвету ее можно разделить на три группы: неизменная серебристо-серая, серебристая и золотистая. Два последних цвета связаны с термическим воздействием при температуре не менее 850°C , вызывающим дегидратацию и разложение структуры. Золотистый цвет у слюды возникает при более высокой температуре нагревания, поэтому находки «золотой» слюды встречались в слое выше, чем «серебряной». Некоторые кусочки имеют ровные края, возникающие при отрезании. Можно предположить, что мусковит золотистого и серебристого цветов мог использоваться для декоративного оформления.

Ближайшие к Кандалакше залежи мусковита находятся в п. Риколатва и п. Ёна Ковдорского района Мурманской области или п. Чупа Ло-

ухского района Республики Карелия. В конце XVII века кандалакшские иноки «с крестьянами вобще» добывали «немалым промыслом» слюду также в горе Орловке, в 40 км к югу от монастыря. По результатам химического анализа слюда с Монастырского Наволока наиболее близка к образцам из месторождения около п. Ёна, имеющего выходы на поверхность [7].

В южной части алтаря на глубине 0,56 м от с. д. п. найдена **ружейная отверстие** конца XVIII века (рис. 7: 5). Ее общая длина – 9,3 см. К сужающейся кверху втулке прямоугольного сечения ($1 \times 1,1$ см) длиной 6 см с четырехугольным отверстием для насаживания на металлический стержень приварено V-образное навершие (расстояние между его концами – 7,8 см).

К ременной фурнитуре относится разломанная пополам железная **пряжка**. Прямоугольная рамка имеет квадратное сечение (0,5 см), сохранился широкий пластинчатый язычок (рис. 7: 9). Подобные простые формы бытовали с XIII по XVIII век²¹.

Черенковый нож сильно коррозирован. Его общая длина – 13 см, длина клинка – 10,6 см, ширина лезвия – 2,7 см, длина обломанного насада – 2,2 см. Режущая кромка прямая, с сужением к острию. Основание клиновидного лезвия плавно переходит в рукоять, а линия спинки полотна образует четкий уступ при соединении с черенком. Лезвие имеет следы сработанности. Нож можно отнести к типу универсальных, хозяйственно-кухонных (рис. 7: 11).

На уровне 0,38 м от с. д. п. найден целый **рыболовный крючок**. Он небольшой по размерам – $4,2 \times 1,5 \times 0,3$ см, одинарный, с прямым ушком, круглым поддевом и прямым с бородкой жалом, на конце сохранилась лопаточка для привязывания лески (рис. 8: 3). Характерный поддев у крючка позволяет отнести его к многокрючковой снасти типа яруса для ловли с насадкой морской рыбы. Точная датировка крючка затруднена²².

Игла – часть застежки для одежды, небольшого размера ($3,5 \times 0,4 \times 0,1$ см), сделана из медного сплава, имеет небольшой изгиб, один конец приострен, другой – со следом от слома (рис. 8: 4).

В младенческом погребении на уровне 0,74 м от с. д. п. найден медный четырехконечный **нагельный крестик** листовидной формы размером $3,7 \times 1,8 \times 0,2$ см (рис. 8: 2). На лицевой стороне в центре – рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, рядом – Орудия Страстей Христовых – трость и копие, расположенные вертикально, и орнаментальные завитки. На концах видны неразборчивые, традиционные аббревиатурные канонические надписи. Ушко кольцевидное с двухчастной «пирамидкой»

сверху. Надпись на обороте скрыта под органическими наслоениями. Обычно воспроизводился текст 67-го псалма «Да воскреснет Бог». Крест по величине можно отнести к типу «детских» или «мелких женских»²³. Предположительная датировка – конец XVII – I половина XIX века.

Почти полностью отсутствуют предметы, связанные с убранством церкви. Можно отметить только два небольших оплавленных кусочка из меди и серебра с большим содержанием меди, вероятно, деформированные фрагменты окладов (рис. 8: 1).

В верхнем «огородном» слое найдены два отщепы мелового **кремня** с галечной коркой. У одного (4 × 2,5 × 1,2 см) присутствуют «забитые» края со специфическими следами от использования в качестве части кресального набора.

В описании храма XVIII века упоминается «под церковью анбар кладный», что объясняет присутствие в северной части раскопа, внизу культурного слоя небольших спекшихся комочков обугленных зерен ржи (*Secale cereale*)²⁴.

Керамика. Маловыразительный набор керамики представлен единичными фрагментами небольшого размера (max 5,7 × 5,5 × 0,4 см) в количестве 36 штук от четырех – пяти гончарных сосудов, по форме относимых к горшкам²⁵. Основную часть керамической коллекции составляют неорнаментированные черепки из красножгущейся глины, фрагментов лощеной посуды только четыре.

Присутствуют по одному мелкому фрагменту керамической крышки и ручки (2,2 × 2,6 × 1,2 см) и шесть обломков венчиков. Цвет керамики варьирует от темно-оранжевого до темно-коричневого и черного, что связано не только с технологией изготовления сосудов, но и сильным воздействием огня. От пребывания в пожаре три фрагмента сильно ошлакованы.

По технологии изготовления среди красноглиняной керамики можно выделить две группы: слабообожженную, «грубую» с примесью среднего песка и блестками биотита в тесте и образцы из хорошо промешанной глины с мелкими примесями песка²⁶. Керамическую коллекцию из раскопок церкви следует датировать II половиной XVI – XVIII веком.

ДАТИРОВАНИЕ

В вопросе датирования памятника можно опереться на стратиграфические наблюде-

ния и данные радиоуглеродного анализа. Блок полученных дат по C-14 (9 штук) распадается на две значительно разнящиеся группы. Первая (5 штук), единообразно маркирующая период середины XVII века (1630–1670-е годы), происходит из конструкций, находящихся на уровне 0,6–0,7 м от с. д. п., фиксирующих единый горизонт пожара (см. таблицу). Вторая группа (4 штуки) отмечает ряд объектов в центральной части церкви (кладка 3, столб, древесина под полом) и относится ко II половине XV – началу XVI века. Предложим два варианта объяснения этой ситуации. В границах раскопа находятся два разновременных комплекса, из которых самый ранний маркирует «доцерковный период» освоения этой площадки, а второй – функционирование храма в XVII веке. При этом нельзя исключить, что удревнение некоторых дат связано с факторами, влияющими на точность определения, например, образцы были взяты из центральной части бревен [3: 159].

ВЫВОДЫ

Анализ материалов первых раскопок церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря на Монастырском Наволоке дает интересную информацию, дополняющую уже известные данные по истории этой православной обители. Главными результатами археологических работ стали выявление хорошей сохранности непотревоженного позднесредневекового культурного слоя и подтверждение перспективности дальнейших изысканий на приустьевом участке левого берега реки Нива. Важно обнаружение в южной части алтарного пространства церкви «оригинального» двойного захоронения середины XVII века, которое с большей степенью уверенности можно интерпретировать как монашеское и «статусное».

В контексте существующей дискуссии о времени возникновения поморского поселения в устье реки Нива особенное значение имеют найденные объекты конца XV века, пока неясной культурной принадлежности, которые предвзительно можно связать с «домонастырским» этапом освоения этого района.

Дальнейшее археологическое изучение усадьбы монастыря расширит наши представления о незначительно освещенном письменными источниками его внешнем облике, а также материальной культуре насельников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Одним из местных крестьян были найдены неподалеку от села два кремневых топорика, несомненно, принадлежавших к каменному веку. Эти топорики стали, как ни странно, в Кандалакше врачебным средством: их обладатель лечит ими от всех болезней, прикладывая топорик к пояснице больного или давая ему пить воду,

- скаченную с топорика. Продать топорик мужик не соглашался». См.: Дурылин С. Кандалакшский «авилон» (К изучению северных лабиринтов). М.: А. Снегирева, 1914. С. 3.
- ² Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л.: АН СССР, 1930. С. 120.
- ³ Горецкий Г. И. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Советской секции INQUA. 1937. Вып. III. М.; Л.: АН СССР, С. 107–118.
- ⁴ Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // Советская археология. 1950. XII. С. 106.
- ⁵ Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Лобанова И. Ю. Кольская археологическая экспедиция // Археологические открытия – 1974. М.: Наука, 1975. С. 41.
- ⁶ Титов Ю. В., Песонен П. Э. Новые памятники на Кольском полуострове // Археологические открытия – 1971. М.: Наука, 1972. С. 10.
- ⁷ Жульников А. М. Отчет о работах Беломорской археологической экспедиции КГКМ в 2006 году // НА НМРК. Д. 5632. С. 31.
- ⁸ Запись в Ростовской летописи содержит просьбу кандалакшских лопарей к Василию III освятить построенную ими церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи: «Приехал в Москве лопляне с моря Окияна, из Кандалакшской губы, усть Нивы реки, из дикой лопи и били челом государю и просили антимины и священников церковь святи и просветити их святым крещением, и государь велел архиепископу Макарию послати из Новгорода от соборных церкви священника и диакона, и они ехавши освящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лопян крестиша». См.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.
- ⁹ Обзор историографии этого вопроса см.: [4: 12–20, 75–86].
- ¹⁰ В писцовой книге Алая Михалкова 1608–1611 годов значится: «На Кандолошской губе на усть реки Нивы над морем против Кандолошские волости за рекою на наволоке монастырь общей. А по Васильевым книгам Агалина да подъячего Степана Соболева написано в том монастыре церковь Николы Чюдотворца да 2 предела Петра и Павла да Зосимы и Саватия Соловетских чюдотворцев да теплая церковь Рождество Пречистые Богородицы, а в церкви образы и книги да колокол один строение царя и великого князя, а три колокола поставил строитель тогоже монастыря, и в 98 году те обе церкви сожгли свитские немцы, как воевали волость Кандолокшу». Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М.: А. Левенсон, 1890. С. 459.
- ¹¹ «...В нынешнем де во 123-м году о Рождестве Христове приходили де к ним в Поморе войною литовские люди и черкасы, и монастырь де их вес до основания разорили и выжгли, и крестьян высекали, и соляные промыслы с солью выжгли, и игумена и старцов и слуг мучили и посекали, и казну монастырскую всю пограбили, и лошади монастырские все поимали, и хлебные запасы конми вытравили». Цит. по: [4: 91].
- ¹² Цит. по: Ушаков И. Ф. На Усть-Ниве реке // Избранные произведения. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1998. Вып. III. С. 47.
- ¹³ «...В том монастыре церковь с трапезою и келарскою Рождество Пречистые Богородицы деревянная верх шатровой <...> и всего 12 келей, а в них игумен да поп черной да старцев да с больничными 28 человек. И обоего 30 ч. да келья, а в ней 3 человека дьячков. Келья хлебная. Келья швалья. Келья дружинная, да пустых две кельи, да в монастыре же трудников 31 человек да по службам наемных соловаров и дровосеков и дрововозов 70 человек. И всего дьячков и трудников и всяких 104 человека. Да на монастыре же поварня да погреб да на погребу анбар да монастырем на монастырском наволоке двор коровнич, в нем коровник Гришка Савин сын: да келья в ней живут трудники, да два анбара, а держат в них запас монастырской. Да за монастырем на другой стороне от моря анбар монастырской да держат в нем гутовую снасть. Да за монастырем же на том же наволоке вверх по Ниве реке дворишка бобыльские тягло тянут в монастырь <...> И всего два дворишка, а людей в них пять человек. А межа их монастырскому наволоку от великого камня, что под большой варакою под Земцом да около монастыря вверх Нивы реки до порога против мельницы». Цит. по Харузин Н. Русские лопари... С. 459–460; «В Кандалакшском монастыре церковь с трапезной и келарской, среди келей две больницы, поварня, хлебня, швальня, дружинная, скотный двор, амбары с монастырскими запасами. 31 человек трудников, да по службам наемных соловаров и дровосеков и дрововозов – 70 человек» (1698 год). Цит. по: Богословский М. Северный монастырь в XVII в. // Вестник Европы. 1908. Т. VI. С. 283.
- ¹⁴ «Монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы Кандалошский стоит в Кондалошской губе в наволоке, по одну сторону монастыря река Нива, по другую сторону монастыря губа, а над тем монастырем великая высокая гора каменная вблизи мало восходная, а у того монастыря ограды нет». Цит. по: [9: 37].
- ¹⁵ Харузин Н. Русские лопари... С. 460.
- ¹⁶ «На монастыре церковь деревянная о пяти верхах главы обиты чешуею кресты на ней четвероконечные во Имя Рождества Пересвятыя Богородицы теплая с трапезою и келарскою и с крыльцами с восходными покрыто тесом <...> в олтаре два окна колодных с окончинами <...> в церкви два окна красных с окончинами слюдными ветхи под железом, столовая доска рубовая зволка медная. Келарская, в ней и на крыльцах, и на в передней семь икон пяднишних <...> Чулан тесовой два окна красных с слюдными окончинами ветхими. Паперть тесом забрана, в ней две окончины слюдные под железом, двои двери на крюках <...> Под трапезою печь большая каменная с дымоволоком каменным. Под церковью анбар кладный с дверьми. Под трапезою жира теплая»; «В тое же церкви, и в олтари, и в трапезе, и в келарской, и в гостинной, и в паперте колодных окон тринадцать окончин, четыре окончины малых волоковых, окно окончина стеклочатая». Цит. по: [9: 37].

- ¹⁷ «Ныне существующая приходская церковь – во имя Рождества Пресвятыя Богородицы построена в 1865 году на Высочайше пожалованную сумму. Зданием деревянная на каменном фундаменте, одноэтажная, устроена в виде корабля. Высота церкви 6 саж., длина 12 саж. и ширина 4 саж. и 5 четвертей; над кровлею церкви одна глава; кровля церкви крыта листовым железом на 4 ската; трапезы на 2 ската и алтаря на 4 ската. Вся церковь обшита тесом и окрашена охрой, а карнизы и углы белилами, крыша мумией, купол и главы медяной; кресты на церкви и колокольне железные золоченые. Колокольня находится в одной связи с церковью. Вокруг церкви есть деревянная ограда, окрашенная охрой и уже ветхая. Необходимая утварь, ризница и богослужебные книги есть. Из предметов богослужебной утвари более замечательными в археологическом отношении можно считать два напрестольных Евангелия, относящихся к XVI веку». Цит. по: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 191–194.
- ¹⁸ Радиоуглеродные определения произведены д. г.-м. н. М. А. Кульковой (изотопная лаборатория РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Для калибровки радиоуглеродных дат была использована программа OxCal. v4.4 и атмосферная кривая IntCal20. См. Reimer P. J., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrichet Met al. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. 62 (4). P. 725–757.
- ¹⁹ В данном случае подсчитывались только целые фрагменты.
- ²⁰ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. М.; Л.: Академия наук СССР, 1959. С. 112. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 65).
- ²¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 117.
- ²² Консультация И. Тарасова (Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ).
- ²³ Классификация по Э. П. Винокуровой [2: 340–341].
- ²⁴ Определение Е. В. Николаевой (ПетрГУ).
- ²⁵ Определение Т. П. Амелиной.
- ²⁶ Консультация к. и. н. В. Ю. Коваля (ИА РАН).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л. А., Тихова О. А. Опорные камни престолов и запрестольных крестов в храмах Москвы 16–18 вв. // Российская археология. 2012. № 2. С. 168–172.
- Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. М.: Наука, 1999. С. 326–360.
- Зазовская Э. П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151–164.
- Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. Ч. 1. Очерки истории. Мурманск: МГГУ, 2011. 324 с.
- Шахнович М. М. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Четвертые Феодоритовские чтения / Север и история. СПб.: Ладан, 2012. С. 181–215.
- Шахнович М. М. Работы в Трифонов-Печенгском монастыре (Мурманская обл.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2012. Вып. 26. С. 166–177.
- Шахнович М. М., Сканницкая Л. С. Локализация мест добычи слюды в позднем Средневековье на Кольском полуострове и в Северной Карелии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 141–152.
- Шахнович М. М., Ширококов И. Г. Позднесредневековый могильник с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2013. Вып. 27. С. 97–114.
- Шургин И. Н. Исчезающее наследие. Очерки о русских деревянных храмах XV–XVIII веков. М.: Совпадение, 2006. 200 с.

Поступила в редакцию 24.04.2023; принята к публикации 25.09.2023

Original article

Mark M. Shakhnovitch, Cand. Sc. (History), Research Associate, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE CHURCH OF THE NATIVITY OF THE MOTHER OF GOD OF THE KANDALAKSHA MONASTERY

Abstract. The Kandalaksha Monastery on the banks of the Niva River, the oldest monastery in Russian Lapland, was founded in the early XVI century. In 2013 and 2015, archaeological work was carried out on the site of the

destroyed monastery Church of the Nativity of the Mother of God for the first time. The purpose of the work was to obtain new information about the cultural layer of the monastery, the time of its foundation, and the unknown stages of its history. The excavations have studied the eastern part of the church on an area of 47 m². A well-preserved cultural layer dating back to the XVII–XIX centuries with a thickness of 0.8 m was found. Interesting objects were found under the church: the foundation of 1865, four masonries, two burials, and the remains of walls and pillars. They are mostly dated to the middle of the XVII century, but there are dates from the late XV and the early XVI centuries, which is important for finding traces of the “pre-monastery” period. The “original” burial in the altar – two men lying on top of each other in the same pit – is considered to be the burial of high-ranking monks. The finds are mostly nails and staples, there are not many individual artifacts: a screwdriver for an eighteenth-century gun, fragments of mica windows, one copper cross from the burial of a baby, ceramics, a fish hook, and barley grains. The excavations have confirmed the relevance of the research and the prospects for its continuation.

Key words: Kandalaksha Monastery, Church of the Nativity of the Mother of God, late Middle Ages, archaeological research

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the research project No FMEZ-2022-0028 “Sociocultural, scientific and technological development of the northwestern part of the Russian Arctic zone” assigned to the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”. The authors express their sincere gratitude to D. Loskutov and V. Onatsky for their help.

For citation: Shakhnovitch, M. M. Archaeological study of the Church of the Nativity of the Mother of God of the Kandalaksha Monastery. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):23–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.971

REFERENCES

1. Belyaev, L. A., Tikhova, O. A. Stone bases of holy tables and processional crosses from 16th – 18th cc. Moscow churches. *Russian Archeology*. 2012;2:168–172. (In Russ.)
2. Vinokurova, E. P. Cast metal cross-vests of the XVII century. *Culture of medieval Moscow*. Moscow, 1999. P. 326–360. (In Russ.)
3. Zazovskaya, E. P. Radiocarbon dating – modern state, problems, prospects of development and use in archeology. *Vestnik arheologii, antropologii and etnografii*. 2016;1(32):151–164. (In Russ.)
4. Nikonov, S. A. Kandalaksha Monastery in the XVI–XVIII centuries: research and materials. Part 1. Essays on history. Murmansk, 2011. 324 p. (In Russ.)
5. Shakhnovitch, M. M. The ancient church of Saints Boris and Gleb at the Pasvik River: the experience of historical and archaeological research. *The Fourth Theodoret Readings*. St. Petersburg, 2012. P. 181–215. (In Russ.)
6. Shakhnovitch, M. M. Works in the Monastery of Saint Tryphon of Pechenga (Murmansk region). *Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology*. 2012;26:166–177. (In Russ.)
7. Shakhnovitch, M. M., Skamnitskaya, L. S. Localization of mica production in the late Middle Ages in North Karelia and the Kola Peninsula. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2014;9:141–152. (In Russ.)
8. Shakhnovitch, M. M., Shiobokov, I. G. Late medieval burial ground in the village of Varzuga: results of work in 2011–2012. *Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology*. 2013;27:97–114. (In Russ.)
9. Shurgin, I. N. Disappearing heritage. Essays on Russian wooden temples of the XV–XVIII centuries. Moscow, 2006. 200 p. (In Russ.)

Received: 24 April 2023; accepted: 25 September 2023

ЗИНАИДА ЕВГЕНЬЕВНА ОБОРНЕВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской
академии наук
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0942-5924; o_zinaida@mail.ru

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЫНЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Русское правительство позиционировало себя как преемника Византийской империи и всячески поддерживало православный мир в XVI–XVII веках, о чем свидетельствуют дошедшие до нас архивные документы. Большие суммы в основном в виде «мягкой рухляди» выдавались патриархам, иерархам и монастырям православного мира через их представителей, приезжавших в Москву. В первой половине XVII века денежная помощь регулярно отправлялась с посольствами в Константинополь: русско-турецкие дипломатические связи в этот период не прерывались, и послы к султану имели возможность посещать также резиденции константинопольского и иерусалимского патриархов, храмы и обители Константинополя. В настоящей работе впервые в научный оборот вводятся сведения, содержащиеся в наказах и приходе-расходных книгах русских посольств, а также в обнаруженных нами греческих расписках и рекомендательных письмах с переводами, сохранившихся в фондах Российского государственного архива древних актов, что позволяет получить более полное представление о связях России и Христианского Востока в указанный период.

Ключевые слова: посольство, пожертвование, Константинополь, XVII век, греческие документы, Кирилл Лукарис, Османская империя, Константинопольский патриархат

Для цитирования: Оборнева З. Е. Царская милостыня в Константинополь в первой половине XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 36–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.972

ВВЕДЕНИЕ

В 20–40-е годы XVII века Османская империя и Россия интенсивно обменивались посольствами, целью которых было возобновление русско-турецких отношений после окончания Смутного времени, создание антипольской коалиции, а также разрешение проблем, связанных с нападением донских казаков и набегами крымских татар. Кроме важных русско-турецких переговоров в Константинополе проходили встречи с представителями православного духовенства, поэтому почти каждое русское посольство сопровождал греческий переводчик [4: 25–27]. Благодаря исследованиям Н. Ф. Каптерева мы в целом представляем картину материальной помощи христианскому Востоку со стороны России на протяжении XVI и XVII веков [3: 115–351]. В настоящей работе мы бы хотели ввести в научный оборот сведения, содержащиеся в наказах и приходе-расходных книгах русских посольств, а также в обнаруженных нами греческих расписках и рекомендательных письмах с переводами, сохранившихся в фондах Российского государ-

ственного архива древних актов (РГАДА). Изучение особенностей организации систематической царской милостыни в Константинополь позволяет глубже понять характер и инструменты внешней политики России в первой половине XVII века.

С избранием в 1613 году на царство Михаила Федоровича и восшествием в 1619 году на патриарший престол его отца Филарета Никитича Московское государство начинает создавать своего рода систему материальной помощи Христианскому Востоку. Одной из составных частей этой системы становится обязательная посылка определенных даяний православным, находящимся под Османским владычеством: четырем восточным патриархам, ряду духовных деятелей, многочисленным монастырям и церквам Востока. Начало этому было положено с отправлением в Стамбул в 1622 году дворянина Ивана Гавриловича Кондырева и дьяка Тихона Бормосова. Помимо переговоров с турецким правительством,

посольство должно было доставить денежную помощь патриархам, архиереям, монастырям и церквям христианского Востока. Для определения размеров этой помощи московские власти обратились к келарю Новоспасского монастыря Иоанникию Греку, который сообщил сведения о монастырях и количестве населявших их монахов в Константинополе, Иерусалиме и «во всей греческой области» [6: 101–110].

Наказ посольству соответствовал не «Скаске» келаря, а скорее росписи Трифона Коробейникова, который в 1593–1594 годах раздавал милостыню в три монастыря на Фанаре: два монастыря св. Иоанна Предтечи и один монастырь св. Дмитрия Солунского, монастырь (церковь) св. Георгия, Мавромольскую обитель, в три монастыря на «острове Халкидоне» (Халки): Успенский, Троицкий и Никольский, а также в 46 приходов в Константинополе и Галате¹. Во время пребывания послов в Царьграде патриарх Кирилл Лукарис, вероятно, составил список из шести монастырей (четырех в Константинополе и двух на Принцевых островах) и 12 галатских церквей для посольства, о чем свидетельствует помета «по скаске цареградцкого патриарха Кирила»², что помогло посольству в распределении материальной помощи.

Следующее посольство стольника Семена Деметьевича Яковлева и дьяка Петра Евдокимова прибыло в столицу Османской империи 17 августа 1628 года. Послам пришлось почти год ждать возвращения визиря из персидского похода [5: 25], поэтому у них было достаточно времени для распределения основных и дополнительных средств. 2 октября 1628 года известный в России архимандрит Святого Гроба Амфилохий получил от русских послов милостыню царя и патриарха для иерусалимского патриарха Феофана: два сорока соболей по 40 рублей, сорок соболей по 35 рублей, сорок соболей по 30 рублей, сорок соболей по 25 рублей. Всего – 170 рублей³. После послы приступили к раздаче материальной помощи в цареградские храмы и монастыри. Сначала деньги были переданы уже известным монастырям Константинополя и храмам Галаты согласно посольскому наказу⁴. После выдачи царских пожертвований патриархам в дни памяти св. Дмитрия и св. Нестора (26 и 27 октября) было передано по ефимку клирикам 12 галатских приходов, что может быть связано с близостью к этим храмам цареградской посольской резиденции. 30 октября была выплачена милостыня трем монастырям в районе Фанар: в деле, содержащем расписки «с переводами разных цареградских, иерусалимских и афонских духовных властей в принятии ими от российских тамо бывших послов Семена Яковлева

и дьяка Петра Евдокимова соболиной и денежной от двора Российского посланной в милостыню казны» содержатся три расписки: за женский монастырь св. Дмитрия Солунского расписался иеродиакон Великой церкви Константин, причем сумму милостыни не указал, приведя лишь список монахинь; за мужской монастырь св. Иоанна Предтечи в Кинегионе расписался игумен Анфим, указав, что получил для себя два гросса (ефимка), а за священника и диакона – один, остальные же монахи просто даны списком; за женский монастырь св. Дмитрия Солунского у Фанарских ворот расписался великий архимандрит Великой церкви Анфим, указав, что взял себе один гросс (ефимок), а для монахинь – шесть. В это же время согласно приходу-расходной книге посольства была дана милостыня в монастырь Иоанна Предтечи у Андрианопольских ворот. Расписка от этого монастыря не сохранилась, дошел лишь перечень с поименным перечислением 21 монахини и трех клириков⁵.

3 ноября 1628 года тырновский митрополит Макарий получил как епитроп антиохийского патриарха Игнатия милостыню от послов в размере 200 гроссов (в переводе – 200 ефимков) для антиохийского патриарха⁶. 30 ноября 1628 года по просьбе Константинопольского патриарха Кирилла была выдана милостыня игумену монастыря Богородицы Мавромольской Кириллу с 15 монахами в размере 8 ефимков «на строенье»⁷.

Этим же патриархом для русских послов был составлен список цареградских обителей и храмов [7: 145–149], в котором, кроме тех обителей и храмов, которые уже посетили послы, содержалось 28 приходских церквей. Выдача милостыни в эти храмы состоялась в промежутке 24 января – 12 февраля 1629 года практически в точности по списку патриарха, о чем свидетельствуют даты на некоторых расписках: расписки на греческом языке были получены от всех приходов, благодаря чему мы знаем имена клириков константинопольских приходов и имеем их автографы. Это, например, сакеларий Великой церкви от храма св. Георгия «Родианон», святогорцы от храма св. Георгия Фитил, о. Михаил от храма Богородицы Муглиотисы, о. Михаил, о. Феолог и диакон от храма св. Георгия Потира⁸.

В качестве обителей в росписи Кирилла Лукариса были указаны два монастыря св. Георгия – здание константинопольского патриархата и подворье иерусалимского патриархата⁹. 24 января 1629 года иеромонах и архимандрит Великой церкви Лаврентий, а также протопоп Софроний, архиерей келарь Дамаскин, шесть священников и шесть диаконов получили царскую милостыню – 11 золотых флоринов. Тогда же ар-

химандрит св. Гроба Амфилохий дал расписку в получении вместе с 10 братьями иерусалимского подворья царской милостыни – 5 золотых флоринов.

У посольства была санкция на раздачу оставшихся золотых обителям, не указанным в наказе¹⁰, поэтому 28 мая 1629 года послы выдали жалование пришедшему к ним игумену Преображенского монастыря на острове Принкипо Анатолию с грамотой патриарха Кирилла Лукариса, а незадолго до этого – Успенской обители, за которую попросил сам Константинопольский патриарх, направив к послам настоятеля монастыря Панагии на острове Халки и обратившись к ним с просьбой дать ему, если имеется такая возможность, милостыню, потому что «это – царский монастырь, и там погребаются патриархи» [7: 152–155].

Помимо помощи константинопольским монастырям и церквям, до нас дошел целый комплекс документов, относящийся к выдаче денежных средств другим обителям: на Синай (2 февраля 1629 года), монастырю св. Николая на Афоне (4–20 февраля 1629 года), в Хиландарский монастырь (сохранился список из 206 монахов обители)¹¹. Почти все эти расписки, за исключением расписок от церквей, были переведены посольским переводчиком Анастасом Селунским, который иногда дополнял перевод сведениями, известными ему, но отсутствовавшими в греческом оригинале [4: 193–196]. Сохранилась и приходе-расходная книга посольства С. Яковлева и П. Евдокимова. Она уникальна тем, что в ней, помимо предполагаемого числа насельников и предполагаемой суммы, обозначенной в наказе, указаны реальное число монашествующих и действительно выплаченная сумма. Число и сумма корректировались на основании расписок о получении милостыни¹². Реальное число насельников весьма существенно отличалось от обозначенного в «наказе»: вместо 11 старцев – 9, вместо 23 стариц – 15, вместо 14 стариц – 10, что позволило послам выдать меньшую сумму пожертвований, чем предполагалось. Некоторую роль сыграл свободный перевод посольского переводчика Анастаса Селунского, который вольно или невольно преувеличил число насельников, выдавая за монахов послушников.

Практика проверки насельников, получающих милостыню от русского правительства, не прижилась. Последующие посольства раздавали заранее расписанные суммы, основанные, видимо, на первом несохранившемся списке Кирилла Лукариса. Таким образом, в течение последующих 15 лет число насельников в росписях посольств на бумаге оставалось неизменным. В следующем, 1630 году ту же самую милосты-

ню раздает посольство А. Совина – М. Алфимова [2: 256–257], схожий порядок раздачи денежной помощи прослеживается в приходе-расходной книге посольства И. Коробына – С. Матвеева четырьмя годами позднее, за исключением того, что послы выдали двойную (заздравную и заупокойную) милостыню мягкой рухлядь (парами соболей), в результате чего сумму приходилось округлять в меньшую сторону¹³. Почти 10 лет спустя посольство И. Милославского – Л. Лазоревского выдало такую же милостыню, как и предыдущие посольства, не проверяя число насельников¹⁴, а в 1645 году посольство С. Телепнева – А. Кузовлева¹⁵.

Таким образом, в 1622 году сформировался неизменный в дальнейшем список, состоящий из четырех монастырей в районе Фанар и двух монастырей на Принцевых островах. Монастырь св. Иоанна Предтечи у Адрианопольских ворот (в росписи Кирилла Лукариса 1628 года обозначенный как Петра)¹⁶ [9: 421–429], [10: 219–234], монастырь св. Иоанна Предтечи около Балатских ворот (в росписи Кирилла Лукариса обозначенный как Кинигон)¹⁷ [9: 411] и монастырь св. Дмитрия Солунского около Балатских ворот (в росписи Кирилла Лукариса обозначенный в Ксилопорте, в расписке монастыря – Канас)¹⁸ [9: 90–91], [12: 173], [13: 57] впервые были упомянуты в «Скаске» Иоанникия [6: 102]. Благодаря росписи Кирилла Лукариса русские власти узнали о монастыре св. Дмитрия Солунского у Фанарских ворот (в росписи Кирилла Лукариса 1628 года он обозначен как Раманды)¹⁹ и о двух монастырях на Принцевых островах, Преображенском и Богородицы на острове Халки²⁰. По какому-то недоразумению последний монастырь был ошибочно назван Спасским. И хотя ошибка была исправлена в 1629 году²¹, именно так он продолжал именоваться во всех последующих росписях. Здания константинопольского патриархата с его насельниками (монастырь св. Георгия) и подворье иерусалимского патриархата (монастырь св. Георгия), обозначенные в росписи патриарха Кирилла, в дальнейшем не рассматривались властями в качестве монастырей. Мавромольский монастырь также в основном не получал царских пожертвований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из направлений русской политики была посылка на Восток «заздравной» и «заупокойной» милостыни, которая доставлялась туда, как правило, с отправлявшимися в Константинополь московскими послами. Начало этой деятельности было положено во второй половине XVI века, когда Христианский Восток получал богатую милостыню то в связи с ут-

верждением константинопольским патриархом Иоасафом II царского титула Ивана IV, то на помин души царевича Ивана, а затем – после основания Московского патриархата и рождения у царя Федора Ивановича дочери Феодосии. Однако эта материальная поддержка единоверцев на Востоке, несмотря на всю свою значительность, была эпизодической. Списки монастырей и храмов Константинополя, созданные келарем Иоанникием и Кириллом Лукарисом, сыграли большую роль при оказании систематической помощи Христианскому Востоку русским правительством. Величина и регулярность оказываемой Россией помощи свидетельствуют о том, что она желала быть гарантом сохране-

ния православия в Османской империи и старалась облегчить жизнь православных христиан в условиях турецкого ига. Всего за период немногим более 40 лет шесть монастырей и 12 галатских храмов получили около 400 золотых, при этом большая часть суммы (305,5 золотых) приходилась обителям, а меньшая – галатским приходам. Вместе с тем стоит отметить, что в конце XVI века только один Трифон Коробейников передал от царя 360 золотых монастырям и 199 золотых обителям, что может быть объяснено благодарностью за учреждение Московского патриархата и благосостоянием Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хождение Трифона Коробейникова // Православный Палестинский сборник. Т. IX. Вып. 3. СПб., 1889. С. 85–94.
- ² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1624 г. № 2. Л. 332. Об этом патриархе см. [8: 461–463].
- ³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 1–2.
- ⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 1. Л. 125–129.
- ⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 71.
- ⁶ Там же. Л. 5–6.
- ⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 8.
- ⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 42–45. О последнем храме известно, что он принадлежал семье логофетов Великой церкви, известной с XII века как Апотира; см.: Γεδεών Μ. Εκκλησίαι βυζαντινών εξακριβούμεναι. Κωνσταντινούπολις, 1900. Σ. 140–141.
- ⁹ О подворье иерусалимского патриархата известно мало; см.: Γεδεών Μ. Εκκλησίαι βυζαντινών εξακριβούμεναι. Κωνσταντινούπολις, 1900. Σ. 141.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 1. Л. 97–98.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 101–17, 27–28.
- ¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628–1629 гг. № 23. Л. 37–38.
- ¹³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 6. Л. 167 об.–172.
- ¹⁴ Там же. Л. 288 об.–295 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 380–383.
- ¹⁶ Βυζάντιος Σ. Δ. Η Κωνσταντινούπολις. Η περιγραφή τοπογραφική, αρχαιολογική και ιστορική. Τ. Α'. Αθήναι, τυποгр. Ανδρέα Κορομμύλα, 1851; Γεδεών Μ. Εκκλησίαι βυζαντινών εξακριβούμεναι. Κωνσταντινούπολις, 1900. Σ. 61–68.
- ¹⁷ Γεδεών Μ. Εκκλησίαι βυζαντινών εξακριβούμεναι. Κωνσταντινούπολις, 1900. Σ. 43–55.
- ¹⁸ Вероятно, речь идет о монастыре св. Димитрия Канава около ворот Иоанна Предтечи; см.: Βυζάντιος Σ. Δ. Η Κωνσταντινούπολις. Η περιγραφή τοπογραφική, αρχαιολογική και ιστορική. Τ. Α'. Αθήναι, τυποгр. Ανδρέα Κορομμύλα, 1851. Σ. 581; Γεδεών Μ. Εκκλησίαι βυζαντινών εξακριβούμεναι. Κωνσταντινούπολις, 1900. Σ. 55–57, 138.
- ¹⁹ О приходе Раменті см.: Γεδεών Μ. Εκκλησίαι βυζαντινών εξακριβούμεναι. Κωνσταντινούπολις, 1900. 176 σ. Σ. 12.
- ²⁰ Речь идет о монастыре Богородицы Камариотиссы, куда в 1639 году было перенесено тело патриарха Кирилла Лукариса [1: 328], [11: 630–631].
- ²¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628 г. № 23. Л. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернадцкий М. М. Канонизация патриарха Кирилла I Лукариса и Иерусалимский собор 1672 г. // Богословские труды. 2013. Вып. 45. С. 325–330.
2. Заборовский Л. В., Захарьина Н. С. Из документов русских посольств в Османскую империю. Приходо-расходные книги 1630–1631 и 1641–1642 гг. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М.: Наука, 1989. С. 240–271.
3. Каптерев Н. Ф. Собрание сочинений. М., 2008. Т. 1. 897 с.
4. Оборнева З. Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М.: ЯСК, 2020. 272 с.
5. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М.: Издательство МГУ, 1946. Т. 2. 176 с.
6. Фонкич Б. Л. Иоанникий Грек (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.). М., 2006. С. 85–110. (Очерки феодальной России. Вып. 10).

7. Фонкич Б. Л., Оборнева З. Е. Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной помощи Христианскому Востоку в 20-х годах XVII в.) // Монфокок. Вып. 4. М., 2017. С. 135–155.
8. Hering G. Οἰκουμενικὸ πατριαρχεῖο καὶ εὐρωπαϊκὴ πολιτικὴ 1620–1638. Αθήνα, 1992. 477 σ.
9. Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins. Paris, 1969. 606 p.
10. Malamut E. Le monastere saint-Jean-Prodrôme de Petra de Constantinople // Le sacre et son inscription dans l'espace a Byzance et en occident. Etudes comparées sous la direction de Michel Kaplan. Paris, 2001. P. 219–234.
11. Todt K.-P. Kyrillos Lukaris // La Theologie byzantine et sa tradition / Dir de C. G. Conticello. Turnhout, 2002. Vol. 2. P. 617–651.
12. Κιομουρτζιάν Ι. Τ. Οδοιπορικό στην Πόλη του 1680. Αθήνα, 1992. 149 σ.
13. Μήλλας Α. Σφραγίδες Κωνσταντινουπόλεως. Ενορίες Αγιωτάτης Αρχιεπισκοπής. Αθήνα, 1996. 767 σ.

Поступила в редакцию 25.08.2023; принята к публикации 02.10.2023

Original article

Zinaida E. Osborneva, Cand. Sc. (History), Research Associate,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0942-5924; o_zinaida@mail.ru

TSAR'S CHARITY TO CONSTANTINOPLE IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

Abstract. The Russian government positioned itself as the successor of the Byzantine Empire and supported the Orthodox world in every possible way in the sixteenth and seventeenth centuries, as the extant archival documents attest. Large sums, mostly in the form of “furs”, were given to the patriarchs, hierarchs, and monasteries of the Orthodox world through their representatives coming to Moscow. In the first half of the XVII century, regular aid was sent with the embassies to Constantinople: Russian-Turkish diplomatic relations during this period were not interrupted, and ambassadors to the Sultan also had an opportunity to visit the residences of the patriarchs of Constantinople and Jerusalem, as well as the churches and monasteries of Constantinople. The present work is the first to introduce into science the information contained in the orders and revenue and expenditure books of Russian embassies, as well as in the Greek receipts and letters of recommendation with translations, discovered in the Russian State Archive of Ancient Acts, which allows us to get a more complete picture of the relations between Russia and the Christian East during this period.

Key words: embassy, donation, Constantinople, XVII century, Greek documents, Cyril Loukaris, Ottoman Empire, Patriarchate of Constantinople

For citation: Osborneva, Z. E. Tsar's charity to Constantinople in the first half of the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):36–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.972

REFERENCES

1. Bernadtsky, M. M. The canonization of the Patriarch Cyril Loukaris and the Synod of Jerusalem of 1672. *Bogoslovskie trudy*. 2013;45:325–330. (In Russ.)
2. Zaborovsky, L. V., Zaharina, N. S. From the documents of Russian embassies to the Ottoman Empire. Revenue and expenditure books of 1630–1631 and 1641–1642. *Russia's ties with the peoples of the balkan peninsula. First half of the XVII century*. Moscow, 1989. P. 240–271. (In Russ.)
3. Kapterev, N. F. Collected works. Moscow, 2008. Vol. 1. 897 p. (In Russ.)
4. Osborneva, Z. E. Greek-Russian translators of the Ambassadorial Office (1613–1645). Moscow, 2020. 272 p. (In Russ.)
5. Smirnov, N. A. Russia and Turkey in XVI–XVII centuries. Moscow, 1946. Vol. 2. 176 p. (In Russ.)
6. Fonkich, B. L. Joannicius the Greek (the history of Greek community in Moscow in the first third of the XVII century). Moscow, 2006. P. 85–110. (Essays on the history of feudal Russia. Issue 10). (In Russ.)
7. Fonkich, B. L., Osborneva, Z. E. Cyril Loukaris in Russia (system of financial aid to the Christian East created by the Russian government in the 1620s). *Montfaucon*. Issue 4. Moscow, 2017. P. 135–155. (In Russ.)
8. Hering, G. Οἰκουμενικὸ πατριαρχεῖο καὶ εὐρωπαϊκὴ πολιτικὴ 1620–1638. Αθήνα, 1992. 477 σ.
9. Janin, R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins. Paris, 1969. 606 p.
10. Malamut, E. Le monastere saint-Jean-Prodrôme de Petra de Constantinople. *Le sacre et son inscription dans l'espace a Byzance et en occident. Etudes comparées sous la direction de Michel Kaplan*. Paris, 2001. P. 219–234.
11. Todt, K.-P. Kyrillos Lukaris. *La Theologie byzantine et sa tradition*. (Dir de C. G. Conticello). Turnhout, 2002. Vol. 2. P. 617–651.
12. Κιομουρτζιάν, Ι. Τ. Οδοιπορικό στην Πόλη του 1680. Αθήνα, 1992. 149 σ.
13. Μήλλας, Α. Σφραγίδες Κωνσταντινουπόλεως. Ενορίες Αγιωτάτης Αρχιεπισκοπής. Αθήνα, 1996. 767 σ.

Received: 25 August 2023; accepted: 2 October 2023

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

ассистент кафедры теории общественного развития стран
Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4234-5579; a.kharitonova@spbu.ru

КИТАЙ В СУДЬБЕ СЕМЬИ ГИРС

А н н о т а ц и я . Статья посвящена представителям семьи Гирс, которые по долгу государственной службы, а также по семейным обстоятельствам находились в Китае на рубеже XIX–XX веков или решали государственные вопросы, связанные с Империей Цин в указанный период: главе МИД Н. К. Гирсу (1820–1895), посланнику в Китае М. Н. Гирсу (1856–1932) с супругой М. Н. Гирс (Замятниной) (1860–1942). Целью исследования является анализ тех сюжетов и источников семьи Гирс, которые наиболее ярко проиллюстрировали Китай, а также российско-китайские отношения на рубеже XIX–XX веков. Источниковой базой являются архивные материалы и дневники современников. Герменевтический метод позволил подробнее истолковать архивные источники и дополнить известные страницы российско-китайских отношений. Актуальность исследования подкрепляется интересом потомков к истории собственного рода, а также деятельностью МИД РФ по сохранению памяти о выдающихся дипломатах, внесших вклад в историю российско-китайских отношений. Интенсификация российско-китайских международных связей на современном этапе стимулирует ученых обращаться к различным сюжетам истории двусторонних отношений, связывая прошлое и настоящее. Автор приходит к выводу, что представители семьи Гирс, оказываясь в Китае или работая на китайском направлении, добросовестно выполняли возложенные на них обязанности. Дневник М. Н. Гирс, написанный во время Боксерского восстания, является ценным источником очевидца этих трагических событий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Китай, дневник Марии Николаевны Гирс, семья Гирс, Михаил Николаевич Гирс, Боксерское восстание

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX – начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»), <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Харитонов А. М. Китай в судьбе семьи Гирс // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 41–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.973

ВВЕДЕНИЕ. СЕМЬЯ И ЭПОХА:

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Отношения между Российской империей и Империей Цин во второй половине XIX – начале XX века были достаточно насыщены: в этот период развивались военная, политическая, культурная и торговая сферы, заключались различные договоры. В подобной интенсификации международных связей сочетались как стремление обеспечить объективные национальные интересы, так и реализация текущего конъюнктурного политического курса, осуществление которого могло находиться в руках определенных государственных или военных деятелей, преследовавших собственные корыстные цели. Империя Цин на рубеже веков подверглась политической и экономической экспансии со стороны мировых

держав, таких как Британия, Франция, Германия. Россия, являясь непосредственным соседом Китая, выстраивала более взвешенную и рациональную политику.

Многие семьи российского и иностранного происхождения, такие как Муравьевы, Апраксины, Врангели, Ламздорфы, состояли на государственной службе Российской империи. Семья Гирс, имевшая шведские корни, около трехсот лет служила Российскому государству. Среди представителей этого рода были министр иностранных дел, дипломаты, чиновник особых поручений, военные моряки, фрейлины и пр. Некоторые из них по долгу службы или семейным обстоятельствам оказывались в Китае. История их жизни в этой стране отразилась в дневниковых записях и официальных донесениях. Источ-

никовой базой статьи стали архивные материалы, в том числе неопубликованные, дневники современников (военного министра Д. А. Милютин, хозяйки светского салона А. В. Богданович, дипломата Г. А. Плансона и супруги дипломата М. Н. Гирса), а также научная литература, раскрывающая страницы жизни представителей рода Гирс.

В настоящее время потомки рода Гирс разбросаны по разным странам: от Швеции и Финляндии до Франции и США¹. Летом 2023 года было обнаружено точное место могилы Николая Гирса, утраченной в советские годы². В Санкт-Петербурге на территории Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни 26 июля 2023 года состоялось торжественное открытие памятника Николаю Карловичу Гирсу (1820–1895), бывшему министру иностранных дел Российской империи (1882–1895)³. Обнаружение и воссоздание надгробия на месте фамильного захоронения семьи Гирс было инициировано и осуществлено потомками министра, МГИМО и МИД России. На торжественном мероприятии была подчеркнута преемственность внешнеполитического курса России на протяжении нескольких веков⁴.

В данной статье освещены страницы жизни в Китае некоторых представителей семьи Гирс: Николая Карловича Гирса (1820–1895) – министра иностранных дел, Михаила Николаевича Гирса (1856–1932) – посланника в Китае, Марии Николаевны Гирс (в девичестве Замятниной) (1860–1942) – супруги посланника М. Н. Гирса, Татьяны Михайловны Рудановской (в девичестве Гирс) (1879–1957) – супруги дипломата-китаиста П. К. Рудановского (1871–1904).

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧ ГИРС (1820–1895)

Будущий министр иностранных дел в 1838 году окончил Императорский Царскосельский лицей, в том же году был определен на службу в Азиатский департамент МИД в чине коллежского секретаря. В общей сложности он находился на государственной службе более 50 лет, в том числе за границей в дипломатической должности [1: 319–320].

Непосредственно в Китае Н. К. Гирс не работал, однако принимал активное участие в подготовке Ливадийского (1879) и Санкт-Петербургского (1881) договоров. В дневнике военного министра Д. А. Милютин значится запись от 3 октября 1879 года:

«Вчера подписан (Ливадийский. – А. Х.) договор с Китаем – Гирсом (Н. К. Гирс, управляющий Азиатским департаментом МИД России. – А. Х.) и китайским послом Чун Хоу (представитель Цинского правительства. – А. Х.); сегодня китайское посольство откланялось государю»⁵.

Ливадийский договор, призванный урегулировать положение в Кульджинском (Илийском) крае в результате восстания мусульманских народностей [2: 50–51], был воспринят отрицательно в Китае, как факт национального унижения. Цинское правительство отказалось его признавать. «Дела с Китаем усложняются; в Пекине не хотят ратифицировать (Ливадийский. – А. Х.) договор, заключенный китайским послом в Петербурге»⁶. В дневнике военного министра Д. А. Милютин в этот период неоднократно встречаются записи о напряженных отношениях с Китаем и о готовящейся войне со стороны китайцев. В сложившейся обстановке начал разрабатываться новый договор, впоследствии вошедший в историю международных отношений как Санкт-Петербургский (1881). Составлением договора занимался дипломат Е. К. Бюцов (1837–1904).

«Общее настроение клонилось к уступчивости, для избежания во что бы ни стало войны с Китаем. Согласились на предложение Гирса не настаивать уже на ратификации Ливадийского договора; а вместо того проектировать новые условия, сообразные с заявлениями китайского уполномоченного, и предъявить их Цзэну (Цзэн Цзицзэн – специальный уполномоченный цинского правительства. – А. Х.) как наше последнее слово»⁷.

Таким образом, Н. К. Гирс принимал активное участие в нормализации российско-китайских отношений, подготовке и подписании двух договоров.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ГИРС (1856–1932)

М. Н. Гирс – сын министра иностранных дел Н. К. Гирса – был российским дипломатом, служил с 1878 года в Министерстве иностранных дел, в разные годы был послом и посланником в Бразилию (1895–1898), Китай (1898–1901), Румынию (1902–1912), Турцию (1912–1914), Италию (1915–1917).

В 1898–1901 годах посланник в Китае М. Н. Гирс во время Боксерского восстания выступал в защиту Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а также российских подданных. Он подписал «Заключительный протокол» 1901 года. За деятельность в период подавления Боксерского восстания был награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами. М. Н. Гирс, находясь в гуще событий, отправлял информацию в российскую столицу для принятия дальнейших решений. Однако Петербург не всегда прислушивался к мнению и рекомендациям дипломатов, военных или прочих информантов, которые находились в заграничных командировках. Это вызывало определенные сложности в принятии объективных политических решений. Не раз случалось, что до императора информация случайно или умышленно

не доходила. В разгар Боксерского восстания Александра Викторовна Богданович (1846–1914), хозяйка крупнейшего светского салона, который часто посещали государственные деятели, в своем дневнике писала:

«Рассказывали, почему царь бранил Муравьева, следующее: уже более года Гирс оповещал Муравьева, что в Китае неспокойно, но Муравьев этим сообщениям не придавал значения и царю о них не доносил, чтобы его не беспокоить. Вот это-то и рассердило царя»⁸.

В свою очередь в дневниковых записях император Николай II делал приписку, что этот Гирс – пекинский: «Принял Гирса (пекинского), назначенного посланником в Румынию. После завтрака хорошо поиграли в теннис»⁹. Это было необходимо, поскольку многие из представителей семейства находились на службе у государя.

Ситуации с умышленным или случайным умалчиванием информации в дипломатической практике встречались. Подобная история случилась в 1910 году с дипломатом Г. А. Плансоном, который находился на службе в Сиаме [6]. Тогда на встрече с королем Рамой V (Чулалонгкорн) глава Сиам сетовал, что император Николай II не отвечает на его письма:

«Король (Рама V (Чулалонгкорн). – А. Х.) упомянул, что, когда он собирался в последнее свое путешествие по Европе в 1907 году, то писал об этом, между прочим, Государю (Николаю II. – А. Х.); но никогда не получал ответа. Я ответил, что это, вероятно, недоразумение или простая канцелярская ошибка. Государь до такой степени сердечно относится к Королю, что, если бы знал о существовании письма, непременно ответил бы и пригласил бы Его в Россию»¹⁰.

После подписания «Заключительного протокола» и начала очередного вынужденного реформирования Цинского государства российские дипломатические представители в Китае продолжали пристально следить за происходившими событиями в стране [3].

У дипломата был сын – Николай Михайлович Гирс (1881–1905), который служил лейтенантом 1-го морского экипажа на борту крейсера «Дмитрий Донской». Он погиб во время Русско-японской войны в Цусимском сражении. Его судьба также оказалась связанной с Дальним Востоком. Другой моряк из рода Гирс – Александр Константинович Гирс (1859–1917) – участвовал в подавлении Боксерского восстания и был награжден бронзовой медалью за поход в Китай 1900–1901 годов.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ГИРС (1860–1942)

В девичестве Замятнина, Мария Николаевна была второй супругой посланника в Китае М. Н. Гирса. Для нее это тоже был вто-

рой брак. В первом браке она была замужем за бароном К. Ф. Таубе (1854–1919).

Отдельный интерес представляет дневник Марии Николаевны Гирс, известный также как «Пекинское сидение». В настоящее время рукопись дневника хранится в национальной библиотеке Франции. В нем сочетаются машинописный и рукописный текст с приложенными фотографиями российского дипломатического корпуса в Пекине общей сложностью более трехсот страниц.

Дневник начинается с двух коротких рукописных заметок, судя по почерку, явно написанных разными людьми. Первая страница раскрывает авторство дневника и сообщает о передаче его от одного владельца к другому. Из текста следует, что дневник принадлежал Александру Николаевичу Замятнину, а после его смерти в июле 1906 года был передан Марии Николаевне Гирс. Дневник появился в результате того, что Мария Николаевна регулярно переписывалась со своими родственниками, в том числе с братом, А. Н. Замятниным. После того как прекратилось почтовое сообщение из-за Боксерского восстания, М. Н. Гирс продолжила записывать все, что происходило с ее семьей, миссией и дипломатическим окружением в это трагическое время. Когда почтовое сообщение было восстановлено, А. Н. Замятнин получил эти записи и напечатал их в самостоятельный дневник, проиллюстрировав его фотографиями¹¹.

Вторая рукописная страница является непосредственно дневниковой записью М. Н. Гирс:

«Дневник Марии Николаевны Гирс, Пекин, 13–26 мая 1900

Боксеры начинают проявлять себя все сильнее. Христианские деревни сжигаются, жителей они убивают, даже в 40 верстах от Пекина. Беглецы спасаются в христианских миссиях, которые переполнены ими. До сих пор ни одного европейца не тронуто, но в воззваниях было объявлено, что нас всех перережут, начиная с сегодня, в продолжение пяти дней.

Женскую католическую миссию тоже должны сжечь сегодня. В Пекине пока все тихо, и я надеюсь, что нам нечего бояться»¹².

Далее следует телеграмма к А. Н. Замятнину. По всей вероятности, ее составил супруг Марии Николаевны. В ней он просит А. Н. Замятнина не давать посторонним людям читать дневник супруги, поскольку в нем было отражено много личных и семейных переживаний¹³.

Далее вклеено несколько страниц фотографий, сделанных в Пекине, на которых изображены дипломаты российской и зарубежных миссий. Встречаются фотографии и схемы посольского квартала. Затем следуют пронумерованные машинописные страницы дневника, в котором велась хроника событий. М. Н. Гирс писа-

ла об архимандрите Иннокентии (Фигуровском), российских и иностранных дипломатах, военных агентах, об убийствах христианских миссионеров боксерами, о работе своего супруга – дипломата М. Н. Гирса. Первая машинописная запись датируется 21 мая 1900 года, последняя – 11 сентября 1900 года. Весь дневник пронизан страхом Марии Николаевны о том, что с ними будет, и тревожными сообщениями о разрушениях восставших.

Другая представительница рода Гирс – Татьяна Михайловна Рудановская (1879–1957), в девичестве Гирс, была дочерью дипломата М. Н. Гирса и его первой супруги Ольги Константиновны Бутковой (1859–1886). В молодости она была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, жены Николая II. Ее жизнь также оказалась связана с Китаем, поскольку ее первый муж – дипломат Петр Константинович Рудановский (1871–1904) во время восстания ихэтуаней был секретарем и переводчиком дипломатической миссии в Китае, ему было доверено сопровождать известного политического деятеля Ли Хунчжана [4: 358]. После внезапной смерти П. К. Рудановского в 1904 году Татьяна Михайловна Гирс во второй раз вышла замуж [5: 193]. Ее вторым мужем стал брат покойного – Василий Константино-

вич Рудановский (?–1932), который также был дипломатом. Он некоторое время служил в Сингапуре, о чем сохранились его донесения в Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ), далее был переведен на Мальту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, представители разных поколений семьи Гирс были свидетелями и участниками событий, разворачивавшихся в Китае во второй половине XIX – начале XX века. Оказываясь временно связанными с китайскими событиями, представители рода Гирс не стремились продлить свое присутствие в стране или участие в решении дальневосточных вопросов. Тем не менее все они добросовестно выполняли возложенные на них обязанности. Николай Карлович принимал участие в разработке и процессе подписания Ливадийского и Санкт-Петербургского российско-китайских договоров. Дипломат Михаил Николаевич выступал за защиту КВЖД и российских подданных во время Боксерского восстания, был одним из тех, кто подписал «Заключительный протокол» 1901 года. Супруга дипломата Мария Николаевна оказалась автором ценного дневника, в котором были зафиксированы тяжелые страницы Боксерского восстания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ МГИМО-Университет. Новости. Открытие памятника статс-секретарю, Министру иностранных дел Российской Империи Н. К. Гирсу [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/main/girs/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 15.08.2023).
- ² Электронная версия газеты «Санкт-Петербургский дневник». Как крошечная фотография раскрыла большую загадку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbndnevnik.ru/news/2023-06-05/kak-kroshechnaya-fotografiya-raskryla-bolshuyu-zagadku> (дата обращения 15.08.2023).
- ³ МГИМО-Университет. Новости. Открытие памятника статс-секретарю, Министру иностранных дел Российской Империи Н. К. Гирсу [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/main/girs/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 15.08.2023).
- ⁴ Администрация Санкт-Петербурга. Пресс-центр. На месте захоронения министра иностранных дел Российской империи Николая Гирса установлен памятник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/263865/> (дата обращения 15.08.2023).
- ⁵ Дневник Д. А. Милютина // Электронный корпус «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/note/437768>. Запись от 3 октября (21 сентября) 1879 года (дата обращения 15.08.2023).
- ⁶ Дневник Д. А. Милютина // Электронный корпус «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/note/437832>. Запись от 21 февраля (9 февраля) 1880. (дата обращения 15.08.2023).
- ⁷ Дневник Д. А. Милютина // Электронный корпус «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/note/437935>. Запись от 13 декабря (1 декабря) 1880. (дата обращения 15.08.2023).
- ⁸ Богданович А. В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990 // Электронный корпус «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/note/139507>. Запись от 8 июля (25 июня) 1900 года (дата обращения 15.08.2023).
- ⁹ Дневники императора Николая II (1894–1918) // Электронный корпус «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/note/280143>. Запись от 24 ноября (11 ноября) 1902 года (дата обращения 15.08.2023).
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 217. Л. 7 об.–8.
- ¹¹ Пекинское сидение. Дневник Марии Николаевны Гирс. Шифр Slave 112 // Национальная библиотека Франции. Архивохранилище Галлика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10868772x/f6.item> (дата обращения 15.08.2023).
- ¹² Пекинское сидение. Дневник Марии Николаевны Гирс. Шифр Slave 112 // Национальная библиотека Франции. Архивохранилище Галлика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10868772x/f7.item> (дата обращения 15.08.2023).

- ¹³ Пекинское сидение. Дневник Марии Николаевны Гирс. Шифр Slave 112 // Национальная библиотека Франции. Архивохранилище Галлика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10868772x/f8.item> (дата обращения 15.08.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. М.: РОССПЭН, 2007. 920 с.
2. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
3. Самойлов Н. А. Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 175–188. DOI: 10.31857/S013128120023468-5
4. Харитонova А. М. Дипломат П. К. Рудановский (1871–1904): биографические сведения и китайские книги из его коллекции // Россия – Китай: история и культура: Сб. статей и докладов участников XV Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 11–12 ноября 2022 года. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2022. С. 355–360.
5. Харитонova А. М. Коллекция книг дипломата П. К. Рудановского в библиотечном собрании Санкт-Петербургского государственного университета // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 189–198.
6. Харитонova А. М. Сiam глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г. А. Плансона) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 27–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.479

Поступила в редакцию 10.07.2023; принята к публикации 02.10.2023

Original article

Anna M. Kharitonova, Assistant Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4234-5579; a.kharitonova@spbu.ru

THE ROLE OF CHINA IN THE FATE OF THE GIRS FAMILY

Abstract. The article looks at the representatives of the Girs family who lived in China at the turn of the XX century as civil servants involved in the state affairs related to the Qing Empire or for family reasons, namely Russian Foreign Minister N. K. Girs (1820–1895), Russian Envoy to China M. N. Girs (1856–1932) and his wife M. N. Girs (Zamyatnina) (1860–1942). The study is aimed at analyzing the Girs family's life stories and sources that most vividly illustrate China and Russian-Chinese relations at the turn of the XX century. The source base is comprised of archival materials and diaries of contemporaries. The applied hermeneutic method made it possible to interpret archival sources in more detail and supplement some well-known pages of Russian-Chinese relations. The study was spurred by the active interest of the Girses' descendants in the family history, as well as the work of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation aimed at preserving the memory of outstanding diplomats who made a great contribution to the development of Russian-Chinese relations. Current intensification of ties between Russia and China encourages researchers to study the history of these bilateral relations, linking the present with the past. The author comes to the conclusion that once in China, the members of the Girs family conscientiously performed their duties. Moreover, M. N. Girs's diary written during the Boxer Rebellion is a valuable source of the first-hand testimonies of those tragic events.

Key words: China, diary of Maria Girs, Girs family, Mikhail Girs, Boxer Rebellion

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation as part of the project No 22-28-00858 ("Russian diplomats in China (second half of the XIX – early XX centuries): foreign-policy and socio-cultural dimensions", <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>).

For citation: Kharitonova, A. M. The role of China in the fate of the Girs family. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):41–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.973

REFERENCES

1. The ministerial system in the Russian Empire: celebrating the 200th anniversary of ministries in Russia. Moscow, 2007. 920 p. (In Russ.)
2. Russia and China: four centuries of interaction: history, current state, and prospects for the development of Russian-Chinese relations. Moscow, 2013. 704 p. (In Russ.)
3. Samoylov, N. A. Late Qing reforms of the early 20th century through the eyes of Russian diplomatic representatives (based on the documents from the Russian State Historical Archive). *Far Eastern Studies*. 2022;6:175–188. DOI: 10.31857/S013128120023468-5 (In Russ.)
4. Kharitonova, A. M. Diplomat P. K. Rudanovsky (1871–1904): biographical information and Chinese books from his collection. *Russia – China: history and culture: Proceedings of the XV international research and practice conference, Kazan, 11–12 November, 2022*. Kazan, 2022. P. 355–360. (In Russ.)
5. Kharitonova, A. M. The book collection of the diplomat P. K. Rudanovsky in the library of St. Petersburg State University. *Historical Courier*. 2023;3(29):189–198. (In Russ.)
6. Kharitonova, A. M. Siam through the eyes of a Russian diplomat (investigating Georgiy Planson's personal diaries). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):27–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.479 (In Russ.)

Received: 10 July 2023; accepted: 2 October 2023

ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт российской истории Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5425-4730; homobelli@mail.ru

ВОЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

А н н о т а ц и я . Рассматривается изучение «человека на войне» в рамках военной антропологии как исторической и междисциплинарной отрасли науки с момента ее теоретического обоснования в 2000 году, освещаются методологические подходы, основные направления, ключевые проблемы и их эволюция в контексте Специальной военной операции Вооруженных Сил РФ на Украине. На примере участия в военном конфликте иностранных наемников показаны виды источников, подходящих для анализа данной проблемы. Поднимаются вопросы о необходимости применения опыта Комиссии по истории Великой Отечественной войны в условиях СВО для формирования источниковой базы будущих исследований, о сложностях поиска, сбора и сохранения эго-документов, ушедших с бумажных носителей в электронный и виртуальный формат, а также о месте военной антропологии в процессе преподавания новейшей истории России в высшей школе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военная антропология, междисциплинарная отрасль науки, человек на войне, методология, источники изучения

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974

ВВЕДЕНИЕ

Весь XX век в истории России прошел под знаком больших и малых войн и создал особый социально-психологический и социокультурный феномен «человека воюющего». Первая четверть XXI века также отмечена целым рядом военных событий с участием Вооруженных Сил Российской Федерации. И теперь уже очевидно, что без учета «человеческого ракурса» войн и вооруженных конфликтов невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории в целом, а также применение исторического опыта в современных условиях.

Более двадцати лет назад автором данной статьи был впервые прочитан курс лекций по военной антропологии, и произошло это в Петрозаводском государственном университете. Много это или мало для новой научной дисциплины, уверенно заявившей о себе в самом начале XXI века? И какие задачи стоят перед ней сегодня, в наше непростое время?

Военная антропология – новая и сравнительно молодая междисциплинарная отрасль науки, интегрирующая достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, изу-

чающих человека в единстве его разнообразных проявлений, биопсихосоциальных параметров, областей и форм деятельности в экстремальных военных ситуациях, в условиях подготовки к ним и преодоления их последствий [20: 17]. Особенно интересны и перспективны такие ее области, как **военно-историческая антропология**, обращающаяся к историческому опыту как основному источнику знаний о человеке на войне, накопленным обществом за тысячелетия развития, и **военно-историческая психология**, изучающая «человека воюющего» как особое социально-психологическое явление. Историко-психологический подход к проблематике позволяет раскрыть мысли, чувства, механизмы поведения людей в экстремальных военных условиях, историко-антропологический – комплексно изучать «человеческий ракурс» войны, включая ценностный и социокультурный аспекты, а их сочетание представляет собой системный анализ войны в «человеческом измерении».

Объектом изучения военной антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни гражданского, мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуа-

циям и отражают их последствия. То есть историческим фоном данной проблематики являются подготовка общества и человека к войне, «вхождение» в нее, ход военных действий и «выход из войны». Центральным объектом изучения – армия, прежде всего в военное, но также и в мирное время; не менее значимо изучение «человеческого измерения» всего общества, особенно в собственно военной ситуации. Специфика «человека в войне» как предмета изучения определяется «экстремальным режимом» существования общества в военных условиях, особым бытием индивидуума на грани жизни и смерти. Именно здесь во многом кроется источник понимания не только ряда ключевых причин военных поражений и побед стран, государств и народов, но и их истории в мирное – предвоенное и послевоенное время. Кроме того, военная антропология является важным ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК ИСТОРИЧЕСКОЙ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТРАСЛИ НАУКИ

Первые методологические подходы к этой проблематике с точки зрения конкретно-исторических тем и сравнительно-исторических исследований российских войн XX века были заявлены еще с середины 1990-х годов [15], [21], [23]. Но сам термин «военная антропология» впервые прозвучал 19 апреля 2000 года на конференции «“Homo belli – человек войны” в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков» [19: 208–212], [28] в Нижнем Новгороде в пленарных докладах историка Е. С. Сеньявской «Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект» [22] и филолога В. А. Фортунатовой «Военная антропология как наука о возможностях человека» [25]. Важным шагом в конституировании новой отрасли стало проведение 23 ноября 2000 года в Институте российской истории РАН (Москва) первого заседания круглого стола «Военно-историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития», в работе которого приняло участие более 30 специалистов из смежных областей знания, изучающих войну в «человеческом измерении» [14], а впоследствии выход в свет трех выпусков Ежегодника «Военно-историческая антропология» [5], [6], [7], в первом из которых была опубликована программная статья «Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки» [18], сразу получившая широкий отклик среди историков и культурологов [2], [3: 124], [9], [10], [11], [12], [26]. Так, искусствовед В. В. Виноградов отмечал:

«Исследования феномена войны в человеческой истории и культуре – одна из самых объемных тем в отечественной гуманитарной науке. В последнее десятилетие внимание к данной проблеме стало более пристальным. Интерес вызывают не столько истории войн, их социальные, политические, экономические и другие предпосылки и последствия, сколько “культура войны” как таковая. Изучается человек “военный”, особенности его поведения, оценка и восприятие событий, – таким образом, осмысливается специфика самой эпохи. В контексте научных поисков наиболее плодотворно в последнее десятилетие проявляет себя антропологический подход. Военно-историческая антропология уверенно заявила о себе как междисциплинарная отрасль научного знания, объединив усилия специалистов разных направлений» [4: 5].

Перед исследователями «человеческого измерения» войн, как правило, стоят очень близкие проблемы, независимо от того, какую страну они изучают, какую эпоху и даже в рамках какой научной дисциплины. Исследовательский процесс закономерно привлек специалистов, работающих подчас в очень разных хронологических и конкретно-тематических рамках, к выводу, что все они так или иначе действуют в контексте единого направления или даже особой исследовательской области, относительно автономной в границах исторической науки. Само осознание этого обстоятельства, налаживание научных коммуникаций в рамках междисциплинарных, междисциплинарных и хронологически «сквозных» проектов дают принципиально новые результаты и в области обмена опытом, и в части его синтеза, позволяют проводить невозможные в иных условиях компаративные исследования, причем как в рамках социокультурной, этнокультурной и межрегиональной компаративистики, так и сравнительно-исторические исследования в хронологическом ракурсе [16].

В качестве *методологической основы* военной антропологии был предложен синтез идей и методологических принципов трех научных направлений – *исторической школы «Анналов», философской герменевтики и экзистенциализма* [17], [18]. Хотя это вовсе не означало, что данная отрасль науки должна оставаться «методологически закрытой» системой. Тем не менее основополагающими остаются такие постулаты, как *осознание и понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждого ей по духу времени, идея непосредственного проникновения в историческое прошлое, «вживания» исследователя в изучаемую эпоху, во внутренний мир создателя источника, метод познания духовных явлений через их психологическую реконструкцию, восстановления определенных исторических типов поведения, мышления и восприятия, при постоянном учете исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех*

связывающих их исторических обстоятельств, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы, а также использование *категории «пограничная ситуация»*, применимой к анализу мотивов, поведения и самоощущения человека в экстремальных условиях войны. Данное понятие было разработано в экзистенциальной философии М. Хайдеггера и К. Ясперса. Крайней формой проявления пограничной ситуации является бытие перед лицом смерти, когда все, что заполняет человеческую жизнь в ее повседневности, становится несущественным, происходит ломка привычных представлений о мире, прежней системы ценностей, и индивид начинает по-иному смотреть на себя и окружающую действительность.

Успешное применение в военно-антропологических исследованиях находят и основные принципы *социальной истории*, изучающей общественные процессы не «сверху», через официальный дискурс, а «снизу» и «изнутри», когда в центре внимания оказывается человек «как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма» [24: 108–109], «в различных взаимосвязях и ситуациях, в социальной среде и в системе разнородных групп, в семье и в повседневной жизни» [22: 7].

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Среди *основных направлений и ключевых проблем* военной антропологии с самого начала наметились следующие [20]. Анализ и изучение: 1) «общего и особенного» в войнах, влияющего на психологию общества и армии; 2) ценностей, представлений, верований, традиций и обычаев всех социальных категорий в контексте назревания войны, ее хода, завершения и последствий; 3) взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе идеологического оформления войны, механизмов формирования героических символов; 4) диалектики соотношения образа войны в массовом общественном сознании и сознании ее непосредственных участников; 5) эволюции понятий «свой-чужой» и формирования образа врага в войнах и вооруженных конфликтах; 6) проявлений религиозности и атеизма в боевой обстановке, включая солдатские суеверия как форму бытовой религиозности; 7) совокупности факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии комбатантов, их поведение в экстремальных ситуациях; 8) психологических явлений и феноменов на войне: психологии боя и солдатского фатализма, героического порыва и паники, психологии фронтового быта;

9) особенностей психологии рядового и командного состава армии, военнослужащих отдельных родов войск и военных профессий; 10) влияния социально-демографических параметров на психологию военнослужащих: возрастных характеристик, социального происхождения, жизненного опыта, образовательного уровня и др.; 11) особенности гендерной психологии, включая феномен массового участия женщин в войнах XX столетия; 12) повседневных практик, психологических особенностей и последствий пребывания в плену; 13) психологической специфики деятельности в тылу противника (в партизанском движении, в подполье, в агентурной разведке, в составе диверсионно-разведывательных групп); 14) военного опыта гражданского населения в глубоком тылу, в прифронтовой полосе, на оккупированных территориях, включая особенности детской памяти о войне; 15) проявлений посттравматического синдрома, проблем выхода из войны, способов адаптации комбатантов к послевоенной мирной жизни; 16) механизмов формирования и эволюции исторической памяти общества о военном прошлом, проблем ее сохранения при смене поколений.

Разумеется, этот перечень остается открытым. С началом Специальной военной операции Вооруженных Сил РФ на Украине 24 февраля 2022 года он уже существенно расширился и пополнился новыми сюжетами, так как многие явления, присущие данному вооруженному конфликту, в прежних войнах не встречались или носили иной масштаб и характер, что требует проведения специального сравнительно-исторического анализа. Например,

- проблема массового участия на одной из сторон конфликта иностранных наемников или тех, кто под них маскируется, являясь в действительности представителями вооруженных сил других государств, формально в конфликте не участвующих;

- новые виды и формы волонтерского движения (которые можно сравнить и провести параллели с шефским движением и сбором средств в Фонд Обороны периода Великой Отечественной войны);

- особенности освещения событий в эпоху Интернета (в том числе феномен независимых военкоров и военных блогеров);

- влияние новостного контента на настроения в обществе, включая пропагандистское воздействие антироссийских и фейковых сообщений, создаваемых и распространяемых Центрами информационно-психологических операций (ЦИПО) противника, и способы противодействия им, то есть особенности информационно-психологической войны в современных условиях;

– стратегии выживания гражданского населения в непосредственной близости от линии боевого соприкосновения;

– проблемы беженцев и эвакуированных из зоны боевых действий (во всей их совокупности, от правовых и психологических до бытовых);

– особенности поколения, выросшего в экстремальных военных условиях (на Донбассе есть дети, которые уже не застали мирной жизни или почти не помнят ее);

– специфика психологии разных категорий военнослужащих (кадровых офицеров, мобилизованных, добровольцев, контрактников, ополченцев ДНР и ЛНР (до и после признания республик и их вхождения в состав РФ), членов ЧВК «Вагнер» и др.).

Освещать события, с точки зрения истории не завершенные, происходящие в текущий исторический момент, сложно по целому ряду причин. Первая и самая главная – доступность достаточно ограниченного круга источников, потому что материалы еще не успели отложиться в архивах. Так, например, по теме участия иностранных наемников в боевых действиях в зоне СВО таких видов источников несколько. Во-первых, это нормативные документы – как российские, так и зарубежные, освещающие проблему военного наемничества с точки зрения международного права и внутреннего законодательства разных стран. Во-вторых, экспертные оценки специалистов по проблеме, опубликованные в различных СМИ. В-третьих, новостные сообщения о присутствии иностранных наемников в зоне боевых действий, об их уничтожении или задержании, судебных разбирательствах и вынесенных им приговорах. Наконец, в-четвертых, это интервью самих наемников журналистам, а также публикации в социальных сетях текстовых сообщений за конкретную дату (по сути, дневниковые записи, ведущиеся в электронной форме), фото- и видеосвидетельств, размещенных как самими наемниками, так и теми, кому пришлось с ними сталкиваться, общаться или каким-либо образом взаимодействовать. Разумеется, вся эта информация не систематизирована и не сконцентрирована на каком-то одном ресурсе, а рассеяна по всей глобальной сети Интернет, и ее поиск является достаточно трудоемким процессом. А поскольку методика анализа таких видов источников, как соцсети и публикации в электронных СМИ, с точки зрения новейших источниковедческих практик еще недостаточно отработана, возникает вопрос о репрезентативности привлеченного материала. Но в данном конкретном случае нас интересует оценка самого явления в текущей геополитической ситуации,

эволюция отношения к нему так называемого международного сообщества как в официальном, так и в общественном дискурсах, самопозиционирование самих иностранных наемников по отношению к их целям, задачам, роли и мотивам участия в вооруженном конфликте на территории Украины после начала проведения СВО, соотношение их ожиданий и реальности, анализ ситуации внутри Иностранного легиона и отношений между состоящими в нем выходцами из разных стран; оценка ими союзников (Вооруженных сил Украины, на стороне и в составе которых они выступают на театре военных действий, других силовых ведомств, военной и гражданской администрации и проч.) и противников (российских военнослужащих, ополченцев ДНР и ЛНР), гражданского населения западной и центральной Украины, а также территорий Юго-Востока с преобладающим русскоязычным населением. Также вызывает интерес мнение российских военных из зоны СВО (как правило, зафиксированное в репортажах военных корреспондентов) о боевых качествах и моральном духе наемников в зависимости от их национальности и гражданства, предыдущего военного опыта в других горячих точках и т. д. Как можно увидеть на данном конкретном примере, задача перед исследователями стоит достаточно сложная, но вполне решаемая.

ОПЫТ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СВО

В 1943 году в одной из своих статей Илья Эренбург написал пророческие слова:

«Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи»¹.

Другой военный писатель Константин Симонов говорил: «Иногда человеку кажется, что война не оставляет на нем неизгладимых следов. Но если он действительно человек, то это ему только кажется». Сегодня эти утверждения касаются не только самих участников боевых действий, но и тех, кто изучает человека на войне методами военной антропологии. Без историко-психологической реконструкции, эмоционального погружения во внутренний мир людей, переживших военный опыт, чувства глубокой сопричастности исследователя тем, кого он исследует, эта наука никогда бы не состоялась. Мы учимся не только понимать, но и чувствовать войну. И здесь мы вплотную подходим к проблеме изучения событий, происходящих сегодня, буквально на наших глазах, когда исследователь

является не просто современником и сторонним наблюдателем, но свидетелем, очевидцем, а то и непосредственным их участником, то есть сам оказывается включен в незавершенный исторический процесс, который исследует. А значит, сопричастен ему.

Обратимся к опыту Великой Отечественной войны. В декабре 1941 года по инициативе секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны Москвы. В январе 1942 года при Академии наук СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, во главе которой встали профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и член-корреспондент АН СССР (позднее академик) И. И. Минц. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943–1944 годах такие комиссии были созданы в освобожденных районах. Основная задача Комиссии по истории Великой Отечественной войны состояла в собирании материалов, которые не откладываются в архивах, – документов личного происхождения участников войны и тружеников тыла. Среди главных тематических направлений были история воинских частей и боевых подразделений, оборона городов, документы о Героях Советского Союза, военная экономика, культура и быт, партизанское движение, оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков и др. В ходе работы Комиссии осуществлялось и специальное целенаправленное формирование новых исторических источников на основе устных свидетельств участников событий, то есть их интервьюирование, стенографирование бесед, рассказов и воспоминаний о боевых и трудовых буднях войны, на основе специально разработанных методических рекомендаций. Главными принципами являлись непосредственное общение с участниками событий и минимальный разрыв во времени с самим событием². Наши предшественники хорошо понимали, что свидетельства нужно записывать и фиксировать «по горячим следам», чтобы не утратить важную информацию вместе с ее носителями, которые продолжают находиться в зоне постоянного риска; что события, наслаиваясь в памяти одно на другое, часто искажаются, забываются, а со временем замещаются похожими; что большая История складывается не только из официальных документов, но из человеческих судеб и маленьких историй простых людей.

Сегодня, в конце второго года с момента начала СВО, мы понимаем, что перед нами стоит та же самая задача: записать и сохранить, передать потомкам живую человеческую память

о подвиге и трагедии Русского Донбасса, его жителей и защитников, не позволить забыться и затеряться множеству событий и фактов, а также искреннему и честному взгляду на них непосредственных участников, то есть тех, кто сам является деятельным творцом истории нашей страны.

Не случайно в принятой 12 декабря 2022 года Резолюции Научного совета Российского военно-исторического общества отдельным пунктом под номером 7 стоит предложение

«создать Государственную комиссию по историческому описанию и обобщению опыта Специальной военной операции (аналог Комиссии по истории Великой Отечественной войны, созданной в декабре 1941 года)»³.

Очень надеюсь, что власти нас услышат и окажут содействие этой важной работе. Мы готовы помочь в организации и принять активное в ней участие.

Сегодня, в век Интернета, возникает проблема, когда источники личного происхождения, существовавшие раньше на бумажных носителях (переписка, дневниковые записи), почти полностью уходят в электронный виртуальный формат – и безвозвратно в нем теряются. В тех же телеграм-каналах с первых дней СВО встречались удивительные по силе эмоционального воздействия записи впечатлений и рассуждений бойцов и военкоров обо всем, что можно назвать военной повседневностью, их рассказы о фронтовой и госпитальной жизни, о товарищах и командирах, о реальном образе врага, о звуках, запахах, красках войны... Как теперь найти, собрать и сохранить эти бесценные свидетельства – большой вопрос и серьезная источниковедческая задача, которую нужно решать прямо сейчас.

Для примера приведем размышления бойца и журналиста Никиты Третьякова, мобилизованного в ВС РФ с должности заместителя главного редактора «старого» (до смены руководства) ИА REGNUM в воздушно-десантные войска и уже год прослужившего в зоне СВО, где он ведет дневниковые записи и иногда (если представляется возможность при выходе на отдых или во время лечения в госпитале) выкладывает их в своем телеграм-канале с очень небольшим (7,2 тыс.) числом подписчиков. Вот его запись от 16 сентября 2023 года:

«Я знаю, что большинство моих читателей ждут кого-то из близких или друзей с войны. Знаю, что когда мы – те, кого ждут, вернемся, разговоры о войне не будут легкими, но они будут. Многие мои товарищи уже вернулись, кто-то ждет операции, а кто-то – протезирования, и они уже ведут такие же тяжелые разговоры. Почему тяжелые? Для нас – участников войны – такие разговоры непросты, потому что война – это совершенно другая реальность, здесь другое считается

нормой, другие правила игры, другая жизнь во множестве отношений. Разговаривая даже с самыми близкими людьми из нашей мирной жизни, мы часто не знаем, как рассказать о волнующих нас событиях, с чего начать, чтобы быть понятыми и не столкнуться с отторжением. Поэтому и на гражданке ребята тянутся к сослуживцам, подолгу обсуждают с ними вместе пережитое и общих знакомых, оставшихся на фронте.

Для мирных людей, далеких от военного дела, разговаривать с фронтовиками трудно, потому что вокруг войны создана как бы аура болезненности, травмы, о войне принято говорить размыто, в общем. И в то же время опыт каждого бойца совершенно конкретен и его невозможно понять, не вникнув в детали. Поэтому если вы ждете кого-то с войны, будьте готовы учиться, впитывать новую, пусть и бесполезную для вас лично информацию. Разберитесь в иерархии взводов, рот и батальонов, постарайтесь как можно лучше понять, какие функции выполняет ваш воин на фронте, с каким вооружением и техникой ему приходится работать, на передке ли он выполняет задачи, на какой линии, и какие, собственно, задачи. Даже знание азов сильно упрощает общение, даст понять солдату, что ваши интересы к его военному прошлому не мимолетны, что вы дали себе труд погрузиться в тему...»⁴

По глубине, искренности, психологической достоверности и точности в описании фронтовых будней и деталей солдатского быта заметки Никиты Третьякова можно сравнить с военными дневниками Константина Симонова. Надеемся, что автор когда-нибудь издаст их в виде книги. Потому что «рукописи не горят», а странички в Интернете, увы, не столь долговечны. Тем важнее их найти, увидеть и сохранить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня военная антропология как никогда актуальна и востребована не только в научном, но в первую очередь в общественно-политическом контексте. Развитие этой исследовательской дисциплины является объективной потребностью и для использования накопленного исторического опыта, адаптированного к современным условиям, и в формировании психологической устойчивости общества в экстремальных ситуациях военных конфликтов, и для реабилитации бойцов, вернувшихся «из-за ленточки» в мирную жизнь, и в решении многих других задач, в том числе и военно-прикладных. При этом главное для исследователей, работающих в русле военно-антропологического подхода, — это сопричастность судьбе своих предков, а в условиях СВО — и наших современников, которые в ней участвуют, — погружение в их психологию и мотивацию в переломное для страны время, глубокое и искреннее эмоциональное

сопереживание, без которых и собственно научный анализ проблемы будет ограниченным и неполным.

Военная антропология становится все более значимой в учебно-воспитательном процессе, включая преподавание в высшей школе, которое на исторических факультетах вузов России началось практически сразу, когда в 2000 году было объявлено о конституировании новой научной дисциплины⁵. По мнению И. А. Анфертьева, изучение военной антропологии призвано подготовить специалиста, «способного комплексно анализировать природу войны как сложного социального феномена, ориентироваться в современном восприятии военных действий и влиять на их ликвидацию» [1]. За неполные четверть века вышли в свет не только многочисленные труды, развивающие научные знания в этой области, но также учебные и методические пособия для университетов⁶. Сформировалась целая научная школа: в русле новой исследовательской парадигмы активно защищаются диссертации, авторы которых уверенно причисляют себя к военным антропологам (подробнее см.: [16]).

К сожалению, в последние годы сокращение учебных часов на историю привело к тому, что преподавание военной антропологии стало возможным не в виде отдельных спецкурсов, а в общем контексте курса истории, в первую очередь истории России Нового и Новейшего времени, через расстановку определенных тематических акцентов, использование новых теоретических и методических подходов и разработку специальных творческих заданий для студентов. Но есть надежда, что принятая недавно новая программа по истории позволит задействовать потенциал этого междисциплинарного направления более активно и продуктивно.

Пока же, по опыту прошлых лет, можно констатировать, что изучение Новейшей истории России в вузе через сквозную тему «человек на войне», используя метод психологической реконструкции и актуализации исторической памяти нескольких поколений внутри семьи, в том числе с привлечением семейных и личных архивов, материалов устной истории, не только пробуждает у студентов интерес к самому предмету «История», но дает серьезный эффект в сфере патриотического воспитания молодежи. Однако в современных условиях этого уже недостаточно. Нужен системный подход к преподаванию военно-антропологической проблематики. Таковы реальность и вызовы суровой и сложной эпохи, в которой мы сегодня живем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М.: Советская Россия, 1985. С. 230.

- ² Третьяков Никита. Что там было? [16.09.2023] [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://t.me/tretyakov_n/1127 (дата обращения 12.10.2023).
- ³ См.: Минц И. И. Документы Великой Отечественной войны, их собирание и хранение // 80 лет на службе науки и культуры нашей Родины. М., 1943. С. 135–150; Михайлова Е. П. О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941–1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 352–359; Левшин Б. В. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М.: Наука, 1976. С. 312–317; Архангородская Н. С., Курносоев А. А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М.: Наука, 1982. С. 219–229.
- ⁴ Резолюции Научного Совета Российского военно-исторического общества. Москва, 12 декабря 2022 г. // Журнал «Наука. Общество. Оборона». Сетевое издание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.no-journal.ru/blog/patrioticheskie-svodki-ot-vladimira-kiknadze/v-tselyakh-mobilizatsii-usiliy-rossiyskogo-naroda-na-dostizheniye-pobedy-v-spetsialnoy-voyennoy-operatsii-rezolyutsiya-nauchnogo-soveta-rvio/> (дата обращения 21.02.2023).
- ⁵ Впервые лекционный курс по военной антропологии (Сениявская Е. С. «Человек на войне. Военно-историческая антропология и психология. (На материале российских войн XX века)») был прочитан в 2001 году в Петрозаводском государственном университете. Затем этот предмет преподавался студентам и магистрантам в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (Сениявская Е. С., Анфертьев И. А.). В разные годы занятия в спецкурсах и спецсеминарах велись в Омском государственном университете (Кожевин В. Л.), Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (Дроздов Ф. Б.), Нижегородском государственном педагогическом университете им. К. Минина (Николай Ф. В.), Карельской государственной педагогической академии (Юсупова Л. Н.), Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (Бажуков В. И.) и других вузах страны.
- ⁶ Сениявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории // РГГУ – вузам России. Преподавание истории студентам неисторических специальностей. Современный педагогический опыт. М.: ИЦ РГГУ, 2005. С. 73–81; Она же. Человек на войне. Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века) // История России XX–XXI века: Программы спецкурсов. 2-е изд., доп. М.: ИЦ РГГУ, 2006. С. 97–106; Она же. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. (Учебно-методический комплекс для студентов и магистрантов, обучающихся по направлению подготовки «История»). М.: ИЦ РГГУ, 2011. 44 с.; Она же. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии: Курс лекций. М.: ИЦ РГГУ, 2012. 332 с.; Она же. Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века). (Учебно-методическое пособие для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей высших учебных заведений). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 223 с.; Анфертьев И. А. Антропологические аспекты современной военной истории России // История коммуникаций на советском и постсоветском пространстве: Программы курсов магистратуры по направлению «История». Ч. 2. М.: ИЦ РГГУ, 2010. С. 140–157.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Гуманитарные чтения РГГУ – 2010: Теория и методология гуманитарного знания. Россиоведение. Общественные функции гуманитарных наук: Сб. материалов. М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.
2. Бажуков В. И. Методологические вопросы военной антропологии // Университетские чтения: Сб. ст. Вып. 9. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 32–35.
3. Баранов А. П. Клио на берегах Невы (Обзор публикаций) // Отечественная история. 2004. № 4. С. 120–130.
4. Виноградов В. В. «Грозное время» и проблемы его изучения (от составителя) // Временник Зубовского института. Вып. 6: Грозное время. Война в зеркале человеческого восприятия. СПб.: Российский институт истории искусств, 2011. С. 5–6.
5. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.
6. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.
7. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.
8. Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 20 марта 2020 г.). СПб.: Алетейя, 2021. 512 с.
9. Кожевин В. Л. Войны России XX столетия в историко-антропологическом измерении // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 9–13.
10. Кожевин В. Л. К вопросу о предмете военно-исторической антропологии // Катанаевские чтения: Материалы Пятой всерос. науч.-практич. конф. (Омск, 17–18 апреля 2003 г.). Омск: Наука, 2003. С. 3–5.

11. Козлов С. А. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 166–169.
12. Козлов С. А. Рецензия на ежегодник «Военно-историческая антропология» // Клио: Журнал для ученых. 2005. № 2. С. 269–273.
13. Николай Ф. В., Софронова Л. В., Хазина А. В. Военно-историческая антропология: векторы теоретической полемики в российской и англоязычной историографии // Научный диалог. 2021. № 2. С. 356–370.
14. О человеке под ружьем // Пути к безопасности. 2001. Вып. 1 (21). С. 44–46.
15. Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 218 с.
16. Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли (по итогам первого пятнадцатилетия XXI века) // История и историки. 2011–2012. Историографический вестник. М.: Наука, 2015. С. 88–110.
17. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.
18. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.
19. Сенявская Е. С. Научные конференции по военно-исторической антропологии (Челябинск и Нижний Новгород, апрель 2000 г.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 208–212.
20. Сенявская Е. С. От военной истории к военной антропологии: проблемное поле и междисциплинарные подходы в изучении «человека на войне» // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 20 марта 2020 г.). СПб.: Алетейя, 2021. С. 11–22.
21. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
22. Сенявская Е. С. Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Рос. науч. конф. 19–20 апреля 2000 г. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. С. 10–27.
23. Сенявская Е. С. Человек на войне: Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 232 с.
24. Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М., 1998. С. 108–109.
25. Фортунатова В. А. Военная антропология как наука о возможностях человека // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Рос. науч. конф. 19–20 апреля 2000 г. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. С. 139–141.
26. Хлынина Т. П. Война как объект историко-антропологических исследований // Российское общество и войны XX века: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. Адлер, 27–30 мая 2004 г. Краснодар: Кубань-кино, 2004. С. 3–6.
27. Чубарьян А. О. Современные тенденции социальной истории // Социальная история: Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. 364 с.
28. Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Рос. науч. конф. 19–20 апреля 2000 г. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. 311 с.

Поступила в редакцию 09.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

Original article

Elena S. Senyavskaya, Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5425-4730; homobelli@mail.ru

MILITARY ANTHROPOLOGY IN NEW HISTORICAL CONTEXT

Abstract. The article examines the study of the “man at war” within the framework of military anthropology as a historical and interdisciplinary branch of science since its theoretical substantiation in 2000, highlights methodological approaches, main directions, key problems and their evolution in the context of the Special Military Operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine. The types of sources suitable for the analysis of this problem are shown by the example of foreign mercenaries’ participation in a military conflict. The paper raises the question of the need to use the experience of the Commission on the History of the Great Patriotic War in the conditions of the Special Military Operation to form a source base for future research. It also addresses the difficulties of searching, collecting, and preserving ego documents that have been transferred from paper to electronic or virtual format, as well as the place of military anthropology in the process of teaching the modern history of Russia in higher educational institutions.

Keywords: military anthropology, interdisciplinary branch of science, man at war, methodology, sources of study

For citation: Senyavskaya, E. S. Military anthropology in new historical context. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974

REFERENCES

1. Anfertyev, I. A. New directions in modern Russian historiography. Military and historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science. *RSUH Humanitarian Readings – 2010: Theory and methodology of humanitarian knowledge. Russian studies. Social functions of the humanities: Collection of papers*. Moscow, 2011. P. 319–328. (In Russ.)
2. Bazhukov, V. I. Methodological issues of military anthropology. *University readings: Collection of articles*. Issue 9. Moscow, 2005. P. 32–35. (In Russ.)
3. Baranov, A. P. Clío on Neva banks (Review of publications). *Russian History*. 2004;4:120–130. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. “The Terrible Times” and the problems of its study (editor’s note). *Vremennik of the Zubov Institute. Issue 6: The Terrible Times. War in the mirror of human perception*. St. Petersburg, 2011. P. 5–6. (In Russ.)
5. Military and historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, prospects of development. Moscow, 2002. 400 p. (In Russ.)
6. Military and historical anthropology. Yearbook, 2003/2004. New scientific directions. Moscow, 2005. 464 p. (In Russ.)
7. Military and historical anthropology. Yearbook, 2005/2006. Current issues for research. Moscow, 2006. 416 p. (In Russ.)
8. War in the human dimension: ideology, psychology, everyday life, historical memory: Proceedings of the international research conference (Moscow, 20 March 2020). St. Petersburg, 2021. 512 p. (In Russ.)
9. Kozhevnikov, V. L. Russian wars of the XX-th century in historico-anthropological perspective. *Herald of Omsk University*. 2010;2:9–13. (In Russ.)
10. Kozhevnikov, V. L. Revisiting the subject of military and historical anthropology. *Katanaev Readings: Proceedings of the fifth all-Russian research and practice conference (Omsk, 17–18 April 2003)*. Omsk, 2003. P. 3–5. (In Russ.)
11. Kozlov, S. A. Military and historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, prospects of development; Military and historical anthropology. Yearbook, 2003/2004. New scientific directions. *Voprosy Istorii*. 2004;10:166–169. (In Russ.)
12. Kozlov, S. A. Review of the yearbook “Military and historical anthropology”. *Clio: A Monthly Scholarly Journal*. 2005;2:269–273. (In Russ.)
13. Nikolae, F. V., Sofronova, L. V., Khazina, A. V. Military-historical anthropology: vectors of theoretical polemic in Russian and English historiography. *Scientific Dialogue*. 2021;2:356–370. (In Russ.)
14. About a man under arms. *Paths to Safety*. 2001;1(21):44–46. (In Russ.)
15. Senyavskaya, E. S. 1941–1945. The frontline generation. Historical and psychological research. Moscow, 1995. 218 p. (In Russ.)
16. Senyavskaya, E. S. Military anthropology: experience of formation and development of new scientific branch (based on the results of the first fifteenth anniversary of the XXI century). *History and Historians. 2011–2012. Historiographical Bulletin*. Moscow, 2015. P. 88–110. (In Russ.)
17. Senyavskaya, E. S. The military history anthropology as a new branch of the historic science. *Russian History*. 2002;4:135–145. (In Russ.)
18. Senyavskaya, E. S. Military and historical anthropology as a new branch of historical science. *Military and historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, prospects of development*. Moscow, 2002. P. 5–22. (In Russ.)
19. Senyavskaya, E. S. Scientific conferences on the military history anthropology (Chelyabinsk and Nizhny Novgorod, April 2000). *Russian History*. 2001;3:208–212. (In Russ.)
20. Senyavskaya, E. S. From military history to military anthropology: problem field and interdisciplinary approaches to the study of the “man at war”. *War in the human dimension: ideology, psychology, everyday life, historical memory: Proceedings of the international research conference (Moscow, 20 March 2020)*. St. Petersburg, 2021. P. 11–22. (In Russ.)
21. Senyavskaya, E. S. Psychology of war in the XX century: Russia’s historical experience. Moscow, 1999. 383 p. (In Russ.)
22. Senyavskaya, E. S. Theoretical problems of military anthropology: historical and psychological aspect. *Homo belli – a man of war in microhistory and the history of everyday life: Russia and Europe of the XVIII–XX centuries: Proceedings of the Russian research conference, 19–20 April 2000*. Nizhny Novgorod, 2000. P. 10–27. (In Russ.)
23. Senyavskaya, E. S. The man at war. Historical and psychological essays. Moscow, 1997. 232 p. (In Russ.)
24. Sokolov, A. K. The contemporary social history of Russia: problems of methodology and historical studies. *Theoretical issues of historical research*. Issue 1. Moscow, 1998. P. 108–109. (In Russ.)
25. Fortunatova, V. A. Military anthropology as a science of human capabilities. *Homo belli – a man of war in microhistory and the history of everyday life: Russia and Europe of the XVIII–XX centuries: Proceedings of the Russian research conference, 19–20 April 2000*. Nizhny Novgorod, 2000. P. 139–141. (In Russ.)
26. Khlynina, T. P. War as an object of historical and anthropological research. *Russian society and wars of the XX century: Proceedings of the all-Russian research and practice conference. Adler, May 27–30 2004*. Krasnodar, 2004. P. 3–6. (In Russ.)
27. Chubaryan, A. O. Modern trends in social history. *Social history. Yearbook, 1997*. Moscow, 1998. 364 p. (In Russ.)
28. Homo belli – a man of war in microhistory and the history of everyday life: Russia and Europe of the XVIII–XX centuries: Proceedings of the Russian research conference, 19–20 April, 2000 Nizhny Novgorod, 2000. 311 p. (In Russ.)

Received: 9 October 2023; accepted: 10 November 2023

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЯКОВЛЕВ

кандидат исторических наук, заместитель директора Центра сохранения исторического наследия и геральдики Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

ХРОНОГРАФ ОСОБОГО СОСТАВА ФЕОДОРА ПЕТРОВА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена анализу практически не изученного и малоизвестного исторического сочинения конца XVII – начала XVIII века – Хронографа особого состава, составителем которого был ярославский священник Феодор Петров. Хронограф открывается предисловием самого Петрова и молитвой, вероятно, написанной им же. Далее следует пространная компиляция, включающая ветхозаветные тексты (кроме Псалтири), соответствующие Острожской Библии 1581 года, заимствования из Русского Хронографа (редакции 1512 и 1617 годов), отрывки из Синописа, «Келейного летописца» Дмитрия Ростовского, ряд оригинальных известий. Последние касаются в основном местных, ярославских событий. В частности, только здесь содержится сообщение об участии в строительстве Владимирского Успенского собора иноземных мастеров. Кроме Хронографа сборник содержит выписки из различных сочинений – Степенной книги, Месяцеслова, Хождения Зосимы в Иерусалим, пасхалию и добавления из Великого Зеркала, Космографии и мн. др. (всего им было использовано не менее 100 источников), встречаются отсылки и к иностранным книгам. Сочинение иллюстрировано гравюрами (русскими и западноевропейскими), некоторые из них раскрашены от руки, вырезанными из книг заставками, орнаментом и др. Часть рукописи была создана в последней четверти XVII века, вероятно, предшественником Петрова, основная часть работы которого приходилась на начало XVIII столетия и была завершена в 1720 году. При этом события царствования Петра Первого, современником которых был Петров, нашли свое отражение в сочинении очень кратко. Хронограф представляет интерес как свидетельство творческого и заинтересованного отношения к древней русской истории и литературе провинциального священника, демонстрирует широту его взглядов и интересов, кругозор, стремление обозначить свою позицию и мнение о прочитанном. Особое значение имеет то обстоятельство, что сохранилась авторская рукопись. Это позволяет произвести детальный, в том числе и историко-текстологический, анализ этого любопытного сочинения петровского времени.

Ключевые слова: Хронограф особого состава, Феодор Петров, русские летописи, Петр Первый, Владимирский Успенский собор, Ярославская книжность

Для цитирования: Яковлев В. В. Хронограф особого состава Феодора Петрова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 55–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.975

ВВЕДЕНИЕ

Хронограф особого состава («Книга глаголемая Гранограф, рекше начало писменем царских родов. От многих летописец. Прежде от бытия о сотворении мира от книг моисеевых, и от Иисуса Наввина, и судей иудейских. И о четырех царствах. Таже и о асирийских царех, и о александрии, и о римских царех, еллинех и благочестивых. И от русских летописец, сербских и болгарских») сохранился в составе обширного рукописного сборника конца XVII – начала XVIII века. Владелец рукописи и автор этой компиляции – ярославский священник Фе-

одор Петров (имел прозвище Рак, происхождение которого пока остается невыясненным). Служил он в небольшой ярославской приходской церкви Николая Чудотворца в Рубленном Городе (вар.: церковь Никола Рубленный Город, церковь Николы Рубленого), построенной в 1695 году. Вероятно, именно здесь и велась работа над Хронографом. Примечательно, что столь обширный памятник был создан именно в Ярославле, сохранявшем многовековые традиции книгописания (подробнее о литературных памятниках ярославского и ростовского происхождения, их описание и изучение см., например: [3], [4], [5],

[9]). Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ, F.IV.679). Хронограф не опубликован и практически не привлекал внимания исследователей.

В библиотеку рукопись поступила в конце XIX века¹, где на нее обратил внимание А. Ф. Бычков, опубликовавший несколько известий, имеющих отношение к истории Ярославля². Длительное время на Хронограф исследователи не обращали внимания, за исключением Н. Н. Воронина, который в своем фундаментальном труде, посвященном зодчеству Северо-Восточной Руси, сослался на одно из известий, опубликованное А. Ф. Бычковым [1: 340, 353]. Дальнейшее его изучение связано с автором настоящей статьи [11: 104–105], [12].

СОСТАВ ХРОНОГРАФА

Хронограф включен в большой сборник (646 л.), в его создании принимали участие не менее двух человек (рис. 1). Один работал в конце XVII века, ему принадлежит основной текст Хронографа, доведенный до венчания на царство Алексея Михайловича, после которого следуют краткие известия о его смерти и венчании на царство Феодора Алексеевича³. Эта часть написана полууставом в два столбца. Вторым, а именно Ф. Петров, работал уже в начале XVIII века, он написал к ней обширное предисловие, внес в рукопись многочисленные уточнения и дополнения, а также украсил ее заставками и рисунками. Они написаны уже другим почерком – скорописью первой четверти XVIII века.

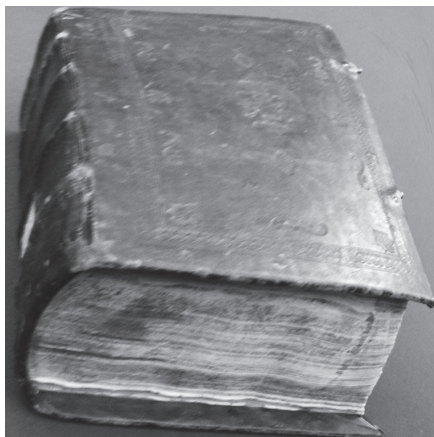

Рис. 1. Хронограф Феодора Петрова (Рукопись РНБ, F.IV.679). Фото В. В. Яковлева

Figure 1. *Chronograph* by Feodor Petrov (manuscript from the National Library of Russia, F.IV.679). Photo by V. V. Yakovlev

Работа над Хронографом была завершена в 1720 году, эта дата отмечена Петровым на своеобразном титульном листе (рис. 2), представляющем собой лист печатной гравюры, на которой им было приписано:

«Во имя Отца и сына и Святого Духа. Написася сия книга Хронограф в лето 1720.

Написася сия книга глаголемая Хронограф во граде Ярославле в рубленом граде, церкви святого Николая Чюдотворца священником Феодором Петровым, прозванием Рак, в лето по Рождестве Христове 1720»⁴.

Рис. 2. Титульный лист с автографом Феодора Петрова. Фото В. В. Яковлева

Figure 2. Title page with Feodor Petrov's autograph. Photo by V. V. Yakovlev

В дальнейшем в текст вносились отдельные дополнения. Рассказывают они о событиях царствования Петра Первого, однако отсутствует известие о смерти императора, поскольку приводятся сведения только за 1721–1722 годы. Также в списке патриархов после упоминания о смерти последнего патриарха досинодального периода Адриана отмечается: «после сего не бысть патриарха, но бысть правительством преосвященный Стефан митрополит рязанский и муромский»⁵. Стефан ушел на покой в 1721 году, а умер в 1722-м, что Петровым отмечено не было. Сохранилась также хронологическая выкладка, датированная 1723 годом и принадлежащая, вероятно, не Петрову:

«Числится сей год от Рождества Христова 1723 год. От сотворения мира по греческим хронографам 7231 год.

От корования (так! – В. Я.) его величества Петра Великого императора и самодержца всероссийского 41 лет.

От рождения внука его величества великого князя Петра 8 лето.

От зачатия флота российского 26 лето.

От виктории, полученной над швейским королем Каролусом вторым надесять под Полтавою 14 год»⁶.

Все это позволяет предположить, что окончательное завершение работы над Хронографом приходится на 1721–1722 годы. В дальнейшем рукопись перешла к другим владельцам, о чем сохранились владельческие записи: «Василия Порфирьева сына Еремина», который 20 января 1736 года продал ее за 20 рублей «Александру Феодорову сыну Юдинскому»⁷, имеются и более поздние пометки (1740, 1745 годы).

Хронограф открывается содержательным сочинением самого Петрова «Предисловие к благоверному и православному всякого чина, возраста же и сана читателеви», которое имеет три эпиграфа (цитаты из Евангелия) (рис. 3):

«Испытайте писания, яко вы мните в них имети живот вечный. И та суть свидетельствующа о мне», «Многии вместити, да вместит», «Не всяк глаголюй ми Господи Господи (так! – В. Я.), внидет в царство небесное, но творяй волю отца моего, иже есть на небесах»), нач.: «Сия три кормилца корабля Христова, о благочестивый читатель, пускающа на море неизследимыя пучины божественных и всесветлых обоего завета писании, потреба в мысленных руках опасно и крепко содержать и невещественными зеницами непомизая назирати. Да коеждо от них настоящее настоящее себе строение неизменно содержит. Хошем ли избавиться треволнения, противных ветров, еретического ухищрения, самомнительных прелести антихристово действия, нерадения же и небрежения со унынием, свободится самовольного недуга и достигнути в пристанище горняго Иерусалима, молящегося прилежно морем и ветры обладающему. Аминь»⁸.

Вероятно, принадлежит Петрову и молитва, завершающая предисловие:

(нач.: «Боже Отче вседержителю, превечный, преевначальный и всесильный. Един имеяй бессмертие и во свете живый не приступней, ведый вся прежде бытия его, всяческая бо сам твориши, яко же хощещи словом повеления твоего. Ты веси Господи Боже мой един, сведый сердечная, яко в твое пресвятое имя умыслих и начах сие пречестное дело, его же ныне твоего милосердия благоволением и щедротами, сподобихся видети совершение»)⁹.

Далее следует посвящение Петру Первому:

(«Божиею милостию пресветлейшему и великодержавнейшему государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичу и дедичу и наследнику и государю и обладателю Богом дарованному боговенчанному и Богом соблюдаемому единому во всей подсолнечной истинно кафолическою верою и благочестием пресветло сияющему, православному монархе ваше-

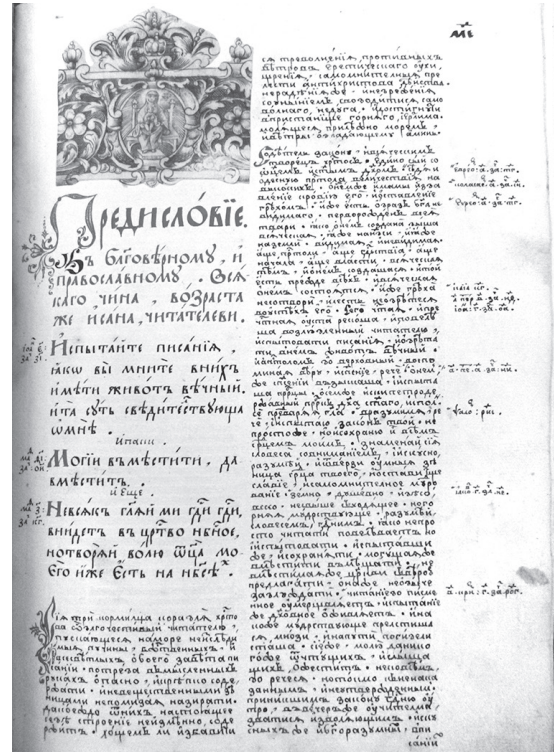

Рис. 3. Предисловие Феодора Петрова. Фото В. В. Яковлева

Figure 3. Preface by Feodor Petrov. Photo by V. V. Yakovlev

му царскому пресветлому величеству и преодоленныя над всеми врагами победы и мирного в державе царской монаршей правления от царя царствующих и господствующах, всеусердно непрестанно молим»¹⁰.

В сочинении два оглавления. Текст собственно Хронографа предваряет обширное оглавление («Оглавление книги сия»), которое содержит упоминание о 50 книгах, часть из которых делится на главы (отдельные книги имеют до 50 глав), которые, в свою очередь, содержат более детальную характеристику¹¹. Также в конце добавлены ссылки на материалы вне обозначения книг и глав («Сказание о святем граде Иерусалиме странника Даниила», «Краткое изъяснение о крузе земном», Месяцеслов и др.) (рис. 4). Имеется также краткое оглавление («Последует сие рядовой чин, его же содержит книга сия»), из-за нехватки места полностью разместить которое не получилось, поэтому Петров добавил в самом конце: «И прочее потом зри по оглавлению»¹².

Хронограф представляет собой пространную компиляцию, включающую ветхозаветные тексты (кроме Псалтири), соответствующие Острожской Библии 1581 года, заимствования из Русского Хронографа (редакции 1512 и 1617 годов), отрывки из Синописа, «Келейного летописца» Дмитрия Ростовского и др. (всего более 20 источников), а также ряд оригинальных известий.

Рис. 4. Оглавление Хронографа («Оглавление книги сия»). Фото В. В. Яковлева

Figure 4. Table of contents of the *Chronograph* ("Table of contents of this book"). Photo by V. V. Yakovlev

Кроме собственно Хронографа сборник содержит многочисленные выписки и добавления из различных сочинений – Степенной книги, Месяцеслова, Хождения Зосимы в Иерусалим, Пасхалии, Великого Зеркала, Космографии, Ключа разума, О размещении языков, Диалектики, Иосифа Флавия, Вруцелето, печатных документов петровского времени (реляции о военных действиях, Ведомости, письма), встречаются ссылки на только что опубликованные книги (например, на «Феатрон, или Позор исторический», латинский перевод которого, осуществленный Гавриилом Бужинским, был издан в Петербурге в 1720 году) и на иностранные книги («Книга же оная греческим и латинским диалектом печатана в Парисии» и рядом на полях было добавлено: «В Париже в лето 1647»)¹³ и мн. др. Всего было использовано более 70 источников.

Включено в сборник и подробное Сказание о папах римских, доведенное до Климента X (1670 год). Написано оно разными почерками, в том числе и самого Петрова, и содержит непритязательные характеристики римских понтификов, напр.:

«Тако сего века на епископство римское произыдоша человецы чудовищныи, житием мерзостнейшии, нравами беззаконнейшии и по всему смраднейшии», «Века 11 папы римстии. Яко же века 10 многии папы были блуд-

ники, тако сего века многии быша волхвы», «Александр 6 или Родерик Боргия, Каликста 3 внук, чудовище от блуда на пагубу Италии рожденное и с демоном согласившееся»¹⁴.

Интересовался Петров и астрономией – им были включены «Имена по гречески и римски седми планет, яже показывают и седмичныя дни. Знаки и имена дванадесяти зодии»:

(прим.: «...астрономы и астрологи глаголяще, что весна бывает, егда солнце от 1 дне Овна движется до первого дне Рака; лето – егда солнце от 1 дне Рака до первого дне движется Весов; осень – егда от первого дне Весов до 1 Козерога; зима – егда от 1 дне Козерога до первого Овна»)¹⁵.

Рукопись иллюстрирована цветными рисунками, изображающими шесть дней творения мира, события из жизни Адама и Евы, мифических животных, 10 гравюрами, в том числе с текстами на французском языке, заимствованными из различных печатных книг и частично раскрашенными от руки, а также украшена печатными заставками и орнаментами.

По всей рукописи содержатся пометки и замечания Петрова к тем или иным текстам, которые привлекли его внимание. Иногда он дает и свои характеристики прочитанному и даже вступает в спор. Например, в книге Иезекииля его предшественником были подчеркнуты следующие слова: «и вина да не пьет всяк жрец, егда входит

в утрени двор» и рядом на полях отмечено: «попам вина не пити». Петров с явным раздражением вступает с ним в полемику и дополняет эту фразу: «Да зри, слепец, когда не пити. Вот когда: егда входит в утренний двор, и то не попам, а жрецам сказано»¹⁶.

При этом события царствования Петра Первого, современником которого был Петров, изложены весьма неполно. Хотя это время и было выделено им особым заголовком («Царство благочестивейших великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев»¹⁷), о многих важных событиях не сказано вовсе ничего или в виде наброска с пропусками для проставления в дальнейшем дат, которые так и остались незаполненными, а хронология доведена лишь до 1717 года. Например:

«В лето (оставлено место. – В. Я.) сочется честным браком благочестивый государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Росии самодержец, взял дщерь боярина Феодора Аврамовича Лопухина Евдокию Федоровну благоверную царицу.

В лето (оставлено место. – В. Я.) родися благочестивому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу благоверный царевич Алексей Петрович.

В лето 7207-м году царского величества царица Евдокия в Суздале в Покровском девичье монастыре постриглася и наречено имя ей Елена.

В лето 1705 благочестивый государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя Росси самодержец сочется вторым браком, поя государыню царицу Екатерину Алексеевну рода немецкаго, прия святое крещение, еиже от святые купели восприимии бысть царевич Алексей Петрович.

В лето (оставлено место. – В. Я.) родися благочестивому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу благородный царевич Петр Петрович (рядом позже приписано – 1717. – В. Я.)»¹⁸.

Часть дат почему-то так и не была вписана, хотя уточнить их было совсем не трудно; имеются и ошибки: женился Петр на Екатерине не в 1705 году, а гораздо позже (официальное венчание состоялось в 1712 году), а Петр Петрович родился в 1715 году, а не в 1717-м.

Да и события Северной войны, имеющие заголовков «Как началось воинское дело у благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца со швецким королем Каролусом 12»¹⁹, освещаются весьма скудно и неравномерно.

Подробно рассказывается лишь о Полтавской битве. Уже после создания сборника, через год, было добавлено подробное сообщение о торжестве в Петербурге по случаю Ништадт-

ского мира и принятии Петром титула, основанное на сообщении Ведомостей, с любопытной отметкой: «Печатана в Санкт-Питербурхе 4 сентября, а в Ярославле получена 15 того же сентября 1721 году»²⁰. После подробного описания поездок Петра по городу и молебна в Троицкой церкви упоминается:

«Его величество изволил идтить на пристань, на которой было поставлено в два ряда во многих полубочках вино. Царское величество изволил стать на место и почерпнул ковшичек вина, изволил снять картуз и сказывал народу гласно: “21 год какая жестокая была война, а ныне даровал Бог неслыханной мир” и изволил сказать: “здравствуйте все православные христиане” и скушал вино. Потом весь народ во все многократно голоса кричали: “радуйся царь государь, здравствуй царь государь”».

Далее следует рассказ о принятии Петром титула «Отца Отечества, императора всероссийскаго»:

«Того же году октября в 22 день по совету в сенате обще с духовным синодом именем всего российского народа просить его царское величество, чтоб позволил принять от них тито по примеру других: Отца Отечества, императора всероссийскаго. И его величество на то прошение склонися, повеле тако бытии»²¹.

Впрочем, подобный подход к освещению событий петровского времени характерен и для других летописцев того времени. Например, практически одновременно с Петровым (в 1716 – начале 1720-х годов) в Новгороде создается Новгородская Погодинская летопись, в которой ситуация с изложением петровского правления точно такая же²² [10: 291–292]. Связано это в первую очередь с источниками. Привычных не хватало, а новые (Ведомости, печатные реляции, переводная литература и т. п.) были не всегда доступны, непривычны, да и форма изложения в них также не позволяла буквально их переписывать (чем обычно и занимались составители летописей), требовалось как-то приспособить их к устоявшейся традиции изложения, что далеко не всегда получалось.

В результате события царствования Петра летописцы, которые были их современниками, излагали, как правило, чрезвычайно кратко, во многих случаях остается неотмеченной конкретная дата тех или иных событий – для них оставляется место, которое при дальнейшем переписывании так и остается незаполненным. Очевидно, что события развивались стремительно, их было так много и часто они были настолько необычными, а порой просто непонятными летописцу, что их осмысление и изложение требовало не столько времени, сколько изменений

в подходах к изложению и самой форме летописного повествования. Уже трудно было излагать текущие события так, как это делалось ранее [14]. При этом сведения иного, более привычного характера (строительство храмов и монастырей, чудеса, перенесение икон, воздвижение на престол церковных иерархов, их смерть, стихийные бедствия, пожары, события местного значения и т. п.) приводились совершенно свободно и без всяких проблем излагались в привычной для летописца форме в течение всего XVIII века.

Свою роль в этом сыграло и то обстоятельство, что именно в XVIII веке начинается серьезное изучение отечественной истории, появляются первые исследовательские работы, проводится анализ летописных текстов, закладываются основы критического их изучения и пр. Признать, что исследователи этого периода являются и современниками составления летописей, которые воспринимались как произведения далекого прошлого, было сложно. На подобное творчество порой просто не обращали внимания, отказывая летописцам в праве на существование в это время [13].

Определенный интерес представляют сообщения, касающиеся местных, ярославских событий. В частности, только здесь содержится известие о перенесении «железной стрелы» Андрея Боголюбского из Владимирского Успенского собора в ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Оно сопровождается любопытными сведениями об участии в строительстве Успенского собора иноземных мастеров, приглашенных Андреем Боголюбским. Орывочные упоминания об этом сохранились в ряде источников и уже давно привлекают внимание исследователей.

«О князе Изяславе.

Сей благоверный велики князь Изяслав Андреевич первый сын святаго благовернаго великаго князя Андрея Георгиевича Боголюбскаго, кротий и смысленный и храбрый. Повествуют о нем тако летописцы. Егда отец его великий князь Андрей Георгиевич созидае соборную церковь Пречистыя Богородицы златоверхия и виде сие здание со усердием наипаче о строении промышленности, и собра многих иных стран великих храбрых 12 человек каменodelцов сильных, богатырей мудрых и с ими людьми сия великая церковь соборная устроится к совершению. Таже своему мужеству на сопротивных устрои себе самострелныя оружия стрелы железныя великия и яко же и ныне в соборной церкви обретаются и до днесь видимое всеми и потом многия мужества показал и преставися в лето 6672 месяца септеврия в 28 день и плакася о нем отец его великий князь Андрей Георгиевич и брат его Мстислав великим плачем и положиша тело его zde в славном граде Владимире в соборной церкви Пречистыя Богородицы златоверховой на сем месте.

7206 октября в 3 день Спасова монастыря ярославскаго архимандрит Иосиф принял против своего челобитья в Володимире Успения Пресвятыя Богородицы у протопопа Григория Гаврилова железную стрелу великаго князя Андрея с чады в Спасов монастырь в церковь божию в Ярославль. В похвалу великаго князя Федора с чады смоленских и ярославских чудотворцев, сродича его Андрея Боголюбскаго с чады, понеже великий князь Феодор Ростиславич с чады девятой степению от великаго князя Владимира киевскаго всея Росии»²³.

На это сообщение обратил внимание Н. Н. Воронин, отметив, что «позднее происхождение сборника, содержащего данную легенду, отнюдь не определяет позднего происхождения самой легенды». Он, в отличие от других исследователей, особое внимание уделяет не столько рассказу о пришлых мастерах-каменodelцах, сколько другому обстоятельству:

«Для нас в данной легенда об Успенском монастыре существенно указание, что, выражаясь языком позднейшего времени, “представителем” у постройки или “приставником над делателями” был непосредственно член княжеского дома» [1: 340] (см. также: [2]).

Упоминал о присланных Фридрихом Барбароссой строителях и В. Н. Татищев.

«Мастеры же присланы от императора Фридриха Перваго, с которым Андрей в дружбе был...» [8: 244–245].

«В то же время Андрей, князь великий, достроил во Владимире белоруском церковь святыя Богородицы каменную... По снисканию бо его даде ему Бог мастеров для строения онаго и из иных земель, которые строили и украсили ее паче всех церквей» [8: 253, 295].

Достоверность известий Татищева неоднократно подвергалась исследователями сомнению, в том числе и в данном случае. Однако нахождение подобного рассказа в Хронографе Петрова, созданного раньше, чем сочинение Татищева, как минимум позволяет говорить о том, что он это сообщение не выдумал, а действительно воспользовался данной легендой в каком-то источнике. На это указывает и то обстоятельство, что сообщение было известно В. И. Доброхотову еще в первой половине XIX века по «старинной рукописи, в которой описываются жизнь и деяния великих князей, погребенных в Успенском соборе»²⁴. Приведенный им текст практически полностью совпадает с Хронографом Петрова, но это не может быть он, так как у Петрова отсутствуют сведения о погребении князей в Успенском соборе. Поскольку в источнике, которым пользовался Доброхотов, нет упоминания о перенесении железной стрелы в 1698 году, можно предположить, что он был создан до этого года, а следовательно, и до внесения данной информации в Хронограф.

На основе имеющихся данных невозможно однозначно ответить на вопрос о достоверности данного сообщения. С одной стороны, обращают на себя внимание явно легендарные и даже фольклорные мотивы (упоминание о «великих храбрых 12 человек каменноделцов сильных, богатырей мудрых»), нашедшие отражение и в аналогичных известиях. Например, в рассказах о строительстве Успенской церкви Киево-Печерского монастыря двенадцатью греками, при этом в Киево-Печерском Патерике, который подробно сообщает об этом, точное число мастеров не указывается, но эта цифра настолько стала общепринятой, что день памяти «12 греков, строителей соборной Успенской церкви Киево-Печерской лавры, чьи имен ведаёт только Господь» отмечается Русской православной церковью 14 (27) февраля. С другой стороны, нельзя исключать, что какие-то отголоски более ранних сведений могли найти здесь свое отражение. Примечательно, что проведенные в 2015 году археологические раскопки в Боголюбове (Институт археологии РАН) позволили обнаружить остатки романского портала храма XII века, украшенного белокаменной резьбой, и базы колонн рядом с ним, это позволило предположить, что в работе над храмом принимали участие итальянские мастера.

Что касается железной стрелы, то она, как и несколько других, хранилась в Успенском соборе во Владимире при замурованной гробнице князя Изяслава Андреевича и была почитаема как прихожанами, так и паломниками. Летописец Владимирского собора («Выписано из летописца о поставлении града Владимира и церкви соборной») второй половины XVII века сообщает: «В Володимире ж в соборной церкви стрелы железные: стреле с томаром весу 7 гривенок, а стреле ж с перьем 5 гривенок весу»²⁵. Вне связи с князем Изяславом Андреевичем стрелы упоминаются в Описании Владимирского Успенского собора, сохранившемся в рукописи XVII века: «В той же велицей церкви стрелы железные с томары и перьем. С томаром стреле весу по семи гривенок, с перьем весу по пяти гривенок»²⁶ (о стрелах см. также [6]). В настоящее время одна из этих стрел хранится в петербургском Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Среди других ярославских известий можно отметить подробное изложение обстоятельств эпидемии чумы, охватившей в 1654–1655 годах практически всю Центральную Россию. Заметка, датированная 7163 годом, рассказывает о том, что при Алексее Михайловиче и патриархе Ни-

коне был создан образ «распеншагося» на животворящем кресте Христа по повелению митрополита ростовского и ярославского Ионы, и был он «поставлен прямо граду Ярославлю вместо богоспасительнаго забрала и щита, да не найдет на люди тлетворный ветр, того ради сим изображением». Затем приводится молитва и обращение о защите с заключением: «...скоро тогда по стране нашей смертоносная язва преста и велие благоденствие и тишина наста». И только далее следует разъяснение о том, что было моровое поветрие в 7163 году: «...а мерли знаменем болезни морущии множество людей, и едва десятая часть оста»²⁷.

Отдельного изучения заслуживает «Сказание вкратце о новом девичьем монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи и о чудотворном образе пречистой Богородицы список с казанскаго»²⁸. Оно было создано в начале XVII века и рассказывает о событиях Смутного времени, появлении в Ярославле иконы Казанской Богоматери, безуспешной попытке взятия интервентами Рубленого города, где находилась икона, и о строительстве здесь церкви. Включение этого Сказания не было случайным – ведь и Петров служил в Рубленном городе, для него эти события были близки не только по духу, но и по месту. Примечательно, что исследователи, занимавшиеся изучением Сказания, отмечали, что автором был приходской священник, хорошо знакомый с местной топографией. В целом можно сказать, что Сказание представляет собой историческую повесть с явными признаками летописной традиции и содержит оригинальные известия, посвященные ярославской истории [7].

Однако география материалов Хронографа не ограничивается только ярославскими событиями. В него включены, например, письмо архимандрита Соловецкого монастыря Фирса архиепископу Холмогорскому и Важескому Афанасию от 29 сентября 1701 года («В лето 1701 сентября в двадцать девятый день. К преосвященному Афанасию архиепископу колмогорскому и важескому писали соловецкаго монастыря архимандрит Фирс с братьею») с рассказом о буре и тех разрушениях в монастыре, которые она причинила; подробный рассказ о посещении Соловков Петром Алексеевичем в 1694 году [15]; «Послание к государю к Костроме с молением о наречении его царском»; рассказ об одном из первых расколоучителей Капитоне и др. Приводятся даже статистические сведения по состоянию на 1702 год, посвященные храмам и монастырям различных епархий:

«По описанию в царствующем граде Москве, в Кремле, и в Китае, и в Белом, и за Земляным городом 15 соборов, 29 монастырей мужеских и девичьих, 425 церквей приходских, у них 289 пределов каменных, в том числе 29 церквей деревянных, у них 7 пределов.

Во области святейшаго патриарха в Москве и в городах и в уездах всего 3750 церквей.

Архиерейския степени митрополитов.

1. Киевский. У него во области церквей (нет цифр. – В. Я.).
2. Новгородский. У него во области церквей 1017.
3. Казанской – 298 церквей.
4. Астраханской (нет цифры. – В. Я.).
5. Сибирской – 150 церквей.
6. Ростовской – 721 церковь.
7. Псковской – 159 церквей.
8. Смоленской – 171 церковь.
9. Сарский и Подонский – 555 церквей.
10. Нижегородский – 378 церквей.
11. Рязанский – 955 церквей.
12. Белгородский – 532 церкви.
13. Суздальский – 402 церкви.

Архиепископы

1. Черниговский (нет цифры. – В. Я.).
2. Коломенский – 558 церквей.
3. Тверский – 258 церквей.
4. Вологодский – 500 церквей.
5. Колмогорский – 254 церкви.
6. Вятский – 151 церковь.
7. Устюжский – 277 церкви.

Епископы

1. Танбовский (так! – В. Я.) – 168 церквей.
2. Воронежский – 152 церкви»²⁹.

ВЫВОДЫ

Подводя итог предварительного изучения Хронографа, подчеркнем, что он представляет большой интерес не только благодаря значительному объему информации и творческой работе над большим количеством источников (более 100), но и как свидетельство заинтересованного отношения к древней русской истории и литературе провинциального священника. Сочинение демонстрирует широту его взглядов, кругозор, стремление обозначить свою позицию и даже высказать мнение о прочитанном. Особое значение имеет то обстоятельство, что сохранилась авторская рукопись. Это позволяет произвести детальный, в том числе и текстологический, анализ этого любопытного памятника петровского времени. Отметим, что подобные сочинения редко содержат какие-либо уникальные или малоизвестные факты. Их следует рассматривать, с одной стороны, как памятники XVIII века, с другой – как завершающий этап древнерусской летописной традиции, они являются своеобразным связующим звеном между многовековой традицией и историографией нового времени. Хронограф Феодора Петрова является в этом отношении очень интересным и содержательным источником, требующим дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г. СПб., 1890. С. 149–164.
- ² Заметка о хронографе ярославского священника Феодора Петрова. Сообщ. А. Ф. Бычков // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890. Вып. 1. С. 3–15.
- ³ РНБ. F.IV.679. Л. 60–579.
- ⁴ РНБ. F.IV.679. Л. 40.
- ⁵ РНБ. F.IV.679. Л. 23.
- ⁶ РНБ. F.IV.679. Л. 20.
- ⁷ РНБ. F.IV.679. Л. 1.
- ⁸ РНБ. F.IV.679. Л. 50–51 об.
- ⁹ РНБ. F.IV.679. Л. 52.
- ¹⁰ РНБ. F.IV.679. Л. 53.
- ¹¹ РНБ. F.IV.679. Л. 40–49 об.
- ¹² РНБ. F.IV.679. Л. 52 об.
- ¹³ РНБ. F.IV.679. Л. 31.
- ¹⁴ РНБ. F.IV.679. Л. 433–435 об.
- ¹⁵ РНБ. F.IV.679. Л. 20.
- ¹⁶ РНБ. F.IV.679. Л. 377.
- ¹⁷ РНБ. F.IV.679. Л. 624–630.
- ¹⁸ РНБ. F.IV.679. Л. 624.
- ¹⁹ РНБ. F.IV.679. Л. 624 об.
- ²⁰ РНБ. F.IV.679. Л. 628.
- ²¹ РНБ. F.IV.679. Л. 628.
- ²² Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 87–93.
- ²³ РНБ. F.IV.679. Л. 646.
- ²⁴ Доброхотов В. И. Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849. С. 95.
- ²⁵ Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для полного собрания русских летописей). Вып. 1. Описал А. А. Шилов // Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1909 г. Вып. 22. СПб., 1910. С. 68.

- ²⁶ Прот. Виноградов А. И. История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. Владимир, 1905. Приложение. С. 67.
²⁷ РНБ. F.IV.679. Л. 600.
²⁸ РНБ. F.IV.679. Л. 608–609 об.
²⁹ РНБ. F.IV.679. Л. 436.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 1. XII столетие. 584 с.
2. Заграевский С. В. Архитектор Фридриха Барбароссы // «Хвалам достойный...». Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Междунар. науч. конф. Владимир, 5–6 июля 2011 года. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2013. С. 184–195.
3. Книжная культура Ярославского края: Материалы науч. конф. (Ярославль, 12–13 октября 2010 г.) / Под ред. Д. Ф. Полознева. Ярославль: ИПК «Конверсия» – Высшая школа бизнеса, 2011. 200 с.
4. Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. 528 с.
5. Синицына Е. В. Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 400 с.
6. Сиренов А. В. Реликвии владимирских князей // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идее. Вып. 5. СПб.: Изд. Костромин К. А., 2016. С. 287–288.
7. Солодкин Я. Г. «Сказание вкратце о новом девичьем монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи, и о чудотворном образе пречистой Богородицы» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Вып. 3. Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 383–385.
8. Татищев В. Н. История Российская. Т. III. Часть вторая (вторая редакция). М.; Л.: Наука, 1964. 340 с.
9. Федотова М. А. К вопросу о ростово-ярославских рукописных собраниях // Словесность и история. 2022. № 2. С. 153–176.
10. Яковлев В. В. Летопись Новгородская Погодинская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 291–292.
11. Яковлев В. В. Феодор Петров (по прозвищу Рак) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Вып. 3. Ч. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 104–105.
12. Яковлев В. В. О Хронографе особого состава Феодора Петрова (конец XVII в. – первая четверть XVIII в.) // XLV Международная филологическая конференция. 10–15 марта 2015 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 68.
13. Яковлев В. В. Погодинская летопись – памятник новгородского летописания XVIII века // *Petra Philologica*. Литературная культура России XVIII века. Вып. 6. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 517–533.
14. Яковлев В. В. Царствование Петра Первого в русских летописях // Петровское время в лицах – 2018. К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): Материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 399–406.
15. Яковлев В. В. Хронограф особого состава и русские летописи о поездке Петра I в Соловецкий монастырь в 1694 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 91–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.839

Поступила в редакцию 17.03.2023; принята к публикации 25.09.2023

Original article

Vladimir V. Yakovlev, Cand. Sc. (History), Deputy Director, Center for Preservation of Historical Heritage and Heraldry of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

FEODOR PETROV'S SPECIAL CONTENT CHRONOGRAPH

Abstract. The article deals with a unique historical writings named the *Special Content Chronograph* and composed by a priest, Feodor Petrov, in Yaroslavl in the late XVII and the early XVIII centuries. It consists of an introduction and a prayer written probably by Petrov himself, and extensive compilations of the Old Testament texts corresponding to the Ostrog Bible (excluding the Psalter), borrowings from the *Russian Chronograph* (1512 and 1617), Dmitry Rostovsky's *Synopsis*, and a number of updates. The latter mainly concern local news of Yaroslavl city life: only this text tells about the participation of foreign craftsmen in the building of the Dormition Cathedral in Vladimir. The book also contains different extracts – from *The Book of Degrees of the Royal Genealogy*, *Menologion*, Zosima's Voyage to Jerusalem, the Ecclesiastical Calendar, *Greater Mirror (Speculum Majus)*, *Cosmography*, etc. (at least 100 sources in total). The work is illustrated with engravings (Russian and Western European), some of which are painted by hand, headpieces cut from books, ornaments, etc. A part of the manuscript had been created in the last quarter of the XVII

century, probably by some forerunner of Feodor Petrov, who was working with the manuscript mainly in the early XVIII century and completed the work in 1720. At the same time, the contemporary events taking place during the reign of Peter the Great are not mentioned in the manuscript. The *Chronograph* is an evidence of the creative interest of a provincial priest in Russian history and literature, it demonstrates the breadth of his views and interests, the range of his vision, and the desire to indicate his position and opinion about the things he read. The fact that the original manuscript has been preserved is of a great value, as this allows to conduct a thorough analysis (including historical and textual examination) of a unique record from the times of Peter the Great.

Key words: Special Content Chronograph, Feodor Petrov, Russian Chronicles, Peter the Great, Dormition Cathedral in Vladimir, Yaroslavl literary heritage

For citation: Yakovlev, V. V. Feodor Petrov's *Special Content Chronograph*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):55–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.975

REFERENCES

1. Voronin, N. N. Architecture of North-Eastern Russia in XII–XV centuries. Moscow, 1961. Vol. 1. XII century. 584 p. (In Russ.)
2. Zagravetsky, S. V. Architect of Frederick Barbarossa. “Worthy of praise...”. *Andrey Bogolyubsky in Russian history and culture. International scientific conference. Vladimir, 5–6 July 2011*. Vladimir, 2013. P. 184–195. (In Russ.)
3. Book culture of the Yaroslavl region: Proceedings of the research conference (Yaroslavl, 12–13 October 2010). (D. F. Poloznev, Ed.). Yaroslavl, 2011. 200 p. (In Russ.)
4. Book centers of Ancient Rus: Rostov-Yaroslavl land. St. Petersburg, 2022. 528 p. (In Russ.)
5. Sinitsyna, E. V. Book collections of the Rostov-Yaroslavl Diocese from ancient times to the early XX century. St. Petersburg, 2018. 400 p. (In Russ.)
6. Sirenov, A. V. On the relics of Vladimir princes. *Ancient Russia: in time, in personalities, in idea*. Issue 5. St. Petersburg, 2016. P. 287–288. (In Russ.)
7. Solodkin, Y. G. “A brief tale on the new maiden monastery, which is in Yaroslavl in the big dungeon of great talus, and on the miraculous image of the most pure Mother of God”. *Dictionary of bookmen and bookishness of Ancient Russia. XVII century*. Issue 3. Part 3. St. Petersburg, 1998. P. 383–385. (In Russ.)
8. Tatishchev, V. N. Russian history. Vol. III. Part two (second edition). Moscow; Leningrad, 1964. 340 p. (In Russ.)
9. Fedotova, M. A. The manuscript collections of Rostov and Yaroslavl. *Literature and History*. 2022;2:153–176. (In Russ.)
10. Yakovlev, V. V. The Novgorod Pogodinskaya Chronicle. *Dictionary of bookmen and bookishness of Ancient Russia*. Issue 3 (XVII century). Part 2. St. Petersburg, 1993. P. 291–292. (In Russ.)
11. Yakovlev, V. V. Feodor Petrov (aka Crayfish). *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia. XVII century*. Issue 3. Part 4. St. Petersburg, 2004. P. 104–105. (In Russ.)
12. Yakovlev, V. V. The Special Issue of Chronograph by Feodor Petrov (the late XVII and the first quarter of the XVIII centuries). *XLV International Philological Research Conference, 10–15 March 2015*. St. Petersburg, 2016. P. 68. (In Russ.)
13. Yakovlev, V. V. Pogodin's Chronicle – an artefact of Novgorod chronicle writing of the XVIII century. *Petra Philologica. Literary culture of eighteenth-century Russia*. Issue 6. St. Petersburg, 2015. P. 517–533. (In Russ.)
14. Yakovlev, V. V. Peter The Great's reign in Russian chronicles. *Peter the Great's Time in Persons – 2018. Commemorating the 200th anniversary of the conference “Peter the Great's Time in Persons 1998–2018”: Proceedings of the research conference*. St. Petersburg, 2018. P. 399–406. (In Russ.)
15. Yakovlev, V. V. Special Issue of Chronograph and Russian chronicles on Peter the Great's 1694 trip to the Solovetsky Monastery. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):91–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.839 (In Russ.)

Received: 17 March 2023; accepted: 25 September 2023

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

доктор исторических наук, профессор кафедры теории
и методики физического воспитания Института физической
культуры, спорта и туризма
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

**«ПОЛЕЗНЫЙ КЛАСС ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ»:
К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА
(по материалам Русского Севера)**

А н н о т а ц и я . Историю российской школы невозможно представить без рассмотрения положения учителя – неотъемлемого элемента школьной системы. С привлечением источников, отражающих региональную проекцию образовательных реформ Александра I и Николая I как долговременного курса, рассматривается важнейшее условие их эффективности, а именно качество подготовки педагогических кадров. На основе законодательных и делопроизводственных документов прослеживается правовой, образовательный и социальный статус провинциальных учителей в 1800–1840-е годы, их семейное и материальное положение. Авторы анализируют общественную репутацию учителей, особенности повседневной жизни и социальной мобильности этой социoproфессиональной группы, а также социальные истоки формирующейся этики учительской профессии. В основу наблюдений положены фонды Министерства народного просвещения, канцелярии попечителя столичного учебного округа, С.-Петербургского университета и Педагогического института в Петербурге, а также малоизученные фонды трех губернских училищных дирекций: Олонецкой, Архангельской и Вологодской. На региональном материале прослежены результаты школьных реформ первой трети XIX века, важнейшим из которых было формирование системы училищ и штата профессиональных педагогов, действующих в губернских и уездных городах. Их многочисленность, общность происхождения и карьерных траекторий, осознание корпоративного единства и, кроме того, сохранение и поддержание связей с Петербургом свидетельствуют о важной роли С.-Петербургского университета и Педагогического института в просвещении края, выполняемой ими как в качестве центров администрирования, так и опосредованно – через своих выпускников как агентов влияния. В начале 1850-х годов численность профессиональных педагогов по трем рассматриваемым губерниям превысила 300 человек, не считая учителей начальных училищ, что сопоставимо с имеющимися данными по другим учебным округам. Данная локальная общность является представительной для понимания особенностей правового и социального статуса провинциального учителя в дореформенной России. Система управления училищами, а также кадровая политика и условия учительской службы в это время менялись в рамках общероссийской модели просвещения и социального конструирования сверху, поэтому выводы, полученные на региональном материале, создают понимание этапов и социальных результатов модернизационного проекта власти в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Санкт-Петербургский учебный округ, история образования, учителя, история Русского Севера

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «Полезный класс государственных служащих»: к истории формирования российского учительства (по материалам Русского Севера) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 65–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.976

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Представляя начальный этап формирования российского педагогического корпуса и его

превращение в корпорацию и социокультурную группу, следует сделать несколько важных предварительных замечаний. Во-первых, наши

наблюдения обобщены в пределах территории Русского Севера: Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний, входивших в состав С.-Петербургского учебного округа. Данная локализация дает возможность охватить и систематизировать документальный материал по образовательной политике и деятельности учителей, который отложился в малоизученных фондах губернских училищных дирекций, подчиненных попечителю столичного учебного округа.

До середины 1830-х годов неотъемлемым звеном управления школами и кадровой политики в учебном округе был столичный университет и его прямой предшественник – Педагогический институт в Петербурге (ПИ), действовавший с 1804 года. Поэтому нами также привлечены архивы Петербургского университета, ПИ, делопроизводство Министерства народного просвещения (МНП), а именно отчетность, которая включает статистику училищ всех типов и уровней, сведения об их открытии и состоянии, формулярные списки учителей, служебную переписку попечителей и директоров гимназий, дела об отдельных конфликтах, списки студентов, распределенных по учительским местам, сведения о профессиональном и социальном кураторстве университета над своими выпускниками и еще множество сюжетов, которые дают представление об адаптации школьного законодательства на местах. В совокупности эти комплексы позволяют представить правовое положение, условия службы, социальный и образовательный статус, особенности повседневной жизни и ментальность учителей дореформенного времени, то есть, собственно, первого поколения профессионально подготовленных педагогов, в том числе выпускников ПИ и Петербургского университета, сделавших учительскую карьеру в провинции.

Наши наблюдения, основанные на материалах трех северных губерний столичного учебного округа, сопоставимы с результатами тематически близких исследований по другим территориям. Детальное сравнительно-историческое описание становления учительства как социально-культурной группы во всех профессиональных стратах, по всем регионам империи представляется делом будущего. Можно предположить, что некоторые губернии Казанского учебного округа (Казанская, Вятская, Астраханская), куда также распределялись казеннокоштные студенты ПИ и столичного университета в 1800–1840-е годы, по условиям деятельности учителей сопоставимы с Русским Севером. В значительно более населенной, урбанизированной и промышленно развитой Центральной России плотность школьной сети,

численность учащихся, территориальная и карьерная мобильность учителей были выше, а их профессиональная деятельность протекала в более благоприятных условиях.

В губерниях Русского Севера действовали те же типы школ, что и, например, в губерниях Московского учебного округа: губернские гимназии с благородными пансионами при них, уездные училища, городские приходские училища, ведомственные училища (школы лесного и горного ведомств). Система подготовки учителей и их распределения по училищам к 1820-м годам приобрела общероссийскую географию, так что уроженцы центральной и южной России, окончившие Петербургский университет или второй Главный педагогический институт (ГПИ) (1829–1858), могли быть направлены на службу в училища северных губерний, и наоборот.

К середине 1850-х годов численность профессиональных педагогов по трем рассматриваемым губерниям превысила 300 человек, не считая учителей начальных училищ, что сопоставимо с имеющимися данными по другим округам¹. Особенностью данного региона было наличие национального элемента (карельского, лопарского, зырянского и др.) в составе населения трех губерний. Но этноконфессиональный фактор в деятельности самих школ здесь, как и, например, в Казанской и Вятской губерниях, приобретает значение не ранее 1860-х годов, с созданием широкой сети народных училищ, земских и церковно-приходских, и с началом систематического обучения в них «иностранцев» по специальным методикам, в частности по системе Н. И. Ильминского.

Другое необходимое замечание касается правомерности объединения разных категорий учителей дореформенной России в социoproфессиональную группу «учительство», которая включает преподавателей как провинциальных, так и столичных средних и начальных училищ. Под социoproфессиональной группой принято понимать совокупность лиц одной профессии, объединенных сходными знаниями и навыками, осознающих общность профессиональных интересов, охваченных административными, служебными, интеллектуальными, патрон-клиентскими связями. Критерием выделения социальной группы служат ее обособленность в обществе, наличие совместной социальной деятельности, организации и управления, а также групповых ценностей, позволяющих идентифицировать данную общность внутри других групп [7: 43]. Принадлежность к одной социокультурной группе предполагает сходство происхождения, близость социального

статуса, образовательного и культурного уровня, имущественного положения, структур труда и досуга, стиля жизни и поведенческих моделей. В этом контексте важны наблюдения классика темы В. Р. Лейкиной-Свирской относительно лиц «массовых интеллигентных профессий», к которым исследовательница относила учительство [5]. С поправкой на обширность территории «рассредоточения» учительского сообщества, где школы выглядели как островки в пустыне, и на внутригрупповую неоднородность учительского корпуса, можно утверждать, что названным критериям учительство в целом соответствовало уже в дореформенное время. Основанием для объединения в группу разных типов педагогов является характер труда, интеллектуального по преимуществу.

Социальные рамки деятельности учителей в александровское и николаевское царствования исследовались еще дореволюционными историками. Изучалась система управления просвещением сверху вниз, деятельность МНП и университетов по организации системы школ [2], [8], однако приоритетными остаются исследования, посвященные высшей школе и профессорской корпорации. Рассредоточенность и социальная неоднородность учительского корпуса в дореформенной России затрудняют сквозные социально-исторические исследования по этой группе. Несмотря на обилие источников, отражающих деятельность учителей в системе училищ, обобщения, касающиеся их социального и правового положения, учебной и внеучебной повседневности и, в конечном счете, выяснения роли данной социальной группы в модернизации императорской России, – еще впереди. Многочисленные работы по этой теме имеют в основном региональную привязку.

Учебные реформы Александра I были глубокими, системными и должны были в перспективе дать государственно-бюрократический и социальный эффект, создав в стране слой просвещенных квалифицированных чиновников и просто образованных граждан. Но реализация правительственной программы, предполагавшей покрыть всю Россию сетью школ разного уровня, затруднялась из-за нехватки учителей, что особенно ощущалось при организации уездных и приходских училищ вдалеке от столиц.

Предстоит обобщить законодательство первой половины XIX века, регламентирующее правовой статус и рамки профессиональной деятельности учителей в контексте общих просветительских стратегий власти. Важно учесть особенности социальной мобильности субгруппы провинциальных учителей, поскольку, с одной стороны, она складывалась как всесословная

по происхождению, с преобладанием выходцев из духовной среды, а с другой – приобретала в рамках провинциального социума репутацию интеллектуальной и, в определенном смысле, социальной элиты. В то же время педагоги, служившие в Петербурге, в том числе университетские профессора, не имели репутационных преимуществ в сравнении с военными и статскими чиновниками соответствующих рангов.

ОБРАЗОВАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ, ПОЛОЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Целенаправленную подготовку учителей в начале XIX века осуществляли лишь Учительская семинария в Петербурге (1783–1802) и ставший ее преемником ПИ (1804–1816), преобразованный затем в ГПИ (1817–1819). Последний должен был стать головным учебным заведением страны для подготовки учителей средней и начальной школы. Существовавшие номинально при университетах педагогические институты могли со временем также включиться в этот процесс. Курс обучения в ГПИ продолжался шесть лет и делился на три уровня. В первые два года студенты проходили предварительный курс наук: логику и метафизику, чистую и высшую математику, всеобщую и российскую географию, мифологию и древности, курсы риторики, грамматики и словесности, русского, латинского, немецкого и французского языков, а также искусств (гражданской архитектуры, рисования, черчения, музыки и фехтования). В следующем, трехлетнем курсе наук студенты распределялись по трем факультетам в зависимости от своей будущей педагогической специализации: наук философских и юридических; физических и математических; исторических и словесных². Последний, шестой год обучения посвящался теории и практике преподавания. Экзамены в каждом цикле представляли собой опыт чтения лекций и ведения уроков по объявленным экзаменаторами темам. После преобразования ГПИ в Петербургский университет в 1819 году программа обучения для уже учившихся студентов не изменилась, срок обучения вновь поступающих был приведен к общеуниверситетской норме, но была сохранена установка на подготовку педагогических кадров. Кроме того, при Петербургском университете в 1820 году открылся Учительский институт для подготовки учителей уездных училищ, курс которого включал освоение метода взаимного обучения. Это подразделение университета существовало недолго, сделало единственный выпуск и было ликвидировано в 1822 году. В 1828 году был восстановлен ГПИ как одновременно общероссийский центр подготовки учителей средних школ и как «профес-

сорский институт» [4]. Он выпускал около 100 студентов раз в 4–6 лет, поэтому и в следующие десятилетия большая часть учительских вакансий замещалась выпускниками университетов.

Большинство студентов 1800–1820-х годов первого ПИ и Петербургского университета прежде окончили полный курс обучения в губернских духовных семинариях (Костромской, Тверской, Владимирской и др.), имели хорошие познания в древних языках, российской словесности, истории, философии, риторике, что облегчало их дальнейшую профессиональную подготовку. В связи с перепроизводством образованных кандидатов в священнослужители и их низким социальным статусом, воспитанники семинарий предпочли в данном случае духовной службе светскую, в учительском звании. Возможность получения по окончании института классного чина и дальнейшей выслуги, автоматический выход из духовного сословия были для вчерашних семинаристов сильной мотивацией. Учительская служба воспринималась как более свободная, материально обеспеченная и перспективная. При этом культурные и поведенческие стандарты учительской деятельности были понятны, принимались и легко воспроизводились выходцами из духовной среды. Этика и практика воспитания юношества были сродни пастырскому служению [6]. Это объясняет относительно небольшую долю лиц, оставивших учительскую службу по истечении обязательного шестилетнего срока, большинство педагогов продолжали ее до пенсии. Детями священников, получившими семинарское образование, а затем диплом ПИ или Петербургского университета, были П. А. Лопатинский, М. А. Копосов, И. Ф. Яконовский, К. В. Васильев (выпускники Тверской духовной семинарии); А. М. Протопопов и Л. С. Левицкий (Ярославской семинарии); А. Яхонтов, И. Фортунатов, В. Двиновский (Вологодской семинарии); И. Д. Егорьевский (Владимирской семинарии); М. Д. Беликов (Костромской семинарии); Г. И. Милованов (Калужской семинарии); В. Л. Сильвестров (Архангельской семинарии) и многие другие.

Распределение по «учительским местам» производила Конференция ПИ (с 1821 года – Совет университета). В течение академического года попечителю округа от губернских дирекций поступала информация о вакансиях, составлялся их список, который предлагался выпускникам. О вакансиях объявлялось и в ведомостях обеих столиц. Студенты давали письменное согласие занять ту или иную вакансию и прослужить не менее шести лет по училищному ведомству. Студенты из податных сословий, после получения диплома об окончании университета, ос-

вобождались из подушного оклада по решению Правительствующего Сената.

В 1808 году из Петербурга в Архангельск прибыли К. В. Васильев, Л. С. Левицкий, С. А. Баранов, Е. П. Смирнов, в Петрозаводск – И. Ф. Яконовский, И. Д. Егорьевский, А. М. Протопопов, И. Малецкий, П. С. Соболев, Н. О. Куныев. При отправлении кроме прогонных денег они безвозмездно получали учебные книги, казенное платье, денежное пособие в размере 50 руб. Эту сумму они потом возвращали путем вычетов из учительского жалования. Именно после прибытия в Архангельскую и Олонецкую губернии выпускников ПИ состоялось преобразование имевшихся там Главных народных училищ в гимназии.

ПИ и его преемник, С.-Петербургский университет, продолжали кураторство в отношении бывших студентов, ставших учителями, в самых разных формах: методического и научного обеспечения преподавания, помощи учебными пособиями, визитаций училищ профессорами, включения в систему наград и поощрений, социальной поддержки [1]. Связи с Петербургским университетом распространялись на второе-третье поколение учительских семей, поскольку дети учителей по окончании гимназий имели преимущественное право поступить в университет на казенную стипендию. Так, Петербургский университет окончили сыновья учителей Н. Н. Познякова, А. И. Мещерского, М. И. Троицкого, трое из шести сыновей М. А. Копосова.

Возобновленный в 1828 году ГПИ пополнил штат трех губернских гимназий 11 своими выпускниками. В Вологодскую гимназию в 1835 году были распределены А. А. Тукалевский и П. А. Назаров, через год – Г. В. Розанов. В Олонецкой дирекции училищ начали учительскую карьеру А. Е. Вознесенский в 1840, И. Пальников – в 1845 году. Тогда же шесть выпускников Института заняли места учителей в Архангельской дирекции.

Впрочем, в училищах трех северных губерний в рассматриваемое время работали выпускники не только С.-Петербургского, но и Московского, Виленского, Харьковского университетов, Академии художеств, Института корпуса инженеров путей сообщения, а также специалисты с дипломами Берлинского, Лейпцигского, Кильского и других европейских университетов. Последние, из числа иностранцев, вступивших в российскую службу, становились в основном преподавателями языков. В Архангельской гимназии преподавал выпускник Лейпцигского университета Г. Зейфред, в Вологодской гимназии – И. Дозе, окончивший Кильский университет, а также выпускник Кенигсбергского университета

И. И. Крон и Лейпцига – Ф. Таннефельд. В Олонецкой гимназии языка преподавал Ф. И. Пеллабон, окончивший Дерптский университет. Образованные иностранцы без дипломов преподавали в городских приходских школах или открывали частные учебные заведения.

Некоторые учителя имели только духовное образование в объеме семинарии. Преимущественное право занять учительскую должность получали выпускники губернских гимназий, они могли стать учителями уездных училищ. Выпускники уездных училищ становились учителями городских приходских училищ. Иначе говоря, стать учителем мог любой, кто имел аттестат об окончании университета, педагогического института, духовной семинарии, губернской гимназии или уездного училища. Однако основы учительской профессии (методика преподавания учебных дисциплин, педагогика, психология) преподавались лишь в высших учебных заведениях. Предмет «педагогика» был включен в учебные программы духовных семинарий и гимназий лишь во второй половине XIX века.

Законодательство относило учителей к категории государственных служащих. «Предварительными правилами народного просвещения» (1803) учительские должности были соотнесены с классными чинами, что закрепило высокий социальный статус учителя. Предметник, преподающий в уездном училище, состоял в XII клас-

се (губернский секретарь), учитель рисования в уездном училище – в XIV (коллежский регистратор), учитель рисования и черчения в гимназии – в XII классе, учителя языков в гимназии («младшие учителя» по должностной иерархии) – в X классе (коллежский секретарь), учителя-предметники в гимназии («старшие учителя») – в IX классе (титулярный советник). Смотрители уездных училищ также числились в IX классе, а директор гимназии имел чин VII класса (надворный советник). Как известно, до 1845 года чин XIV класса в статской службе давал личное дворянство, чин VIII класса – потомственное, с соответствующими правами. Учитель приходского училища, если был лично свободен и прослужил не менее 12 лет, получал чин XIV класса³ [9: 65]. Таким образом, иерархия учительских должностей соответствовала статусу личных дворян, независимо от наличия диплома о высшем образовании. Сам университетский диплом признавался социально ценным. Окончивший университет со степенью кандидата вступал в службу в чине XII, а с 1837 года – в чине X класса.

Назначения на учительские должности утверждались министром народного просвещения по представлению директора училищ. Сохранившиеся формулярные списки учителей и отчеты училищных дирекций позволяют представить образовательный статус учителей по трем губерниям в динамике.

Образовательный уровень преподавателей училищ МНП
The educational level of teachers at schools established
by the Ministry of Public Enlightenment

Дирекции училищ	Архангельская	Вологодская	Олонецкая	Всего учителей
1804–1825 годы				
Университет, академии, институты	13 (31 %)	10 (16 %)	18 (38 %)	41 (27 %)
Духовные семинарии	15 (37 %)	24 (38 %)	13 (28 %)	52 (34 %)
Лицеи	–	–	–	–
Гимназии	3 (7 %)	8 (13 %)	5 (12 %)	16 (11 %)
Уездные училища	3 (7 %)	2 (3 %)	2 (4 %)	7 (5 %)
Главные и малые народные училища	4 (10 %)	11 (17 %)	2 (4 %)	17 (11 %)
Морские и военные школы	2 (4 %)	–	3 (6 %)	5 (3 %)
Коммерческие училища	–	–	–	–
Без образования	1 (4 %)	8 (13 %)	4 (8 %)	13 (9 %)
Всего учителей	41	63	47	151
1826–1855 годы				
Университет, академии, институты	49 (42 %)	32 (32 %)	33 (36 %)	114 (37 %)
Духовные семинарии	26 (23 %)	25 (25 %)	15 (16 %)	66 (21 %)
Лицеи	–	2 (3 %)	–	2 (1 %)
Гимназии	31 (27 %)	29 (29 %)	30/33	90 (29 %)
Уездные училища	4 (4 %)	4 (3 %)	10 (11 %)	18 (6 %)
Главные и малые народные училища	–	1 (1 %)	–	1 (0,3 %)
Морские и военные школы	2 (2 %)	–	–	2 (1 %)
Коммерческие училища	1 (1 %)	–	–	1 (0,3 %)
Без образования	1 (1 %)	8 (8 %)	4 (4 %)	13 (4 %)
Всего учителей	114	101	92	307

Таковы сводные данные, полученные из отчетов директоров училищ трех губерний, формулярных списков учителей, отложившихся в фондах Национального архива Республики Карелия (НА РК); Государственного архива Вологодской области (ГА ВО); Государственного архива Архангельской области (ГА АО); фонде 733 (Департамент народного просвещения) Российского государственного исторического архива (РГИА); фонде 139 (Канцелярия попечителя С.-Петербургского учебного округа) Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Судя по этим документам, образовательный статус учителей был высоким уже в первой четверти XIX века, то есть в начале системных школьных реформ. В николаевское время уже более трети педагогов имели высшее образование [З: 588–589]. Верхней стратой профессиональной группы являлись старшие учителя гимназий, предметники: преподаватели русской словесности, математики, истории, географии, естественных наук. Они были членами педагогических советов, участвовали в обсуждении финансовых, организационных, методических проблем школ, из их числа назначались главы гимназий и училищных дирекций, смотрители уездных училищ. Учителями или младшими учителями числились преподаватели языков, рисования, черчения, чистописания. В государственных гимназиях они также имели фиксированное жалование, гарантированные доплаты, квартиры, представлялись к наградам и повышениям за выслугу лет. Положение учителей уездных училищ было скромнее, хотя среди них могли быть воспитанники университетов, не окончившие курса. Иерархия статусов усложняла консолидацию педагогов как профессионального сообщества.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Доходы учителей различались в зависимости от чина, ступени училищной иерархии, выслуги, учебной нагрузки, возможностей совместительства. По штатам 1804 года оклад жалования старших учителей гимназий при учебной нагрузке 18 часов в неделю составлял от 550 до 750 руб. в год и был значительно выше, чем у других педагогов. Жалование младших учителей гимназии – преподавателей древних и новых языков при нагрузке 16 часов в неделю составляло 400 руб. в год. Жалование учителей уездных училищ, преподающих основные предметы, не превышало 300 руб. в год. Учителя рисования, черчения, чистописания в гимназии получали 300 руб. в год, в уездном училище – 100 руб.⁴ Школьный устав 1828 года увеличил жалование учителей примерно в 2,5 раза, без поправки на инфля-

цию. Для старших учителей гимназий он предусматривал годовое жалование 1375–2500 руб., для младших – 1200 руб.⁵

Жалование выплачивалось по третям года, с 1835 года – помесечно. Учителя приходских училищ, финансировавшиеся из городских бюджетов, получали деньги с большими задержками. Дополнительное вознаграждение было возможно по усмотрению директора училищ: единовременные прибавки к жалованию от 100 до 200 руб. за «отлично-усердную» службу в течение 5, 10, 15, 25 лет. С 1817 года было разрешено совмещение преподавания в нескольких учебных заведениях и классах. Частные уроки также приносили дополнительные заработки. В Петрозаводске учителя одновременно преподавали в Олонецкой губернской гимназии, Училище для детей канцелярских служащих, благородном пансионе, частных школах, женских училищах. То же происходило в Архангельске и Вологде, где действовали несколько государственных, ведомственных и частных училищ. Многие учителя давали частные уроки в домах состоятельных горожан: М. Д. Беликов преподавал в семье архангельского губернатора, В. А. Соколов учил детей каргопольского мещанина П. Насонова⁶.

Параллельно основной должности учителя-предметники выполняли обязанности школьных библиотекарей, писали исторические обзоры «заведенным и впредь заводимым училищам», вели метеорологические наблюдения, совмещали преподавание других предметов, часто без дополнительной платы. Учителям истории предписывалось составлять исторические описания училищ, в которые включалась информация об их открытии, состоянии, а также сведения об администраторах просвещения, состоянии библиотеки и т. д. Эти описания ежегодно отсылались в университет, благодаря им мы имеем сегодня неплохое представление о развитии школьного дела в провинциальной России. Учителя физики и математики вели метеорологические, топографические, статистические записки, а также объемную внешкольную работу, например дополнительные занятия и экскурсии, во время которых вместе с учениками собирали гербарии, образцы грунтов и минералов, объясняли их свойства. Так формировались школьные музеи.

При этом учителя жили более чем скромно, о чем свидетельствуют отчеты визитаторов училищ. В отчете профессора Петербургского ПИ В. Г. Кукольника, ревизовавшего школы столичного округа в 1815 году, говорилось, что штатное жалование учителей

«при нынешнем понижении курса государственных ассигнований и возвышении почти в такой же пропорции дороговизны на все потребности, относящиеся

к первейшим нуждам человека, весьма недостаточно для их содержания, особливо же при многочисленном семействе, которыми большей частию они обременены»⁷.

И все же, воспринимая службу как долговременное служение, а свое положение как стабильное, большинство учителей создавали семьи, часто многодетные, покупали дома, заводили хозяйство, редко выезжая за пределы губернии. «Обремененность семей», скромность и умеренность в быту совпадали с жизненным стандартом выходцев из духовного сословия.

Постоянным сюжетом ведомственной переписки были обращения педагогов к училищному начальству о прибавке жалования или разовых выплатах. Учитель Архангельского уездного училища И. Л. Соломбальцев в письме директору училищ В. Л. Сильвестрову в декабре 1824 года просил о прибавке к жалованию, которое не считал соразмерным тяготам службы. Он писал:

«Ежедневно в классе бывает от 50 до 70 человек. <...> Одно лишь бедное жалованье из 300 руб. в год не только не может быть достаточно к воспитанию окружающего меня в трех душах семейства, но даже скудно и к собственному моему пропитанию»⁸.

МНП корректировало размеры основного жалования и возможных прибавок в зависимости от заполнения учительских вакансий. Для привлечения способных преподавать латынь в 1811 году оклад учителей-классиков был увеличен до оклада старшего учителя гимназии (750 руб. в год)⁹. Эта мера отвечала установке на усиление «классического» элемента в программе гимназий, чтобы облегчить выпускникам поступление в университет. В 1839 году было увеличено жалование учителям французского и немецкого языков из «экономических сумм» гимназий¹⁰.

Учителя городских и сельских начальных школ государственного жалования не имели. Сельские приходские училища находились на попечении сельских обществ, поэтому материальное положение учителя в них зависело от отношения крестьян и их согласия оплачивать содержание школьного помещения и его труд. Городские общества (городские Думы) также произвольно устанавливали размеры оплаты, которая варьировала от 15 до 250 руб. в год. До 1860-х годов в России не было постоянно действующих учебных заведений, готовивших учителей начальных училищ. К преподаванию в приходских училищах привлекались священно- и церковнослужители, но им не хватало навыков практической педагогики, учебных пособий. За обучение грамоте крестьянских детей мог взяться каждый умеющий читать и писать,

«изгнанные из службы чиновники, отставные солдаты, писари и т. д. — словом, всякий, кому деться некуда, ради куска хлеба, брался за учительство, которое не давало ни чести, ни хлеба, но все же давало приют бедняку»¹¹.

Добавим, что, будучи в значительной части выходцами из крестьян, сельские учителя получали право выхода из податного состояния. Закрепление за ними профессионального статуса и включение в систему службы по МНП с определением постоянного жалования произошло во второй половине XIX века.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕПУТАЦИЯ И МЕСТО УЧИТЕЛЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

В социальном пространстве провинциального города учителю приходилось выстраивать взаимоотношения на нескольких уровнях: с учениками, их родителями, коллегами по службе, училищным начальством, представителями губернской администрации, городскими чиновниками. Способом повысить свой социальный статус был выгодный брак, который роднил бывших семинаристов с представителями провинциального дворянства и чиновничества, обеспечивал владение городской недвижимостью, открывал путь к общественному признанию. Так, учитель Олонецкой гимназии Н. О. Куняев был женат на дворянке Е. Реуцкой, его одноклассник и коллега по гимназии П. С. Соболев — на дочери коллежского асессора Ф. Рейнгольда, И. Ф. Яковлевский — на дочери губернского секретаря И. Гребенщикова, И. Д. Воскресенский — на дочери титулярного советника П. Безрукова. Распространены были браки внутри учительской группы. М. И. Троицкий, приехав в Петрозаводск, женился на дочери смотрителя училищ М. А. Копосова, впоследствии возглавил Олонецкую училищную дирекцию.

Взгляд из Петербурга на положение провинциальных учителей также менялся. Профессор А. В. Никитенко, вышедший из среды крепостных и в юности преподававший в Острогском уездном училище, вспоминал: «Участь учителей незавидная. Общество смотрело на них холодно. Никто их не поощрял, а вознаграждения едва хватало на дневное пропитание»¹². В 1834 году он посетил с визитацией отдаленные школы округа, много времени провел в обществе педагогов и с удовлетворением отмечал рост авторитета, по крайней мере, директоров и старших учителей гимназий. О директоре М. И. Троицком он писал в дневнике: «Обедали у Троицкого. Это человек неглупый. Его любят в городе»¹³. Случай Троицкого свидетельствует, что после 20–25 лет учительской службы, заняв место в административной иерархии, наладив отношения с ведомственным и местным начальством, осво-

ившись в местной среде, выходцы из духовного звания с университетским дипломом сливались с дворянской и купеческой элитой региона. Общественное признание проявлялось и в том, что педагоги становились членами разного рода общественных ассоциаций. Так, в Петрозаводске М. И. Троицкий и Э. А. Мудров много лет были членами тюремного комитета¹⁴.

Продолжая следовать жизненным стратегиям, принятым в духовной среде, многие из бывших семинаристов, получив диплом университета или педагогического института, отдали школьному преподаванию в отдаленных губерниях по два-три десятилетия. Более того, они основали в Петрозаводске, Архангельске и Вологде учительские династии: их сыновья, закончив университет, также стали педагогами. Так, пять сыновей М. А. Копосова после окончания Олонецкой гимназии продолжили дело отца и стали учителями. Старший сын Павел преподавал в Петрозаводском приходском училище, Иван – в Олонецкой гимназии, Владимир, Александр и Петр Копосовы по окончании Петербургского университета также вернулись в Петрозаводск. Позже они перебрались в столичные города, где Александр стал учителем 1-й С.-Петербургской гимназии, а Петр Копосов окончил службу директором 4-й Московской гимназии.

В рассматриваемое время складывалась внутрigrупповая дифференциация учительства. Если учитель начального или даже уездного училища был беден и зависим, то учитель гимназии считался в городском сообществе состоятельным и уважаемым человеком. Большая часть учителей сельских приходских школ (сельские священники, грамотные крестьяне) оставались вообще за границами рассматриваемой группы, исполняя свою работу лишь временно, не получая вознаграждения от государства. Верхние же страты учительства (учителя-предметники, преподаватели языков в гимназиях, уездные учителя) обладали признаками социопрофессиональной группы, главными из которых были: интеллектуальный труд как форма деятельности, высокие этические стандарты профессии, стабильное положение в системе госслужбы, относительное постоянство места службы (как в географическом, так и в ведомственном отношении), стабильность и длительность службы на одном месте, в сравнении с офицерством и чиновничеством, склонными к «перемене мест». Высокий чин и общественный статус, активное участие в городском самоуправлении, наличие городской недвижимости сближали учителей с дворянством и классными чиновниками губернских и уездных городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании наблюдений по губерниям Русского Севера можно заключить о начале складывания в 1830–1840-е годы учительства как профессиональной группы с достаточно высоким для провинции правовым и социальным статусом. Эта группа постепенно формирует особую корпоративную культуру, благодаря относительной обособленности учительства в рамках провинциального социума, общности происхождения, труда, образа жизни, наличию многоуровневых социопрофессиональных связей. В течение рассматриваемого времени группа оставалась открытой на «входе», но с преобладанием лиц из духовного звания. Многие дети учителей воспроизводили профессиональный и жизненный сценарий своих отцов, однако возможности социальной мобильности в другие группы были разнообразны: от занятия университетской кафедры при условии продолжения научной работы – до назначения на высокие административные должности по училищному ведомству.

Для выходцев из духовенства и податных состояний учительство представлялось не только привлекательным и сравнительно доходным родом занятий, но и успешным социальным лифтом. Условием карьерного восхождения было получение образования, отвечавшего задачам преподавания, и беспорочное поведение, по крайней мере, в течение обязательного шестилетнего срока учительской службы. В то же время условия службы и обязательства учителей как чиновников МНП, рекрутированных государством, затрудняли для них горизонтальную мобильность, естественную для свободных сословий, а также накладывали ограничения на совмещение учительской деятельности с какой-либо иной. Перемещения даже внутри территории учебного округа были затруднительны по материальным причинам, оставление должности до истечения обязательного шестилетнего срока службы для бывших казенных студентов было невозможно.

Объединение в социопрофессиональную группу и осознание единства обеспечивалось несколькими факторами: общностью места обучения (подавляющее большинство учителей гимназий были выпускниками Петербургского университета или двух педагогических институтов, с ним связанных), плотной системой патрон-клиентских, родственных, дружеских отношений, включением в ведомственную систему чиновничества, отчетности и переписки.

Общность происхождения помогала осознавать свое единство внутри нового профессионального сообщества – учительского. При-

надлежность по рождению и первоначальному воспитанию к духовенству, самому замкнутому из сословий империи, с определенными привычками и ограничениями, обеспечивала воспроизводство жизненных моделей труда, потребления, семейного воспитания, которые отличались от норм и традиций дворянской культуры. Между тем выслуга в учительской должности до VIII класса и получение потомственного дворянства не были редкостью.

Поведенческие модели российского учительства корректировал этос служения, унаследованный от духовного сословия. Тяготение к интеллектуальному труду, стремление к целостному осмыслению и переустройству мира, к проповедничеству как форме профессиональной самореализации, бескорыстие и готовность к бытовым ограничениям компенсировали для них культурное одиночество. Элементы трансфор-

мированной религиозности приносились «поповичами» в преподавание, которое воспринималось как миссия, а учащиеся – как паства. Не бюрократические инструкции, а этика, вынесенная из внеслужебного мира, предписывала учителю добросовестное отношение к своим обязанностям, готовность выполнять часть работы без вознаграждения. Она влияла на образ жизни и после оставления учительской должности. Учителя, вышедшие на пенсию, готовы были продолжать службу, параллельно занимаясь исследовательской или литературной работой. Для учителей в первом поколении характерно столь же долгое пребывание в профессии, как для их отцов – в сане священника, а нередко и тот же принцип замещения должностей в училищах – от отца к сыну. Не случайно уже в 1840-х годах в губернских и уездных городах Русского Севера формируются учительские династии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Захаратос Д. А. Московский учебный округ в 1804–1835 годах: создание государственной системы образования, управление и подготовка педагогических кадров: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 206 с.; Казакова О. М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009. 263 с.
- ² Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 830–836.
- ³ Устав гимназий, уездных и приходских училищ // ПСЗ-2. Т. 3. № 2502.
- ⁴ Сборник постановлений... Т. 1. Штаты и приложения. Стб. 33–34.
- ⁵ Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. 1826–1839. СПб., 1865. Отд. 1. Штаты и приложения. Стб. 2–6.
- ⁶ ГА АО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 200; Ф. 1955. Оп. 1. Д. 3. Л. 147.
- ⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 164. Л. 16.
- ⁸ ГА АО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
- ⁹ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1811. № 31. С. 136.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/15. Л. 349.
- ¹¹ Миропольский С. Обязательность обучения в России (исторический этюд). СПб., 1876. С. 68.
- ¹² Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877). Т. 1. СПб.: Типо-лит. «Герольд», 1905. С. 248.
- ¹³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. М.: ГИХЛ, 1955. С. 150.
- ¹⁴ НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 4/9. Л. 300.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 2. С. 22–32.
2. Игнатовец Л. М. Белорусский учебный округ: система управления // Ученые записки УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». 2011. Т. 12. С. 12–20.
3. Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX в. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
4. Курылев С. А., Жуковская Т. Н. Главный педагогический институт (1828–1859): проблемы административной и социальной истории // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 130–143.
5. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1971. 368 с.
6. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. 448 с.
7. Мионов Б. Н. Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 198 с.
8. Ткаченко А. В. Учебно-методическое руководство в Харьковском университете школами в 1805–1835 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1957. 124 с.
9. Филоненко Т. В., Шипилов А. В. Материальное положение учителей в дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65–75.

Поступила в редакцию 28.04.2023; принята к публикации 25.09.2023

Original article

Tatiana N. Zhukovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-9776-0038; tzukovskaya@yandex.ru
Elena A. Kalinina, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

**“THE USEFUL CLASS OF CIVIL SERVANTS”:
 THE HISTORY OF RUSSIAN TEACHERSHIP FORMATION
 (based on the materials of Russian North)**

Abstract. The history of Russian schools cannot be imagined without considering the position of teaching staff as an integral element of the school system. Based on the materials of sources reflecting the regional projection of the educational reforms of Alexander I and Nicholas I as a long-term course, the paper examines the key condition for their effectiveness – the quality of teacher training. On the basis of legislative and working documents, the legal, educational, and social status of provincial teachers in the 1800s–1840s are traced, as well as their marital status and financial situation. The authors analyze the public reputation of teachers, specific features of their everyday life, and social mobility of this socio-professional group, as well as the social origins of teachers’ professional ethics that were forming at that time. The observations are based on the funds of the Ministry of Public Enlightenment, the Office of the Trustee of the capital’s Educational District, Saint Petersburg University, and Saint Petersburg Pedagogical Institute, as well as the little-studied funds of three provincial school directorates – Olonets, Arkhangelsk, and Vologda ones. The regional materials are used to trace the results of the school reforms of the first third of the XIX century, the most important of which was the formation of a system of schools and professional teachers staff working in provincial and county towns. Their large numbers, similar origin and career paths, awareness of corporate unity, as well as the preservation and maintenance of ties with Saint Petersburg indicate the important role of Saint Petersburg University and Saint Petersburg Pedagogical Institute in the enlightenment of the regions, which they performed both as administrative centers and indirectly – through their graduates as agents of influence. In the early 1850s, the number of professional teachers in the three provinces under consideration exceeded 300 people (excluding primary school teachers), which is comparable to the available data for other educational districts. This local community is representative for understanding the peculiarities of the legal and social status of provincial teachers in pre-reform Russia. At the time, the changes of the school management system, the personnel policy, and teachers’ working conditions within the framework of the all-Russian model of education and social construction were orchestrated “from above”, therefore, the conclusions drawn from the regional materials provide the overall understanding of the stages and social results of the modernization project implemented by the authorities.

Key words: Saint Petersburg educational district, history of education, teachers, history of Russian North

For citation: Zhukovskaya, T. N., Kalinina, E. A. “The useful class of civil servants”: the history of Russian teachership formation (based on the materials of Russian North). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):65–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.976

REFERENCES

1. Zhukovskaya, T. N., Kalinina, E. A. “From the ABC-book to university”: administrative activities of St. Petersburg University in educational district in the first half of the 19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2014;2:22–32. (In Russ.)
2. Ignatovets, L. M. Belarusian educational district: administrative system. *Scientific notes of Vitebsk State University named after P. M. Masharov*. 2011;12:12–20. (In Russ.)
3. Kalinina, E. A. The system of public education in the European North of Russia in the first half of the XIX century. Moscow, 2017. 736 p. (In Russ.)
4. Kurylev, S. A., Zhukovskaya, T. N. Main pedagogical institute (1828–1859): problems of administrative and social history. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2019;10(7(17)):130–143. (In Russ.)
5. Leikina-Svirskaya, V. R. Intelligentsia in Russia in the second half of the XIX century. Moscow, 1971. 368 p. (In Russ.)
6. Manchester, L. Secular life of priests’ sons: clergy, intelligentsia, and the formation of modern self-consciousness in Russia. Moscow, 2015. 448 p. (In Russ.)
7. Mironov, B. N. Historians and sociology. Leningrad, 1984. 198 p. (In Russ.)
8. Tkachenko, A. V. Kharkiv University’s educational and methodological guidance of schools in 1805–1835. Kharkov, 1957. 124 p. (In Russ.)
9. Filonenko, T. V., Shipilov, A. V. The financial situation of teachers in pre-revolutionary Russia. *Pedagogika*. 2004;7:65–75. (In Russ.)

Received: 28 April 2023; accepted: 25 September 2023

ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА МИНАЕВА

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
отечественной истории
Северный (Арктический) федеральный университет имени
М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0875-7131; t.minaeva@narfu.ru

НИКИТА АНДРЕЕВИЧ ХРЕБТОВ

аспирант 1-го года обучения
Северный (Арктический) федеральный университет имени
М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ya.nax1999@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ СЕВЕРНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ В ВОЙНЕ СО ШВЕДИЕЙ 1788–1790 ГОДОВ

А н н о т а ц и я . На основе актовых и делопроизводственных документов авторы анализируют уровень готовности северных территорий России к обороне накануне и в ходе войны со Швецией 1788–1790 годов. Цель исследования – выяснить, как осуществлялось укрепление обороны северных рубежей страны в исследуемое время и оценить своевременность его проведения. Научная новизна состоит в комплексном изучении мер, предпринятых для укрепления обороны северных территорий России, определении причин ненападения Швеции на северо-западную Карелию и Беломорье, оценке деятельности центральных и местных властей по решению оборонных задач на севере страны. Актуальность исследования связана с показом необходимости своевременной постановки и решения оборонных задач правительством страны. Сделаны выводы о том, что Север России, несмотря на важность этих территорий для промышленного развития страны, строительства военно-морского флота, обеспечения армии и флота вооружением, оставался плохо защищенным, и только неготовность противника к одновременным действиям на Балтийском море, в Карелии и Беломорье спасла территории Архангельского и Олонецкого наместничества от разорения. В ходе войны все основные задачи по укреплению обороны северных рубежей были выполнены.

Ключевые слова: Россия в XVIII веке, Север России, русско-шведская война 1788–1790 годов, оборона
Для цитирования: Минаева Т. С., Хребтов Н. А. Организация обороны северных рубежей России в войне со Швецией 1788–1790 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 45, № 8. С. 75–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.977

ВВЕДЕНИЕ

Развитие внешней торговли, металлургической промышленности и морского флота являлось основным фактором, определявшим военно-стратегическое значение Севера России в XVIII веке. Еще в период Северной войны 1700–1721 годов шведы предприняли попытку прервать экономические связи России с Западной Европой по Белому морю, захватить Архангельск и Олоонец. Это нападение шведов должно было повлиять на создание надежной защиты Севера в последующие годы. Актуальность исследования данного вопроса определяется важностью разработки комплексных мер по укреплению обороны Русского Севера, что было необходимо

как в историческом прошлом, так и в современной политической ситуации.

Русско-шведская война 1788–1790 годов изучалась отечественными и зарубежными учеными с начала XIX века. Наиболее полно историография военного конфликта представлена в работе Я. А. Сексте¹. Автор выделил отдельные вопросы, которые нашли освещение в научной литературе: отношения России и Швеции в период от Ништадтского мира до начала конфликта конца XVIII века, события войны, включая военные приготовления и соотношение сил, антишведское движение в Финляндии, дипломатические отношения России и Швеции с европейскими державами в период войны. Среди современных исследований, в которых дан ана-

лиз боевых действий на территории Финляндии, можно отметить переводные труды зарубежных авторов Л. Э. Вольке и Ю. Т. Лаппалайнена, где указаны сложности, с которыми столкнулись обе стороны в ходе войны, а также стратегические и тактические ошибки Густава III [2], [5]. Одной из малоизученных проблем является организация обороны Севера России. Это тема не привлекала особого внимания, потому что военных действий на севере страны не происходило, хотя документы показывают, что Екатерина II и ее правительство были озабочены защитой северных границ накануне и во время войны.

Исследователи XIX века о событиях 1788–1790 годов на Севере писали немного. Так, А. Г. Брикнер указал только, что «во время похода 1788 года Россия не имела на севере войска в достаточном количестве»², и при выработке планов совместных действий с Данией

«Екатерина надеялась на успешные действия эскадры вице-адмирала Дезина, которому было поручено соединиться с эскадрой контр-адмирала Повалишина, шедшего из Архангельска вокруг Норвегии в Балтийское море»³.

О военных кораблях, отправленных из Архангельска на помощь Балтийскому флоту, упомянул и Ф. Ф. Веселаго⁴. К. Ф. Ордин, представляя деятельность шведского барона Г. Спренгпортена на русской службе, показал его как инициатора проекта диверсии против Швеции со стороны северной Карелии⁵. Достаточно подробно о мерах, принятых в 1790 году для защиты Архангельского военного порта, сказано в монографии С. Ф. Огородникова⁶. В советский период Г. Г. Фруменков кратко описал оборонительные меры, принятые в Архангельске и Соловецком монастыре [10: 107], [11: 42].

В современной историографии также можно отметить только единичные случаи обращения к изучаемой теме. А. А. Кликачева, О. В. Черняков, Е. П. Шишмолина [4] посвятили свою статью неизвестной ранее рукописи В. Тизенгаузена, включающей предложения по улучшению обустройства русско-шведской границы в Карелии в конце XVIII – начале XIX века. М. В. Пулькин по опубликованным источникам перечислил меры, принятые в годы войны для укрепления границы в Олонецком наместничестве [7]. Некоторые сведения об усилении защиты Архангельска в 1790 году представил И. М. Гостев [3: 82–83]. Шведский исследователь Л. Э. Вольке, характеризуя действия шведских войск в 1790 году, указал, что карельская бригада на северо-востоке вообще не провела ни одной операции, в основном из-за отсутствия продовольствия и ломовых

лошадей [2: 67]. В целом в работах шведских авторов никакой информации о планах Густава III по нападению на Север России нет, но эти исследования включают материалы о подготовке шведской армии и флота к войне и позволяют понять, почему в 1788–1790 годах это нападение не было предпринято [12], [13], [14], [15], [16], [17].

Из документальных источников по теме следует выделить «Материалы для истории русского флота», части XIII и XIV. Все опубликованные в «Материалах» копии императорских указов, донесения, письма, рескрипты, рапорты, выписки из журналов адмиралтейств-коллегии, извлечения из шханечных (вахтенных) журналов представляют собой документы из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ). Из них можно узнать о строящихся в Архангельске для Балтийского флота кораблях, об их участии в войне 1788–1790 годов, о мерах, предпринятых для защиты архангельского адмиралтейства на случай нападения шведов⁷. Письма Екатерины II к архангельскому и олонекскому генерал-губернатору Т. И. Тутолмину об организации обороны на севере России опубликованы в 1873 году в «Русском архиве»⁸. Указы Екатерины II с аналогичными распоряжениями содержатся в Ф. 10 Кабинета Екатерины II в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)⁹. Сведения о решениях центральных органов власти по приведению в боевую готовность Архангельского и Олонецкого наместничеств и отправке построенных кораблей на Балтику можно получить также из протоколов заседаний Государственного Совета¹⁰. Конкретные распоряжения Т. И. Тутолмина об усилении охраны северной границы, Архангельского порта и адмиралтейства, Соловецкого монастыря и рапорты об их выполнении содержатся в фондах Канцелярии Архангельского губернатора (Ф. И-1), Канцелярии Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернатора (Ф. И-1367) Государственного архива Архангельской области (ГААО); Ф. 396 Олонецкого наместнического правления Национального архива Республики Карелия (НАРК). Отдельная информация о возведении оборонительных укреплений в Олонецком наместничестве содержится в Олонецких губернских ведомостях¹¹. Изучение указанного комплекса документов помогает решить задачи, связанные с анализом оборонительных мероприятий, предпринятых центральной и местной администрацией в 1788–1790 годах.

ШВЕДСКИЕ ПЛАНЫ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ

Шведский король Густав III, начиная подготовку к войне, хотел с помощью успеш-

ных боевых действий вернуть себе утраченные вследствие неудачной внутренней политики популярность и влияние на парламент и заставить замолчать оппозицию. К этому следует добавить его желание выглядеть великим правителем, что должно было сопровождаться победами в войне [10: 176], [17: 15]. С 1780 года начал осуществляться королевский план по строительству военно-морского флота, согласно которому к 1788 году должны быть готовы 15 новых линейных кораблей, 12 больших и четыре малых фрегата. План практически полностью был выполнен, но из-за недостатка финансирования последние суда достраивались в 1788–1789 годах [16: 161]. В итоге новопостроенные суда до начала военных действий не были опробованы в плавании. Общая численность шведского флота на начало 1788 года составляла 26 линейных кораблей и 16 фрегатов. Русский флот на Балтийском море по численности превосходил шведский и состоял примерно из 40 линейных кораблей (данные источников и исследователей разнятся от 37 до 41) и более 40 судов других классов, хотя часть из них находилась в ветхом состоянии [1: 574], [6: 191], [8: 42], [14: 132]. Особую тревогу шведов вызывали 4 российских 100-пушечных линейных корабля, аналогов которых Швеция не имела, и активно работавшее адмиралтейство в Архангельске, построившее в 1788 году 5 новых судов для Балтийского флота и готовое в случае войны пополнять потери. Таким образом, соотношение сил и перспективы ведения военных действий на море складывались не в пользу Швеции. На нападение одновременно на Санкт-Петербург и Архангельск не хватало флота, так же как на длительную войну не было финансовых средств, поэтому Густав III избрал стратегию быстрого нападения и кратковременной военной кампании. Основной целью был выбран Санкт-Петербург, для захвата которого предполагали действовать по двум направлениям: с моря, через Финский залив, и с суши, с территории юго-восточной Финляндии [16: 166]. Шведы рассчитывали, что основные силы русских будут брошены на юг против Турции, а защита столицы и западной Карелии окажется ослабленной.

ПОДГОТОВКА СЕВЕРА РОССИИ К ОБОРОНЕ В 1786–1789 ГОДАХ

Екатерина II начала беспокоиться по поводу состояния обороны северо-западной границы как минимум за два года до начала военных действий со Швецией. 2 июня 1786 года она отправи-

ла письмо генерал-губернатору Архангельскому и Олонецкому Т. И. Тутолмину о необходимости наилучшего расположения Белозерского полка для обеспечения защиты границы от возможного вторжения¹². В январе 1787 года Т. И. Тутолмин предписал правителю Архангельского наместничества генерал-майору И. Р. Ливену произвести секретную разведку размещения шведских войск в приграничных районах и сообщить о численности и расположении российских приграничных караулов. В ответном рапорте указывалось, что по Кольской округе никаких приграничных караулов с российской стороны нет, а по Мурманскому берегу в период навигации патрулирует таможенный разъезд, состоящий из цолнера и двух – трех солдат. Кольский земский исправник Шестаков также докладывал, что шведская приграничная территория гористая и труднопроходимая из-за большого количества озер и болот, а зимой для передвижения можно использовать только олени тропы¹³.

В мае 1788 года, когда появились сведения из Дании о подготовке Швеции к военным действиям, правительственные органы дали первые распоряжения об укреплении обороны в приграничных губерниях. 25 мая Государственный Совет принял следующие решения: 1) потребовать с пограничных генерал-губернаторов собирать информацию обо всем происходившем в Швеции, принимать необходимые меры и направлять донесения в столицу; 2) предписать исполняющему должность Олонецкого генерал-губернатора расположить находящийся в Петрозаводске Белозерский пехотный полк наилучшим образом для предотвращения вторжения неприятеля; 3) в связи с тем, что строящиеся в Архангельске для Балтийского флота пять кораблей раньше осени прибыть не смогут, переговорить через российского посланника в Дании о совместной готовности действовать против Швеции. В случае достижения договоренности присоединить корабли из Архангельска к датскому флоту¹⁴.

29 июня Государственный Совет принял еще одно решение – организовать диверсию в шведской Карелии, в то время когда неприятельские силы будут оттянуты к Фридрихсгаму. Для этой цели решили использовать Белозерский пехотный полк и вооружить дополнительно до 2 тыс. крестьян Олонецкой губернии, вызвав их добровольно и пообещав, что после окончания военной операции их отпустят домой и они получают освобождение от рекрутской повинности. Организацию диверсии решили поручить перешедшему на русскую службу шведскому военачальнику,

барону Г. Спренгпортену, а сбор добровольцев – генерал-поручику Т. И. Тутолмину¹⁵. Таким образом, К. Ф. Ордин ошибался, приписывая идею организации диверсии Г. Спренгпортену, так как в своей работе он указал на 3 июля в качестве даты, когда Спренгпортен предложил проект диверсии императрице¹⁶. Скорее всего, это был его ответ на решение Государственного Совета о проведении военной операции. Г. Спренгпортен просил выделить ему три батальона, несколько сотен егерей, легкой кавалерии и казаков. Для организации диверсии из Псковского карабинерного полка к Т. И. Тутолмину отправили эскадрон, следом должен был приехать Г. Спренгпортен с офицерами, чтобы помочь в сборе добровольцев, для которых было выслано вооружение на 200 всадников. Кроме того, водным путем из Петербурга до Новой Ладogi отправили две 6-фунтовые пушки, два 12-фунтовых единорога с необходимым количеством зарядов и другое оружие. Т. И. Тутолмину поручили приобрести лошадей как для перевозки пушек, так и для отправленных к нему из эскадронной команды императрицы гусаров и казаков, выделив 50 тыс. руб.¹⁷ В середине июля 1788 года к Т. И. Тутолмину направили также олонеккого купца Михаила Мехкелева, выразившего желание помочь в сборе для организации диверсии в Карелии 2 тыс. человек из населения Выборгской губернии, а после окончания земледельческих работ до 3 тыс. человек¹⁸. Т. И. Тутолмин принял предложение купца и снабдил его деньгами. Миссия М. Мехкелева закончилась ничем, так как к моменту его приезда в Выборгскую губернию уже появилось обращение губернатора о созыве населения на защиту городов и границ, и Т. И. Тутолмин отправил купца обратно в Петербург¹⁹.

15 июля Екатерина II в секретном письме сообщила Т. И. Тутолмину, что все необходимое для вооружения Белозерского полка отправлено. При полном комплектовании полк должен был состоять из двух гренадерских и восьми мушкетерских рот, каждая из последних по 212 человек. Однако императрица настаивала на том, чтобы, не дожидаясь формирования полного состава полка, после получения необходимого снаряжения начать диверсионную операцию, не теряя времени. Сверх уже доставленного вооружения (200 драгунских ружей и 100 карабинов с пистолетами) для стрелков Белозерского полка отправляли еще 500 фузей. Предполагалось, что на каждые 100 стрелков будет положено еще по две пушки малой артиллерии, но канониров для них рекомендовалось набрать на месте, так как не было никакой возможности высвободить

их из столичных войск. В связи с возникшей проблемой недостатка обмундирования Екатерина II указала, что добровольцы и казаки могут служить и в своей собственной одежде. В конце письма императрица выражала одобрение сделанным распоряжениям Т. И. Тутолмина об охране границы, приготовлении фуража и провизии для собираемого войска²⁰. 24 июля Екатерина II одобрила предложения Т. И. Тутолмина и барона Г. Спренгпортена об устройстве укрепленного поста в Сердоболе (совр. Сортавала) и закрытии границ Олонеккого наместничества²¹.

Тем временем из поступающих с мест рапортов становилось понятно, что большого количества желающих добровольно вступить в армию не было. К августу у И. Р. Ливена лежал список из десяти архангельских мещан, четырех холмогорских, двух ненюкских, семи архангельских крестьян и поселян, холмогорских разных волостей – 171, крестьян пинежской округи со всех волостей – 60, с мезенской – 6, итого: 260 человек. 10 августа 314 добровольцев отправились из Архангельского наместничества в Петрозаводск²². К середине августа по Архангельскому и Олонеккому наместничествам набрали 1870 ополченцев²³.

В августе Г. Спренгпортена вызвали в столицу в связи с возникновением оппозиции финских офицеров против продолжения войны и приездом их представителя к Екатерине II с предложением о заключении мира. После этого Г. Спренгпортен решил, что в проведении диверсии уже нет необходимости²⁴.

В конце сентября поступило указание Екатерины II задержать в Архангельске все шведские суда в связи с начавшимися военными действиями, но таких судов в порту не оказалось²⁵.

В сентябре 1788 года по предписанию Т. И. Тутолмина организовали пограничные посты в Кольском уезде, состоявшие из местных жителей, отправленных из Архангельского гарнизона военнослужащих и рядовых из команды Соловецкого монастыря²⁶. Нападения ждали зимой, с установлением удобного пути для перехода границы. В ноябре 1788 года появились сведения, что шведы планируют наступление из Каян на Кандалакшу отрядом из 60 человек, но нападения не произошло [9: 32].

К началу сентября 1788 года после длительного двухмесячного плавания четыре корабля (еще один по дороге сел на мель и был отправлен на ремонт в Норвегию) и два фрегата под командой контр-адмирала И. А. Повалишина пришли из Архангельска в Копенгаген и соединились с русской эскадрой контр-адмирала М. П. Фон-

дезина. Позднее, после тяжелой зимовки, когда два корабля чуть не погибли, вмерзнув в лед, а экипажи пережили тяжелую эпидемию, в июле 1789 года объединенная эскадра с новым командиром вице-адмиралом Т. Г. Козляниновым (11 кораблей, четыре фрегата, два катера) соединилась в Балтике с главным русским флотом²⁷. В целом в 1788 году была укреплена граница на северо-западе и севере, собрано ополчение и обеспечено пополнение Балтийского флота.

В 1789 году Государственный Совет снова высказался за проведение диверсии в шведские владения силами находившихся в Олонецкой губернии войск, но она в итоге так и не была организована²⁸.

В 1860–1870-х годах газета «Олонецкие губернские ведомости» опубликовала ряд этнографических материалов, из которых можно получить представление о расположении войск и укреплений в приграничных к Швеции землях Олонецкого наместничества. Остатки артиллерийских батарей со времен русско-шведской войны сохранялись, например, в Повенецком уезде Олонецкой губернии: а) «в Ругозерской волости, в деревне Миозере (в 8 верстах от Финляндской границы), в 40 верстах от Кимас-озерского погоста (в 2 верстах от границы Кемского уезда)»; б) в Ребольской волости, в окрестностях Ребольского погоста²⁹. По словам старожилов, в Янгозерском приходе недалеко от церкви находилась небольшая крепость с маяком, вооруженная пушками, и пороховой магазин, впоследствии превращенный в амбар. Возле деревни Янгозеро, в лесу,

«стояла пехота лагерем, в количестве 500 солдат, а конница была расположена в 6 верстах от Янгозера в месте, называемом Тедри Су. Войска под начальством командира Уварова (генерал-майора И. Увалова. – Т. М., Н. Х.) стояли здесь три года (1788–1790). Второй лагерь, тоже в числе 500 человек, в Кудамугубе. Трехлетнее пребывание войск в Янгозере дорого стоило крестьянам: после 1790 года у здешних мужиков осталось только 2 лошади, потому что все пожни были выкормлены военным лошадям»³⁰.

В тяжелом положении после войны оказались и крестьяне Ребольского погоста, при перевозке военных грузов здесь были загнаны до смерти 72 лошади³¹.

Основные силы шведских сухопутных войск в ходе войны были брошены по направлению к Санкт-Петербургу. Армия, находившаяся в Финляндии, испытывала многочисленные проблемы, включая дефицит хлеба, нехватку полевых магазинов вдоль линии фронта, задолженность в выплате жалования солдатам и офицерам. Ситуация несколько улучшилась

в 1789 году в связи с решением риксдага об обеспечении войск в Финляндии. В 1790 году предполагалось проведение отвлекающих операций на северо-западе Карелии, но эти планы не были осуществлены, так как армии не хватало пропитания и лошадей для передвижения. Основная задача, которую решала эта группа войск, состояла в блокаде всех дорог, по которым русская армия могла попасть в финскую часть Карелии [13: 78–88]. Таким образом, в 1789 году обе стороны не предпринимали никаких активных действий на северо-западе.

ПОДГОТОВКА АРХАНГЕЛЬСКА И БЕЛОМОРЬЯ К ОБОРОНЕ В 1790 ГОДУ

В 1790 году внимание российского правительства в вопросе организации обороны Русского Севера переключилось с Карелии на Архангельск. 9 января Екатерина II направила указ вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, графу И. Г. Чернышеву, в котором сообщалось, что шведский король намерен отправить два катера в Белое море для совершения покушения на Архангельскую верфь. Императрица требовала организовать наблюдение за морем и охрану берегов силами двух фрегатов и двух – трех легких судов, а также назначить надежного командира. 15 февраля Адмиралтейств-коллегия приказала для укомплектования судов в Архангельске к кампании 1790 года командировать: капитанов бригадирского ранга Макарова и 2-го ранга Потапа Лялина, шесть лейтенантов, девять мичманов, трех лекарей, двух штурманов, восемь подштурманов, семь подлекарей, пять подшкиперов, 16 боцманов, пять лекарских учеников, 27 квартирмейстеров, две роты солдатской команды, артиллерийской команды: четыре офицера, девять сержантов, четыре каптенармуса, девять капралов и бомбардиров, 50 канониров³².

Подготовка Архангельска и Беломорья к обороне включала в себя строительство морских судов для формирования военной эскадры с целью защиты порта, строительство береговых укреплений и оснащение их орудиями, укрепление Соловецкого монастыря. 13 февраля Екатерина II сообщила генерал-губернатору Т. И. Тюттолмину, что к нему выехал инженер-поручик Васильев, которого следует отправить под видом богомольца в Соловецкий монастырь с поручением осмотреть крепостные стены, выяснить состояние артиллерии, наличие необходимого количества снарядов и в целом определения готовности монастыря к обороне. В случае необходимости Т. И. Тюттолмину следовало ор-

ганизовать доставку в Соловецкий монастырь из местных гарнизонов людей и вооружения³³. 16 марта И. Р. Ливен писал в своем рапорте, что необходимо

«для пресечения судового прохода в Двину реку в устьях Мурманском, Пудожемском, Никольском поставить вооруженные фрегаты, а в прочих устьях и мелких речках поставить мелкие вооруженные суда и при необходимости укрепить батареи»³⁴.

Активно велись поиски вооружения и для Соловецкого монастыря. Крепость не была готова к отражению неприятеля. Артиллерийская команда из Новодвинской крепости осмотрела три трехфунтовые пушки Сумского острога, предназначенные для перевозки в монастырь, и признала их годными, но для них требовались новые лафеты. 4 марта генерал-губернатор приказал отправить в монастырь архангельские лафеты и вновь сформированный дивизион егерей с канонирами (24 человека) для обучения местных солдат³⁵. 25 мая 1790 года в монастырь прибыла группа офицеров, военных инженеров и солдат. Вместе с монастырским отрядом они составили команду в 250 человек. По проекту инженера-подпоручика Васильева были исправлены платформы под артиллерийские орудия. Недалеко от стен крепости со стороны суши построили дополнительные укрепления – земляные батареи в фашинной обшивке с амбразурами и платформами. Местную команду обучали стрельбе из пушек [10: 107].

В Архангельске осуществлялась подготовка строительства укреплений и проверка боевой готовности Новодвинской крепости. 23 марта обер-комендант Новодвинской крепости, генерал-майор Болотников отчитался И. Р. Ливену:

«Взял я с собой находящегося при инженерной команде обер-офицера инженер-подпоручика Обручева, отправились на устья Двины, чтобы разведать глубину по вскрытию вод, обозреть прилежащие берега и их положение, определить возвышенные места, сделать всему тому наивернейшую карту с определением мест, которые нужно укрепить военными людьми»³⁶.

30 марта Болотников писал И. Р. Ливену, что осмотрена Новодвинская крепость, которая находилась в хорошем состоянии и в полной боевой готовности с пушками, мортирами и дробовиками со всеми снарядами, гарнизон крепости вооружен. Были приготовлены также провиантские запасы для всех местных команд. Из Александровского завода в город Архангельск для крепости, а также снабжения всех батарей было отправлено 213 крупнокалиберных пушек³⁷.

С началом навигации в Архангельск регулярно приходили рапорты из Колы с обозрением военной ситуации на Белом море, для скорейшей доставки почты между двумя населенными пунктами учредили почтовую дорогу. Местные жители на территории Архангельского и Олонецкого наместничеств получили указание от администрации проявлять крайнюю осторожность при выходе в море и долго в местах промыслов не оставаться. Кольский комендант полковник Б. И. Ернер сообщал правителю Архангельского наместничества, что Кола находится на военном положении: военнотруженики снабжены воинскими снарядами, артиллерия приведена в боеготовность, усилены караулы в городе и окрестностях. Лопарям выдавали ружья, порох и свинец, городским жителям раздавали копыя. Планировалось обустроить две батареи и два редута для защиты города, но, так как своих сил не хватало, Б. И. Ернер просил выделить ему дополнительно две роты военнотружеников³⁸.

Тем временем начались работы по укреплению побережья Северной Двины. План строительства укреплений создавал подпоручик А. Ф. Обручев, военный инженер Новодвинской крепости, в будущем генерал-майор. Для проведения земляных работ жителей отправляли со всей округи. 2 мая холмогорский земский исправник прапорщик Сырычев рапортовал, что

«здешней округи сельских обывателей 78 человек с лопатами и топорами и провиантом на три недели отправлены для исправления работ по укреплению Двины реки и прочих мест и при них 20 больших карбасов, в которых могло поместиться от 20 до 30 человек».

Через месяц на батареях трудилось 300 наемных работников, помогавших канонирам³⁹.

Шенкурский майор исправник Федот Степанов 24 мая 1790 писал о получении задания: «...для обороны против неприятеля на батареях не менее 140 человек стрелков нанять на единое время лета с выплатой от 6 до 8 рублей на месяц». Такие же указания получили, например, холмогорский исправник прапорщик Сырычев, мезенский – Василий Казаков. 11 июня Архангельская городская общая Дума подготовила список из 70 человек посадских людей, желающих нести службу на батареях за 10 руб. в месяц⁴⁰.

12 июля И. Р. Ливен уведомил Т. И. Тутолмина об окончании работ по сооружению в Архангельске земляных укреплений по устьям Северной Двины и по берегу Соломбальского острова⁴¹. Построили два ретраншаменты (оборонительные ограды) – в Соломбале с 12 пушками, в Лапоминской гавани с десятью пушками;

восемь редутов, защищавших устья Северной Двины и Лапоминскую гавань, на каждом располагалось от шести до десяти пушек; три батареи – у Лапоминки (десять пушек), напротив Новодвинской крепости, на о. Марков (восемь пушек), при Адмиралтействе (восемь пушек) [3: 83]. Писатель и отставной военный П. И. Челищев, посетивший Архангельск в 1791 году, отметил, что Соломбальское селение «версты на две обнесено невысоким земляным валом и рвом, укрепленным редутами и банкетами», а Лапоминская гавань

«укреплена рвом и земляным валом, по амбразурам поставлены корабельные большие орудия. При входе в гавань сделан изрядный редут с осьмнадцати тридцати-шести-фунтовых орудиях, в двух верстах от гавани; при входе в фарватер на маяке другой, не менее сего, редут»⁴².

Лапоминская гавань, использовавшаяся Архангельским адмиралтейством, находилась на побережье Белого моря. Здесь стояли выведенные с Соломбальской верфи, но еще не полностью оснащенные военные корабли. Гавань располагалась примерно в 50 верстах к северу от Архангельска и нуждалась в отдельной защите.

По устьям Северной Двины устроены были огненные маяки, которые являлись средством передачи предупредительных сигналов в случае появления неприятельских судов. По Березовскому устью установили семь маяков, по Мурманскому и Пудожемскому – три, по Никольскому – два. При маяках поставили караулы по три человека⁴³.

В Архангельском адмиралтействе под усиленным контролем нового главного командира Архангельского порта, вице-адмирала И. Я. Барша, прибывшего из Санкт-Петербурга в начале июля 1788 года, строились суда для формирования эскадры по защите города и порта. К концу мая 1790 года три фрегата, три катера и шесть канонерских лодок были спущены на воду, но для формирования экипажей не хватало матросов, о чем И. Р. Ливен рапортовал Т. И. Тутолмину. Руководство эскадрой принял капитан бригадирского ранга М. К. Макаров, который уже участвовал в сражениях со шведами у Гогланда и Эланда в 1788 и 1789 годах. В июне 1790 года И. Я. Барш отправил М. К. Макарову подробную инструкцию, которая сопровождалась сообщением И. Г. Чернышева, что неприятель вряд ли использует для нападения линейные корабли, так как в этом случае уменьшатся его силы в Балтийском море. Покушение на малых, неглубоководных судах представлялось, по мнению И. Г. Чернышева, не менее опасным, потому что река Северная Двина имела много рукавов

с островами, что могло помочь противнику спрятаться и подойти к городу незаметно. Адмиралтейств-коллегия имела сведения, что нападение планировалось осуществить на катерах, вооруженных в Англии. Далее И. Я. Барш писал М. К. Макарову, что в эскадру определялись суда: фрегаты «Архипелаг» (построенный в 1789 году), «Кронштадт», «Ревель» и «Рига» (все – постройки 1790 года) и три катера. Фрегат «Рига» предназначался для исполнения функции брандвахты, если же «Ригу» требовалось в связи с военной ситуацией включить в действующую эскадру, то ее место на брандвахте должен был занять фрегат «Наян», стоявший напротив Лапоминской гавани. В особой ситуации М. К. Макаров мог использовать для обороны и фрегат «Ловец». Фрегаты следовало поставить для заграждения входов в устья Северной Двины, они должны были видеть сигналы друг друга, чтобы при необходимости соединиться. Для крейсирования катеров в море были определены районы. Командиры катеров получали указания не только крайне внимательно вести наблюдение за морем, но и осматривать подозрительные суда, а остальные – опрашивать. В случае появления вооруженных судов сопровождать их до фрегатов, которые могли пропустить такие суда в порт только при получении разрешения И. Я. Барша. Для быстрой передачи информации о неприятельских судах следовало использовать огненные маяки. Катерам, встретившим промысловые суда, следовало сопровождать их по возможности до Архангельска. В случае появления неприятельских судов, при соразмерности сил, катера должны были их атаковать, а при превосходстве неприятеля – стараться соединиться с фрегатами и атаковать общими силами. Для выполнения всех поставленных задач на катера и фрегаты определили по два лоцмана, знавших все речные протоки и заливы Белого моря. М. К. Макаров также получил указание проводить учения команд фрегатов, набранных из рекрутов, по управлению кораблями, стрельбе из ружей и теоретическому обучению стрельбе из пушек. Для предупреждения высадки неприятельского десанта в каждое из трех устьев Северной Двины (Березовское, Мурманское и Пудожемское) посланы были по две канонерские лодки⁴⁴.

Под защитой артиллерийских батарей и фрегата «Наян» в Лапоминской гавани стояли вооруженные пушками четыре корабля, один фрегат, пять ластовых судов и одна яхта. Для охраны адмиралтейства И. Я. Барш отдал в июне 1790 года строгий приказ караульным офицерам

на морской гауптвахте, чтобы седьмую часть адмиралтейских служителей разделить по всем эллингам для несения караула по два человека, которые бы бдительно охраняли в ночное время вверенную им территорию и всех подозрительных людей, входивших в адмиралтейство, задерживали⁴⁵.

Архангельское адмиралтейство продолжало тем временем строить суда для Балтийского флота. 24 января Адмиралтейств-коллегия приказала у города Архангельского к весне 1791 года построить два корабля (74-пушечный и 66-пушечный) и два фрегата. 14 июня все суда были заложены (спущены на воду в мае 1791 года). Эллинги и устья рек Соломбалка и Курья, расположенных на территории адмиралтейства, для дополнительной защиты оградил бонами⁴⁶.

В июне 1790 года И. Р. Ливен по предложению советника по таможенным делам Архангельской казенной палаты М. Н. Радищева утвердил особые указания для повышения бдительности таможенников. Предпринятые меры распространялись на Архангельскую и Онежскую таможни и включали в себя объезды гавани днем и ночью, тщательный досмотр судов (для предотвращения провоза спрятанных людей) и членов команды при спуске на берег, чтобы не допустить организации ими диверсии (поджога судов), обязательную проверку документов всех судовых служителей для выяснения их нации и места, откуда они прибыли. Все лето М. Н. Радищев еженедельно отчитывался И. Р. Ливену обо всем происходящем в порту, в устьях реки и на море. Обстановка везде оставалась спокойной⁴⁷.

9 августа 1790 года генерал-губернатор Т. И. Тутолмин поздравил правителя Архангельского наместничества И. Р. Ливена с окончанием войны и началом спокойного мира, отдал приказ о разоружении батарей и отпуске служителей по домам⁴⁸. Война со Швецией завершилась, и ожидаемое нападение на Русский Север так и не состоялось.

ВЫВОДЫ

Как показывает исследование, Швеция не планировала крупных военных операций по нападению на Русский Север, для этого она не располагала необходимыми военно-морскими и сухопутными силами. Отвлекающие внимание от основного направления продвижения шведской армии боевые действия в северо-западной Карелии не состоялись из-за неготовности к ним шведских подразделений. Тем не менее Екатерина II и российское правительство, не будучи осведомленными во всех подробностях о военных

планах неприятеля, проявляли обеспокоенность состоянием обороны Карелии и Беломорья с момента получения сведений о подготовке Швеции к войне. Россия участвовала в войне с Турцией, часть армии и флота необходимо было, кроме того, сосредоточить на обороне Санкт-Петербурга, на помощь Северу дополнительных сил почти не оставалось. В Карелии же находился Александровский завод, обеспечивавший армию и флот артиллерией, и Кончезерский литейный завод; в Архангельске – адмиралтейство, строившее военно-морские суда для Балтики. Важным представлялось и сохранение внешней торговли с Западной Европой через Архангельск, что давало необходимые денежные поступления в бюджет. На локальном уровне проблема состояла и в обеспечении безопасности морских промыслов поморского населения. В то же время на Крайнем Севере никакой охраны границы, кроме таможенных постов, не существовало, как и военного флота на Белом море, сил одного Белозерского полка для закрытия шведско-карельской границы на севере было недостаточно. Как показывает анализ документов, к началу войны защита северных рубежей, как на суше, так и на море, была организована слабо.

Осознавая всю опасность положения, правительство и местная администрация сделали все возможное для мобилизации ресурсов и проведения оборонительных мероприятий: назначались и переводились на Север опытные военные руководители, с которыми императрица и правительство поддерживали постоянную связь, отправлялись дополнительные сухопутные силы, выделялись финансовые средства и вооружение, заготавливались провиант и фураж, призывались добровольцы в армию и на флот, формировались команды наемных рабочих для строительства земляных укреплений. Все указанные мероприятия позволили укрепить границу на территории Олонецкого и Архангельского наместничеств, обеспечить защиту Архангельского порта и адмиралтейства.

Требует дополнительного изучения вопрос о взаимодействии местного руководства и населения по вопросам организации ополчения, рекрутских наборов, возмещения населению убытков в связи с затратами на содержание армии. Из запланированных действий не удалось осуществить диверсию в шведские владения с территории северо-западной Карелии. Первоначально не хватало сухопутных войск, потом Г. Спренгporten, как руководитель операции, уехал в Санкт-Петербург и занимался там другими вопросами, позднее шведские войска пред-

приняли усилия, чтобы перекрыть со своей стороны все основные приграничные дороги, и диверсию осуществить стало сложнее, позднее от нее отказались. Однако Т. И. Тутолмин сделал все, что от него требовали, для подготовки данной диверсии.

Следует отметить, что возникавшие проблемы с дефицитом вооружения и численного состава армии и флота решались достаточно оперативно, связь между руководителями различного уровня была хорошо налажена. Распорядительные документы и инструкции Т. И. Тутолмина,

И. Р. Ливена, И. Я. Барша, сохранившиеся в архивных фондах, позволяют сделать вывод об их умении объективно оценивать ситуацию, отдавать четкие указания, умело координировать работу подчиненных, что в целом способствовало выполнению правительственных задач по подготовке Русского Севера к обороне. Однако все меры предпринимались в основном уже в ходе военных действий, к началу войны северные территории России практически не имели необходимого уровня защиты от нападения противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сексте Я. А. Русско-шведская война 1788–1790 гг.: из истории внешней политики России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 14–19.
- ² Брикнер А. Г. Война России со Швецией в 1788–1790 гг. СПб., 1869. С. 124.
- ³ Там же. С. 136–137.
- ⁴ Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Вып. 1. СПб., 1893. С. 186, 191.
- ⁵ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Т. 1. СПб., 1889. С. 141.
- ⁶ Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 212–220.
- ⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. 642 с.; Ч. XIV. СПб., 1890. 746 с.
- ⁸ Письма императрицы Екатерины II к Тимофею Ивановичу Тутолмину // Русский архив. 1873. № 12. С. 2273–2286.
- ⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 540.
- ¹⁰ Протоколы Совета 1787–1796 // Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. 1074 с.
- ¹¹ Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 41; 1873. № 72.
- ¹² Письма императрицы Екатерины II к Тимофею Ивановичу Тутолмину // Русский архив. 1873. Т. 22. С. 2273.
- ¹³ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 277. Л. 1–6.
- ¹⁴ Протоколы Совета... С. 566.
- ¹⁵ Там же. С. 576.
- ¹⁶ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии... С. 141.
- ¹⁷ Письма императрицы Екатерины II к Тимофею Ивановичу Тутолмину... С. 2275–2277.
- ¹⁸ Протоколы Совета... С. 586.
- ¹⁹ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии... С. 143.
- ²⁰ Письма императрицы Екатерины II к Тимофею Ивановичу Тутолмину... С. 2279–2280.
- ²¹ Там же. С. 2281.
- ²² ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1а. Д. 225. Л. 15–18 об.; Д. 229. Л. 12.
- ²³ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии... С. 142.
- ²⁴ Там же. С. 176.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 540. Л. 64; ГААО. Ф. И-1367. Оп. 2. Д. 701. Л. 2.
- ²⁶ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 332. Л. 1–10; Д. 335. Л. 2–3.
- ²⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 356, 499, 564.
- ²⁸ Протоколы Совета... С. 710.
- ²⁹ Остатки батарей, сохранившихся в Повенецком уезде, Олонецкой губернии, со времени Шведской войны, 1788–1790 года (Извлечено из донесений волостных правлений) // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 72. С. 829–830.
- ³⁰ Набеги финнов и шведская война // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 41. С. 157.
- ³¹ НАРК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40. Л. 208–208 об.
- ³² Материалы для истории русского флота. Ч. XIV. СПб., 1890. С. 6, 285.
- ³³ Письма императрицы Екатерины II к Тимофею Ивановичу Тутолмину... С. 2284–2285.
- ³⁴ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 5–6.
- ³⁵ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1а. Д. 243. Л. 10.
- ³⁶ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 10–11.
- ³⁷ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 2–16, 141, 204.
- ³⁸ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 60, 246–246 об., 308–309, 368; НАРК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 3.
- ³⁹ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 164, 254.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 216–226.
- ⁴¹ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 480. Л. 1.
- ⁴² Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 102–103.

- ⁴³ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 222–222 об.
⁴⁴ Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 213–219.
⁴⁵ Там же. С. 220.
⁴⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. XIV... С. 281, 297–298, 358.
⁴⁷ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 265–267, 280–287.
⁴⁸ ГААО. Ф. И-1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474 ОЦ. Л. 338.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
- Вольке Л. Э. Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 56–84.
- Гостев И. М., Давыдов Р. А. Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск: Фонд развития Соловецкого архипелага, 2014. 262 с.
- Кликачева А. А., Черняков О. В., Шишмолина Е. П. Известный (?) автор неизвестного описания Карелии XVIII века // Научный диалог. 2015. № 11. С. 132–147.
- Лаппалайнен Ю. Т. Война Густава III, 1788–1790 // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2016. Вып. 1. DOI: 10.15393/j103.art.2016.441 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=441> (дата обращения 14.10.2023).
- Лебедев А. А. Балтийский парусный флот в русско-шведских войнах XVIII – начала XIX вв.: достижения и проблемы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной междунар. науч. конф. (11–12 апреля 2012 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2013. С. 185–198.
- Пулькин М. В. Российско-шведское противостояние в Карелии (XVIII – начало XIX вв.) // Studia Humanitatis. 2018. № 4. DOI: 10.24411/2308-8079-2018-00012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-rossiysko-shvedskoe-protivostoyanie-v-karelii-xviii-nachalo-xix-vv> (дата обращения 23.04.2023).
- Сексте Я. А. Русско-шведская война 1788–1790 гг.: страницы истории внешней политики России. СПб.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. 173 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36814567> (дата обращения 10.05.2023).
- Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854): Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960. 48 с.
- Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 184 с.
- Фруменков Г. Г. Тревожное столетие // Архангельск 1584–1984. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. С. 38–43.
- Arteus G. Gustav III: militära lederskap // Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus. Stockholm: Probus, 1992. S. 175–183.
- Ericson L. Kriget till lands 1788–1790 // Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus. Stockholm: Probus, 1992. S. 69–109.
- Glete J. Kriget till sjöss 1788–1790 // Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus. Stockholm: Probus, 1992. S. 110–174.
- Jacobsson A. Gustaf III och sjökriget 1788–1790. Stockholm: Författares Bokmaskin, 2007. 175 s.
- Markelius M. Gustav III :s arme. Stockholm: Medströms Bokförlag, 2020. 440 s.
- Rystad G. 1788: Varför krig? // Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus. Stockholm: Probus, 1992. S. 9–22.

Поступила в редакцию 03.07.2023; принята к публикации 02.10.2023

Original article

Tat'yana S. Minaeva, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-0875-7131; t.minaeva@narfu.ru
Nikita A. Khrebtov, Postgraduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
ya.nax1999@yandex.ru

ORGANIZATION OF DEFENSE OF THE RUSSIAN NORTHERN BORDERS IN THE RUSSO-SWEDISH WAR (1788–1790)

Abstract. The authors analyze the level of readiness of the northern territories of Russia for defense on the eve of and during the Russo-Swedish War of 1788–1790 on the basis of official and clerical documents. The purpose of the

study is to find out how the strengthening of the defense of the country's northern borders was carried out at the time under study and to assess the timeliness of its implementation. The research novelty of the article is that it presents the comprehensive study of the measures taken to strengthen the defense of the northern territories of Russia, determines the reasons for Sweden's failure to carry out an attack on northwestern Karelia and the White Sea, and assesses the activities of central and local authorities to solve defense problems in the north of the country. The relevance of the study is to demonstrate the need for timely formulation and completion of defense tasks by the Russian government. The authors conclude that the North of Russia, despite the importance of these territories for the industrial development of the country, the development of the navy, the provision of the army and navy with weapons, remained poorly protected, and only the unpreparedness of the enemy for simultaneous actions on the Baltic Sea, in Karelia and the White Sea region saved the territories of the Arkhangelsk and Olonets governorate from ruin. During the war, all the main tasks of strengthening the defense of the northern borders were completed.

Key words: eighteenth-century Russia, North of Russia, Russo-Swedish War of 1788–1790, defense

For citation: Minaeva, T. S., Khrebtov, N. A. Organization of defense of the Russian northern borders in the Russo-Swedish War (1788–1790). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):75–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.977

REFERENCES

1. Beskrovny, L. G. Russian army and navy in the XVIII century. Moscow, 1958. 645 p. (In Russ.)
2. Wolke, L. E. Retrospective of Russian-Swedish military relations from 1771 to 1809. *Russian Collection: studies on the history of Russia. Vol. XVII: Finland and Russia*. Moscow, 2015. P. 56–84. (In Russ.)
3. Gostev, I. M., Davydov, R. A. The Russian North in the wars of the XVI–XIX centuries. Arkhangelsk, 2014. 262 p. (In Russ.)
4. Klikacheva, A. A., Chernyakov, O. V., Shishmolina, E. P. Known (?) author of unknown description of Karelia of XVIII century. *Scientific Dialogue*. 2015;11(47):133–147. (In Russ.)
5. Lappalainen, J. T. Gustav III's Russian War, 1788–90. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2016. DOI: 10.15393/j103.art.2016.441. Available at: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=441> (accessed 14.10.2023). (In Russ.)
6. Lebedev, A. A. Baltic sailing fleet in the Russian-Swedish wars of the XVIII – early XIX centuries: achievements and problems. *Saint Petersburg and the Nordic countries: Proceedings of the fourteenth annual international research conference (11–12 April 2012)*. St. Petersburg, 2013. P. 185–198. (In Russ.)
7. Pulkin, M. V. Russian-Swedish confrontation in Karelia (18th – early 20th centuries). *Studia Humanitatis*. 2018;4. Available at: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-rossiysko-shvedskoe-protivostoyanie-v-karelii-xviii-nachalo-xix-vv> (accessed 23.04.2023). (In Russ.)
8. Sekste, Ya. A. The Russo-Swedish War of 1788–1790: pages of the history of Russian foreign policy. St. Petersburg, 2015. 173 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36814567> (accessed 10.05.2023). (In Russ.)
9. Ushakov, I. F. The Kola prison. Military history essay (1583–1854). Murmansk, 1960. 48 p. (In Russ.)
10. Frumenkov, G. G. The Solovetsky Monastery and the defense of the White Sea in the XVI–XIX centuries. Arkhangelsk, 1975. 184 p. (In Russ.)
11. Frumenkov, G. G. The disturbing century. *Arkhangelsk, 1584–1984*. Arkhangelsk, 1984. P. 38–43. (In Russ.)
12. Arteus, G. Gustav III: militära lederskap. *Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus*. Stockholm, 1992. S. 175–183.
13. Ericson, L. Kriget till lands 1788–179. *Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus*. Stockholm, 1992. S. 69–109.
14. Glete, J. Kriget till sjöss 1788–1790. *Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus*. Stockholm, 1992. S. 110–174.
15. Jacobsson, A. Gustaf III och sjökriget 1788–1790. Stockholm, 2007. 175 s.
16. Markelius, M. Gustav III:s arme. Stockholm, 2020. 440 s.
17. Rystad, G. 1788: Varför krig? *Gustav III:s ryska krig. Red: Gunnar Arteus*. Stockholm, 1992. S. 9–22.

Received: 3 July 2023; accepted: 2 October 2023

СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ АНАНЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент, профессор
Академия военных наук
Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)
sergey_ananyev1982@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

А н н о т а ц и я . Общественное мнение в Российской империи формировалось прежде всего посредством печати, которая в условиях либерально-буржуазных преобразований 2-й половины XIX века фактически выступала в роли четвертой власти. Поднявшаяся в начале 1860-х годов волна анти-русского протеста в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи, опиравшаяся на материальную помощь польских земельных магнатов и духовную поддержку со стороны местного католического духовенства, грозила государству отторжением его западных окраин при полной поддержке ведущих стран Запада. Борьбу за умы российского общества активно вела и революционная демократия во главе с политическим эмигрантом А. И. Герценом, ставившая своей целью свержение самодержавной власти в России в тесном союзе с польскими революционерами. Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть, каким образом в сложившихся условиях печать оказывала поддержку правительственной политике, проводимой в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Для достижения поставленной цели был проведен анализ неопубликованных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованных материалов. Используются ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и общенаучные методы исследования. В статье показано, что характерным признаком общественной мысли по «польскому вопросу» было то, что она находилась в постоянной динамике и менялась, эволюционируя от сдержанно-одобрительной риторики в преддверии польского восстания к осуждению мятежников и поддержке правительственной политики в крае начиная с 1863 года. Официальная печать оказала существенную интеллектуальную поддержку правительственной политике в деле русификации региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : общественная мысль, «польский вопрос», пропаганда, польское восстание, Северо-Западный край, русификация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ананьев С. В. Общественная мысль в обеспечении безопасности в период польского восстания 1863–1864 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 86–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.978

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НАКАНУНЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

Обеспечение системы безопасности является важнейшей функцией государства и имеет целью предупреждение и пресечение действий, нарушающих порядок и спокойствие. Одним из инструментов ее реализации является привлечение официальной печати. Присоединение восточных территорий бывшей Речи Посполитой, вследствие трех ее разделов в последней четверти XVIII столетия, способствовало возникновению на западных окраинах Российской империи по-

стоянного очага социальных, конфессиональных и национальных противоречий. С того времени территория западных окраин Российской империи стала ареной русско-польской вооруженной и информационной войн, в которой печать, выступавшая главным рупором общественного мнения, играла важную роль. В связи с этим в начале XIX века возникло понятие «польского вопроса» как главного деструктивного фактора национальной политики России. Он достиг своей кульминации в процессе двух польских восстаний XIX века и стал одним из культурологических вызовов для государства. Польский

вопрос на протяжении всего столетия оставался актуальным и был в центре внимания философов, историков, политиков того времени.

В дореволюционный период рупорами правительственного курса в западных окраинах империи и представителями официальной мысли выступали такие авторы, как М. П. Погодин¹, С. М. Соловьев², М. Н. Катков³, М. О. Коялович⁴, Ф. М. Уманец⁵, А. А. Корнилов⁶ и др. Рост националистических настроений в русском обществе, вызванный польским восстанием 1863–1864 годов, привлек на свою сторону немалое количество российских поэтов и писателей того времени. Вопросы о роли общественной мысли применительно к событиям польского восстания и о проводимой правительственной политике в западных губерниях Российской империи освещались как в советской, так и современной российской историографии.

У истоков советской школы историков-полонистов стояли В. И. Пичета и И. С. Миллер. Определенная доля информации об общественной мысли в период восстания 1863–1864 годов и проводимой царской властью политике на западных окраинах содержится как в монографиях, так и сборниках, изданных в честь 100-летнего юбилея события [4], [5], [14], [18]. Некоторые сведения о роли официальной печати в правительственной политике в регионе можно найти в работах В. Г. Ревуненкова [15], В. А. Дьякова [9], В. А. Твардовской [19], С. М. Самбук [16], Н. И. Цимбаева [21].

В 1990-е годы состоялись первые русско-польские конференции по различным аспектам взаимоотношений между двумя народами; в российской историографии в той или иной степени данные вопросы были затронуты в научных работах Л. Е. Горизонтова [6], В. Я. Гросула [7], Л. М. Аржаковой [2], С. И. Ивановой [10], О. С. Каштановой [11], Г. А. Малютина [12].

Накануне польского восстания 1863–1864 годов общественное мнение по польскому вопросу существенно активизировалось. Во многом это было связано со сложившейся исторической традицией противостояния двух славянских народов, особенно на религиозной почве. В 50-х годах XIX века возникла тенденция к сочувственному отношению русских к печальной судьбе поляков и их прекратившего существование государства, что впоследствии умело использовали революционеры-агитаторы. Более того, и в части правительственных кругов господствовали полонофильские настроения. В условиях кризиса самодержавия после окончания Крымской войны заметно активизировалась революци-

онно-демократическая печать, вставшая на «пораженческие» позиции и уступки по отношению к полякам, развернувшим под лозунгами национально-освободительной борьбы с царизмом протестное движение, вылившееся в дальнейшем в вооруженный мятеж.

Известнейшие отечественные демократы того времени – А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский однозначно высказались за отделение Царства Польского от России. А. И. Герцен писал: «Для нас русских важен вопрос: ждать ли нам, пока нас со срамом выгонят из Польши, или мы сами... обратим поляков в вернейших друзей России»⁷. Он вел активную переписку с польским революционным комитетом, пропаганду посредством распространения листовок, прокламаций и отдельных изданий антиправительственного содержания, не только среди населения, но и в офицерской среде⁸. Кроме самого А. И. Герцена в защиту поляков выступили Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, революционная организация «Земля и воля». Особая поддержка польского сепаратизма шла из Лондона. В свою очередь Н. Г. Чернышевский, признавая данный вопрос прерогативой самого польского народа, отмечал по этому поводу: «Нам кажется... что у могущественного русского орла очень много своих домашних русских дел»⁹. Польские революционеры со своей стороны применяли все средства для того, чтобы переключить русское общественное мнение на призрак опасности украинофильства, отвлекая внимание от реальной угрозы полонизма в Северо-Западном крае¹⁰.

Либеральная пресса также отреагировала на обострение польского вопроса в связи с активизацией польского общественного движения 1861–1862 годов, предшествовавшего вооруженному восстанию, полагая, что поляки сами должны решить свою судьбу. Однако в этой связи решающее слово должно было остаться за официально-охранительной печатью, и оно было сказано лидером консервативной прессы М. Н. Катковым, который именно с того времени становится главным рупором самодержавия. Он развернул полемику с герценовским «Колоколом», которая была показательной в плане борьбы двух идеологических направлений за общественное сознание в российском обществе. В 1862 году в журнале «Русский Вестник» он поместил «Заметку» для издателей «Колокола», в которой назвал Герцена бездушным фразером, хладнокровно призывающим молодежь к кровопролитию: «Ему ничего – пусть прольется кровь юношей-фанатиков. Он в сторо-

не – пусть она прольется. Он поет им о святом нетерпении»¹¹.

Таким образом, общественное мнение в России разделилось, и вопрос о том, что делать с Польшей и Северо-Западным краем, населенным преимущественно белорусским и литовским населением (в исторической памяти которых не было ностальгии по канувшей в Лету колонизировавшей их земли Речи Посполитой), оставался нерешенным.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

В январе 1863 года политические манифестации и демонстрации неожиданно для царского правительства трансформировались в вооруженное восстание. Польские мятежники взялись за оружие в целях не только обособления самого Царства Польского от Российской империи, но и присоединения к первому западных губерний. В январе 1863 года «Земля и воля» начала издание листовок с названием «Свобода» в поддержку восстания [17: 174].

Симпатии польскому восстанию высказали К. Маркс и Ф. Энгельс. В феврале 1863 года Ф. Энгельс написал К. Марксу: «Поляки – молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания». Однако уже в июне он был обеспокоен тем, что в России так и не началось широкомасштабное крестьянское движение [3: 97], на которое был расчет классиков пролетарской революции.

Видя очевидную поддержку со стороны А. И. Герцена, польские революционные деятели пытались привлечь на свою сторону и голос Н. Г. Чернышевского. Польская революционная эмиграция проявляла активность в Англии, Франции, Швейцарии. В Лондоне, например, была издана брошюра на русском языке «Солдатские песни», в которой содержались антиправительственные воззвания, десятки тысяч ее экземпляров были высланы в Польшу и Западную Россию для раздачи русским солдатам¹². Проекты по отделению Польши от России в границах 1815 года с предоставлением ей независимости предлагали в 1863 году П. В. Долгоруков, Н. П. Огарев, Н. А. Серно-Соловьевич. Следует отметить, что поддержка польского восстания не способствовала развитию революции в России, а напротив, ударила по репутации как самого А. И. Герцена, так и всего революционного движения [7: 384–385]. Так, на страницах «Колокола» А. И. Герцен писал:

«Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим

независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих... Мы против империи, потому что мы за народ»¹³.

Все это, как известно, вызвало дипломатическое вмешательство иностранных держав в поддержку мятежников и уже совсем скоро резко изменило и без того негативное отношение русского общества к полякам¹⁴.

Восстание 1863–1864 годов сделало шаг к политической реакции по всей России и отсрочило дальнейшие социальные преобразования в стране. Началось широкое патриотическое движение. Жестокость польской «народовой стражи» и кинжальщиков, терроризировавших местное население и представителей царской власти на местах, да и самих польских мятежников по отношению к пленным русским солдатам и офицерам окончательно склонила чашу весов в пользу всеобщего общественного осуждения действий повстанцев. Революционное брожение 1863 года быстро пошло на убыль, а польское восстание близилось к завершению.

События польского восстания привели к всплеску национального самосознания в русском обществе. В. И. Ленин впоследствии вынужден был признать, что «вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши»¹⁵. Заявления польского революционного комитета о необходимости овладения мятежниками Приднепровьем и Северо-Западным краем усилили эти настроения. В общественном мнении начала доминировать мысль и о том, что не стоит делать уступки полякам даже в самом Царстве Польском, иначе это станет базисом для распространения уступок и в западнорусских землях.

Общественное мнение в России было возмущено жертвами польского восстания. Вполне логично, что после событий начала 1863 года к «полякам» и «панам» в печати стали приклеивать новые эпитеты – *фанатичный католик, враг освобождения крестьян, враг реформ, защитник узкословных привилегий* и т. п. Публицист того времени А. В. Никитенко отметил, что гнусно убивать спящих и безоружных солдат, а А. А. Фет написал Л. Н. Толстому, что «готов хоть сию минуту тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица»¹⁶.

Отношение к польским событиям выразили и русские офицеры. Большая часть русских солдат и офицеров была возмущена тем, что польские революционеры призывали их к неповиновению правительству¹⁷. Царский генерал Н. К. Имеретинский, вспоминая польские события, так выразил общее мнение простого рус-

ского народа относительно польского восстания: «Поляки, слышно, опять забунтовали... вон оно что! Пора бы и нам пошевелиться. Неужели сидеть на печи и есть калачи!»¹⁸

Солидарность русскому правительству выразили многие: как частные лица, так и различные общественные организации. Письма поступили от остзейского, самарского, гомельского и моголевского дворянства, ковенского еврейского общества, из Казанского университета, от бессарабских землевладельцев, дворян Санкт-Петербургской и Полтавской губерний, малороссийских казаков, московского и нижегородского дворянства, от Казанского татарского общества, владимирского городского общества и московских старообрядцев, от новгородского, тверского дворянства¹⁹ и мн. др.

Либералы поначалу колебались в своих оценках и отношении к происходившим в 1863 году событиям, но и они в дальнейшем поддерживали правительство и проводимую им политику. Славянофилы поддержали и развили мысль Ф. И. Тютчева о Польше как об «Иуде славянства» [20: 15]. И. С. Аксаков главным организатором восстания признавал шляхту, революционную эмиграцию и католическое духовенство. Для того чтобы нивелировать их влияние, он предлагал издание в крае газеты, которая сформировала бы там русское общественное мнение. А. И. Кошелев считал, что Польшу необходимо окончательно присоединить к России, разделить на губернии и связать их воедино, что и легло в основу дальнейших преобразований.

Профессор русской истории М. П. Погодин также негативно отреагировал на события 1863 года. Сначала он был за полное отделение Польши, затем, в 1850-х годах – за предоставление ей автономии, а в 1862 году счел нежелательным ее отсоединение от России. М. П. Погодин писал, что поляки – «несчастный народ, который должен терпеть и страдать из-за мечтаний несбыточных одной безумной шайки!»²⁰ При этом он прозорливо отметил, что подогреваемая в печати полонофобия в дальнейшем может привести к травле польского населения. Даже у классиков литературы XIX века Польша стала представляться «гидрой», само слово «поляк» для многих стало тождественно предательству.

На этой антипольской волне обрел популярность М. Н. Катков. Он отмечал, что польское восстание вспыхнуло из-за беззаботности и просчетов русской администрации края, и осознал силу общественного мнения и печатного слова. С просьбой поддержать в печати мнение о необ-

ходимости жестких мер по отношению к полякам, подготовить общественное мнение в данном направлении обращался к нему М. Н. Муравьев²¹. Именно с подачи М. Н. Каткова польское восстание 1863 года в официальной печати представлялось как затея относительно небольшой части общества – шляхты, католического духовенства. Он писал, что восстание подняло русский национальный дух и укрепило в сознании убеждение, что данный край – русский.

В воображении многих русских националистов подавление восстания 1863 года с тех пор ассоциировалось со славными событиями 1612 и 1812 годов и освобождением русского народа от «польского ига». Это представление продолжало культивироваться на страницах газет и журналов. В праворадикальных изданиях и во все утверждалось, что, если не будет поляков, не будет и восстаний. Наиболее радикальные представители предлагали сугубо ассимиляторские методы при проведении политики русификации в крае – взять на вооружение опыт французов в Эльзасе и немцев в Познани.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ОТНОШЕНИИ ПРОВОДИМОЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1863–1865 ГОДАХ

После подавления польского восстания в 1863–1864 годах имперское правительство приступило к политике русификации Северо-Западного края. Ключевой фигурой для пропаганды консервативной печатью был выбран генерал-губернатор края М. Н. Муравьев. Имя М. Н. Муравьева стало одним из важнейших идейно-политических символов формирующейся западнорусской идеологии. После «успокоения» Северо-Западного края М. Н. Катков в московской печати начал создавать образ Муравьева – благообразного и мудрого правителя, друга Отечества.

М. Н. Катков считал самодержавный строй единственно возможным. Он отмечал, что Польшу необходимо держать вооруженной рукой и что в этом заключается историческая необходимость, а сохранение целостности и единства для пореформенной России – вопрос жизни и смерти. Суждения М. Н. Каткова отличались крайне негативным отношением и к католичеству: он активно выступил за его реформирование на территории Российской империи. Ему принадлежала идея «русского католика» [8: 485], а также создания народных ополчений для борьбы с мятежниками. Михаил Никифорович начал кампанию за организацию так называемой обывательской «стражи» [19: 53]. Не случайно

обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев в дальнейшем резонно заметил, что «были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова» [19: 3]. Действительно, такие издания М. Н. Каткова, как «Московские ведомости», «Русский вестник», «Современная летопись», оказывали влияние на политику самодержавия на протяжении целой эпохи. Газета «Русский вестник» и вовсе дерзко вторглась в обсуждение политических вопросов, в том числе и государственного уровня. М. Н. Катков осмелился обвинить наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича в слабости и измене.

Виленский наместник также сделал упор на пропаганду в центральной региональной газете «Виленский вестник», учредив для главного редактора А. Киркора ежегодную субсидию в 4 тыс. рублей. Журнал «Вестник Западной России» тоже должен был вести борьбу с революционными идеями, национально-освободительной идеологией и т. п. Его первый номер вышел в 1864 году. В нем восхвалялось все, что касалось русификации: авторы стремились представить польское восстание акцией одних лишь польских помещиков, недовольных освобождением крестьян.

Следует отметить, что М. Н. Муравьев целенаправленно приглашал в край русских писателей, публицистов и журналистов с целью популяризации проводимой правительством политики. Представители официального направления (В. Ф. Ратч²², Н. И. Цылов²³, И. П. Корнилов²⁴, А. Н. Мосолов²⁵) написали ряд работ, в которых меры М. Н. Муравьева в крае расценивали как положительные и благотворные для большинства жителей (прежде всего для крестьянства). Работа генерал-майора В. Ф. Ратча о польском восстании носила публицистический характер и являлась заказной со стороны властей, как и работа попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова. Бывший член Виленской Следственной комиссии Н. И. Цылов за свой труд в лагере либеральной прессы получил характеристику «полицейского литератора». В целом для них была характерна католикофобская и полонофобская риторика [13]. Консервативный публицист С. П. Сушков, например, предлагал сосредоточить все польское население империи в пределах Царства Польского.

Многие русские либералы после 1863 года стали заядлыми реакционерами на страницах журнальной прессы, что являлось скорее общей тенденцией, нежели исключением. Проводимая политика русификации в Царстве

Польском находила поддержку и у главного либерального журнала «Вестник Европы» вплоть до 80-х годов XIX века. Так, В. А. Елагин считал, что в «безумстве» поляков виновато само русское общество: русские должны отделаться от мысли, что Польша есть государство, так как оно уже не существует, ее стоит воспринимать лишь как общественную силу.

И. С. Аксаков полагал, что поляков необходимо устранить от всех должностей и принять тезис о том, что единственный в крае хозяин – это русский народ. Он пришел к выводу, что никакого примирения между русской народностью и полонизмом, православием и латинством быть не может²⁶. В дальнейшем, по его мнению, следует продолжить борьбу с «польским элементом» в Северо-Западном крае и не ослаблять ее. Другой апологет славянофильства А. Ф. Гильфердинг также выступал за укрепление русских начал в крае [1]. Представитель славянофилов Ю. Ф. Самарин признавал необходимость и важность политики русификации в Северо-Западном крае. В письме к матери он отразил отношение к М. Н. Муравьеву и его политике в крае: «Про самого Муравьева могу сказать только одно – что я его уважаю, по-моему, он действует так, как следует в настоящее время – без жестокости, но строго»²⁷.

Иного мнения относительно польского восстания и судеб повстанцев придерживались отечественные радикалы. Так, утверждалось, что Александр II утопил польскую революцию в крови, а Муравьев удушил ее на эшафоте²⁸. А. И. Герцен в бессильном негодовании писал: «Проклятие вам, проклятие, и если возможно – мечь»²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальная общественная мысль сыграла немаловажную роль в обосновании правильности внутривластного курса, выбранного царским правительством в Северо-Западном крае в 1863–1865 годах с целью укрепления системы безопасности на западных окраинах империи. Обстановка в крае с началом польского восстания 1863–1864 годов возымела обратный эффект, вызвав всплеск патриотизма и полонофобии в русском обществе, настроения которого и выразила в те годы не только консервативная, но и либеральная печать. Достаточно упомянуть тот факт, что тираж оппозиционного «Колокола» упал в 4–5 раз. На этой волне официальная печать, прежде всего в лице М. Н. Каткова, а также представителей царской администрации края, обрушила критику как на представителей

двух лагерей польского восстания («красных» и «белых»), так и на всех противников репрессивных мер в Северо-Западном крае после подавления польского восстания.

В конечном счете польское восстание 1863–1864 годов, выступив, как ни парадоксально, катализатором объединения русского общества, коренным образом изменило и общий правительственный курс, ставший в том числе реакцией властей на общественную консолидацию. «Великие реформы» Александра II, можно сказать, продолжались скорее по инерции, и царская власть уже не испытывала прежней эйфории от задуманных проектов – в стране появлялись предпосылки политической реакции. М. Е. Салтыков-Щедрин написал, что «поль-

ская смута» принесла Российскому государству немало вреда и главный ее вред заключается в том, что она «вызвала наружу те темные силы, на которые мы уже смотрели, как на невозвратное прошлое...»³⁰.

Именно с 1863 года в Северо-Западном крае Российской империи в течение следующих десятилетий в решении национального вопроса применялась модель с превалированием методов русификации и унификации, в ответ на которые польское общество ответило порождением таких явлений, как «отсутствующие» и «упорствующие», не оставляя российским властям надежд на идеологический и политический реванш, состоявшийся по меркам исторического времени в тех землях уже совсем скоро.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: Тип. газеты «Русский», 1867.
- ² Соловьев С. М. История падения Польши. М.: Тип. Грачева и К^о, 1863. 370 с.
- ³ Катков М. Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. 1863 год. Вып. 1. М.: Унив. тип., 1887. 662 с.
- ⁴ Коялович М. Лекции по истории Западной России. М.: В тип. Бахметева, 1864. 393 с.
- ⁵ Уманец Ф. М. Вырождение Польши. СПб.: Тип. М. Хана, 1872. 341 с.
- ⁶ Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг.: Огни, 1915. 93 с.
- ⁷ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Вильна, 1867. С. 151.
- ⁸ Герцен и Польша // Октябрь. 1945. № 3. С. 105–106.
- ⁹ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. М., 1950. С. 383.
- ¹⁰ Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886: Т. 1–7. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886–1887. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М., 1886. С. 301.
- ¹¹ Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // Русский вестник. 1862. Т. 39. С. 834–852.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 945. Оп. 1. Д. 101. Л. 245.
- ¹³ Колокол. 1963. № 160.
- ¹⁴ Барриве Л. Освободительное движение в царствование Александра II. М.: Образование, 1909. С. 29.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений М.: Изд-во Политической литературы, 1961. Т. 21. С. 260.
- ¹⁶ Старый спор. Русские поэтические отклики на польские восстания 1794, 1830 и 1863 годов. Челябинск: ЧП Рейх А. П., 2006. С. 103.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 101. Л. 240 об.
- ¹⁸ Имеретинский Н. К. Воспоминания о графе М. Н. Муравьеве // Исторический вестник. 1892. Т. 50, № 12. С. 684.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 102. Л. 58–66.
- ²⁰ Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М.: Тип. О. Б. Миллера, 1876. С. 544.
- ²¹ Каспарович Э. Л. Польский вопрос в России. Открытое письмо к русским публицистам польского дворянина. Лейпциг, 1896. С. 70.
- ²² Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России...
- ²³ Сборник распоряжений графа М. Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864 гг. / Сост. Н. И. Цылов. Вильна, 1866. 385 с.
- ²⁴ Корнилов И. П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева: к истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб., 1898. 240 с.
- ²⁵ Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг.: (Муравьевское время). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898. 254 с.
- ²⁶ Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886... С. 255.
- ²⁷ «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. М., 2008. С. 44.
- ²⁸ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 132.
- ²⁹ Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России... С. 253.
- ³⁰ Щедрин и польское восстание 1863 года // Литературное наследство. 1933. № 11–12. С. 147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржакова Л. М. Данилевский Н. Я. и его современники о месте поляков в славянском мире // Славянский альманах. 2008. Вып. 13. С. 69–80.
2. Аржакова Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. 343 с.
3. Бобинская Ц. К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе // Вопросы истории. 1959. № 10. С. 86–106.
4. Восстание 1863 г. Материалы и документы. Т. 1–20. М.; Wrocław, 1961–1974.
5. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М.: Наука, 1965. 645 с.
6. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индикатор, 1999. 272 с.
7. Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО-XXI, 2013. 560 с.
8. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
9. Дьяков В. А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки. М., 1978. С. 147–161.
10. Иванова С. И. Польский вопрос в русской философии культуры 2-й половины XIX века: Дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2011. 159 с.
11. Каштанова О. С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 51–80.
12. Малютин Г. А. Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. СПб.: Нестор-История; М., 2013. 206 с.
13. Матвейчик Д. Ч. «Муравьевцы» в историографии: исследования в Российской империи истории восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси (1863–1869 гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 4 (28). С. 75–88.
14. Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 334 с.
15. Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. 357 с.
16. Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1976. 184 с.
17. Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши: 30–60-е гг. XIX в. М.: Соцэкгиз, 1962. 427 с.
18. Смирнов А. Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 392 с.
19. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. 142 с.
20. Хорев В. А. Русский европеизм и Польша // Славяноведение. 2004. № 1. С. 5–29.
21. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 274 с.

Поступила в редакцию 09.06.2023; принята к публикации 02.10.2023

Original article

Sergey V. Ananyev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Professor, Academy of Military Sciences, Main Center for Scientific Research of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
sergey_ananyev1982@mail.ru

THE ROLE OF PUBLIC THOUGHT IN ENSURING SECURITY DURING THE POLISH UPRISING OF 1863–1864

Abstract. Public opinion in the Russian Empire was formed primarily through the press, which, under the conditions of liberal bourgeois transformations of the second half of the XIX century, actually acted as the fourth power. Due to the wave of anti-Russian protests in the Kingdom of Poland and the Northwestern Territory of the Russian Empire that emerged in the early 1860s relying on material assistance from Polish land magnates and spiritual support from the local Catholic clergy the Russian state risked losing its western outskirts with the full support of leading Western countries. The struggle for the minds of Russian society was also actively waged by revolutionary democrats led by a political emigrant Alexander Herzen, which aimed to overthrow the autocratic power in Russia in close alliance with the Polish revolutionaries. The purpose of the article is to consider how under those circumstances the press supported the government policy pursued in the Kingdom of Poland and the Northwestern Territory. For this end, an analysis of unpublished documents from the State Archive of the Russian Federation and published materials was conducted. The work uses the retrospective, problem-based chronological, and comparative historical methods, as well as general research methods. The article shows that one specific characteristic of the public opinion on the “Polish question” was

that it was in constant dynamics and change, evolving from restrained approving rhetoric on the eve of the Polish uprising to condemning the rebels and supporting government policy in the region starting from 1863. The official press provided significant intellectual support for the government policy in the Russification of the region.

Key words: public thought, “Polish question”, propaganda, Polish Uprising, Northwestern Territory, Russification

For citation: Ananyev, S. V. The role of public thought in ensuring security during the Polish Uprising of 1863–1864. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):86–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.978

REFERENCES

1. Arzhakova, L. M. Nikolay Danilevsky and his contemporaries on the place of Poles in the Slavic world. *Slavic Almanac*. 2008;13:69–80. (In Russ.)
2. Arzhakova, L. M. Russian historical Polonistics and the Polish question in the XIX century. St. Petersburg, 2010. 343 p. (In Russ.)
3. Bobinskaya, Ts. Karl Marx and Friedrich Engels on the Polish question. *Voprosy istorii*. 1959;10:86–106. (In Russ.)
4. The Uprising of 1863. Materials and documents. Vol. 1–20. Moscow; Wrocław, 1961–1974. (In Russ.)
5. The 1863–1864 uprising in Lithuania and Belarus. Moscow, 1965. 645 p. (In Russ.)
6. Gorizontov, L. E. Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland. Moscow, 1999. 272 p. (In Russ.)
7. Grosul, V. Ya. Public opinion in nineteenth-century Russia. Moscow, 2013. 560 p. (In Russ.)
8. Dolbilov, M. D. Russian territory, other people's faith: The ethno-confessional policy of the Russian Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow, 2010. 1000 p. (In Russ.)
9. Dyakov, V. A. Polish theme in Russian historiography of the late XIX – early XX centuries (N. I. Kareev, A. A. Kornilov, A. L. Pogodin, V. A. Frantsev). *History and historians*. Moscow, 1978. P. 147–161. (In Russ.)
10. Ivanova, S. I. Polish question in the Russian philosophy of culture of the second half of the XIX century: Diss. Cand. Sc. (Philosophy). Belgorod, 2011. 159 p. (In Russ.)
11. Kashtanova, O. S. The Uprising of 1863 in Russian historiography and journalism. Polish January Uprising of 1863. Historical fates of Russia and Poland. Moscow, 2014. P. 51–80. (In Russ.)
12. Malyutin, G. A. The “Polish question” in Russian socio-political thought from the 1830s to the early 1860s. St. Petersburg; Moscow, 2013. 206 p. (In Russ.)
13. Matveychik, D. Ch. “Muravyevtsy” in historiography: research on the history of the 1863–1864 uprising in the territory of Belarus (1863–1869) in the Russian Empire. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*. 2020;7;(4(28)):75–88. (In Russ.)
14. Misko, M. V. The Polish Uprising of 1863. Moscow, 1962. 334 p. (In Russ.)
15. Revunenkov, V. G. The Polish Uprising of 1863 and European diplomacy. Leningrad, 1957. 357 p. (In Russ.)
16. Sambuk, S. M. Socio-political thought of Belarus in the second half of the XIX century. Minsk, 1976. 184 p. (In Russ.)
17. Smirnov, A. F. Revolutionary ties between the peoples of Russia and Poland: 1830s–1860s. Moscow, 1962. 427 p. (In Russ.)
18. Smirnov, A. F. The uprising of 1863 in Lithuania and Belarus. Moscow, 1963. 392 p. (In Russ.)
19. Tvardovskaya, V. A. Ideology of the post-reform autocracy. Moscow, 1978. 142 p. (In Russ.)
20. Horev, V. A. Russian Europeanism and Poland. *Slavic Studies*. 2004;1:5–29. (In Russ.)
21. Tsimbaev, N. I. Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought in the XIX century. Moscow, 1986. 274 p. (In Russ.)

Received: 9 June 2023; accepted: 2 October 2023

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАКОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамас, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6235-0856; alexey.isakov@arz.unn.ru

ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ИСАКОВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамас, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9545-5408; isakova@arz.unn.ru

ЗАМЕЩЕНИЕ ПРОФЕССОРСКОЙ КАФЕДРЫ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (по материалам эпистолярного наследия Ф. В. Тарановского)

А н н о т а ц и я . Представлены особенности конкурсного замещения вакантной должности профессора в дореволюционной России, реконструированные на основе изучения писем известного отечественного правоведа Федора Васильевича Тарановского. Рассмотрение данного вопроса непосредственно связано с проблемой восстановления полной картины академической культуры того времени. Этим обусловлена актуальность заявленной темы, вызванная изменениями правового, социально-экономического и историко-культурного характера. Исследование подготовлено на основе анализа комплекса письменных источников, среди которых письма, телеграммы и открытки Тарановского декану юридического факультета Юрьевского университета В. Э. Грабарю за период с декабря 1907 по сентябрь 1909 года. В основу работы положены принципы историзма и ценностного подхода, особо выделяющие отдельные явления прошлого, которые имеют приоритетное значение для современного этапа развития общества в целом и исторического знания в частности. Основным методом, применяемым в процессе работы над данной темой, является биографический. В ходе проведенного исследования была изучена и описана процедура факультетского избрания кандидата на вакантную профессорскую кафедру с присущей ей спецификой, обусловленной положениями законодательства Российской империи, устоявшимися правилами факультетского рассмотрения и обсуждения, а также личностными особенностями избираемого и избирающих лиц. Представленный материал и выводы являются не только вкладом в рассмотрение одного из важных аспектов академической культурной традиции дореволюционной России, но и существенно обогащают известные биографические данные отдельных представителей российской профессуры начала XX века.

Ключевые слова: конкурсное избрание, академическая культура, юридический факультет, Дерптский (Юрьевский) университет, Ф. В. Тарановский, В. Э. Грабарь

Для цитирования: Исаков А. А., Исакова Л. В. Замещение профессорской кафедры в России начала XX века (по материалам эпистолярного наследия Ф. В. Тарановского) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 45, № 8. С. 94–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.979

ВВЕДЕНИЕ

Общий устав императорских российских университетов 1884 года¹ отменял университетскую автономию [1: 102], вводя тотальный контроль министра народного просвещения в сфере образования. Отдельные положения крайне непопулярного Устава были пересмотрены в пред-

дверии первой русской революции и 27 августа 1905 года введены в действие Временными правилами об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения². Исследователи, рассматривающие данный вопрос, указывают на то, что изменения касались, главным образом, системы управления

университетами и структурной организации факультетов [11: 4]. Так, например, на юридическом факультете полагалось иметь 12 кафедр, замещаемых 11 ординарными и 4 экстраординарными профессорами (вместо 13 кафедр, 13 профессоров и 6 доцентов, полагавшихся по Уставу 1863 года [7: 27]), выбираемыми сначала факультетом, затем Советом университета, а впоследствии утверждаемыми в должности министром народного просвещения, который был наделен правом направлять в университет сверхштатных профессоров, в целом «удовлетворяющих условиям для занятия профессорской должности» [7: 31], по своему усмотрению, принимая во внимание лишь их научные труды.

Устав 1884 года изменил юридический статус преподавательского состава университетов, определив их как «должностных лиц, служащих по учебной части». Сохраняя неизменной систему оклада, Устав предусматривал сверх жалования «особую плату в пользу преподавателей» – «гонорар», размер которого устанавливался министром народного просвещения. Закреплялось нормирование рабочего времени («шестичасовая норма», «вакационное время»), подтверждалось право на научные (в том числе и заграничные) командировки за государственный счет, а также беспопытный ввоз из-за границы книг. Устав подтвердил приоритетное право профессоров на вступление в «учебные общества» [9: 83] и издание в университетских типографиях своих научных трудов, освобожденных от цензуры.

В этой связи следует уделить особое внимание вопросам конкурсного избрания для замещения вакантной профессорской кафедры. В современной литературе данный вопрос поднимался многими исследователями (К. А. Аблязов, Г. Завада, А. Е. Иванов, Г. У. Матушанский, С. А. Некрылов, Е. А. Ростовцев, В. А. Шаршунов и др.). Обзор историографии проблемы представил М. В. Грибовский, который впервые осветил его с акцентом на внутрикорпоративных отношениях [3: 71].

В настоящее время изучение социального аспекта заявленной темы представляется первостепенно важным для воссоздания данного элемента академической культуры дореволюционной России. На наш взгляд, целесообразным является введение в научный оборот новых письменных источников. К числу последних относится переписка известного русского правоведа Федора Васильевича Тарановского (1875–1936) с профессором государственного права [2: 86], одновременно исполнявшим должность декана юридического факультета Юрьевского университета³, Владимиром Эммануиловичем Грабарем (1865–1956) за период с декабря 1907 по сентябрь 1909 года, хранящаяся в рукописном отделе Рос-

сийской государственной библиотеки⁴. Рассматриваемая единица хранения, а именно часть фонда В. Э. Грабаря – «Тарановский Федор Васильевич. Письма к Грабарю В. Э., 1908–1909», содержит двадцать восемь писем, три открытых письма, две телеграммы за указанный период. Проблема конкурсного избрания является не единственной, но центральной в письмах Тарановского того времени. Изучение и введение в научный оборот данного материала также актуально в связи с тем, что, как подчеркивает С. И. Михальченко, большая часть эпистолярного наследия Тарановского не сохранилась, так как его белградский архив погиб при бомбежке немцами столицы Югославии в 1941 году [6: 46].

КОНКУРСНОЕ ИЗБРАНИЕ Ф. В. ТАРАНОВСКОГО

Анализ писем Тарановского позволяет сделать вывод о том, что предложение перейти из Демидовского юридического лица (г. Ярославль) в Юрьевский университет было передано Грабарем через их общего друга Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951), с которым Федора Васильевича связывала дружба с 1903 года, когда Спекторский занимал должность преподавателя энциклопедии права и философии права в Варшавском университете [12: 169], где с января 1899 до середины 1906 года состоял доцентом кафедры энциклопедии правовых и политических наук Тарановский.

В письме от 14 декабря 1907 года он пишет:

«Коллега Е. В. Спекторский написал мне о разговоре, который Вы (Грабарь. – А. И., Л. И.) вели с ним о вакантной у Вас кафедре истории русского права, и сообщил мне Ваше желание получить от меня ответ, согласен ли был бы я перейти к Вам на эту кафедру. Благодарю Вас за то, что в числе возможных кандидатов вспомнили и обо мне, я высоко ценю предлагаемую честь быть Вашим факультетским коллегой»⁵.

Далее он сообщил, что сама перспектива возвращения в сферу «университетской жизни» имеет для него особое значение. Здесь следует указать на ряд весьма значимых обстоятельств.

Во-первых, будучи выпускником юридического факультета Варшавского Императорского университета, который он окончил в 1896 году с золотой медалью и ученой степенью кандидата прав [10: 24], как подающий большие надежды начинающий ученый, Тарановский был оставлен при университете для подготовки к магистерскому званию на кафедре государственного права, став ближайшим сподвижником Ф. И. Леонтовича (1833–1910). С января 1899 года после сдачи магистерского экзамена он состоял доцентом кафедры энциклопедии правовых и политических наук юридического факультета в Варшаве, успешно зарекомендовав себя как уче-

ный, издав ряд работ по теории и методологии юридической науки. Однако в 1906 году после успешной защиты магистерской диссертации в Санкт-Петербургском университете он занял кафедру истории русского права в Демидовском юридическом лицее, покинув Варшаву. Его вступительная лекция, прочтенная в Ярославле 2 ноября 1906 года, была опубликована в «Журнале Министерства юстиции» под заглавием «Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права» в марте 1907 года⁶, она представляла собой успешную компиляцию огромной массы переработанного материала по теории и истории государства и права. Биографы не указывают возможные причины его перехода, поэтому относительно их можно только догадываться. Вероятнее всего, сказалась общая социально-политическая нестабильность в Царстве Польском.

Во-вторых, как подчеркнул сам ученый, занятия историей русского права полностью соответствовали его планам и «замыслам относительно дальнейшей научной работы». Он уже начал их претворение в жизнь, став редактором *Актов Угличской провинциальной канцелярии* (1719–1726), изданных местной архивной комиссией⁷. Публикация актов, как отметил сам Федор Васильевич, задумана была им еще зимой 1906/07 года, когда он извлек последние из архива окружного суда и нашел среди местных купцов мецената, который финансово поддерживал данное предприятие. После скрупулезного изучения *Актов* Тарановский составил план, по которому последние и были описаны. Более полугодом он усиленно работал по выборке документов для печати, разбору по отделам и руководил их общим описанием. Поэтому в письме Грабарю он указал: «Чтение последней (имея в виду «историю русского права». – *А. И., Л. И.*) может быть для меня и приятно, и полезно»⁸, учитывая сформировавшийся еще в студенческие годы интерес к российскому законодательству⁹, а также правоприменительной практике, реализованной в издании *Актов*. Из того же письма явствует, что он пытался выяснить все возможные условия, с которыми ему придется столкнуться при переходе на вакантную кафедру истории русского права юридического факультета Юрьевского университета. К ним относятся, во-первых, вопросы, непосредственно касающиеся предстоящего избрания («каково общее настроение факультета и Совета», «какие выдвигаются еще кандидаты», «каково соотношение шансов их и моего избрания», «нет ли вообще какого-либо обострения вопроса в факультете по поводу вакантной кафедры»), во-вторых, в случае положительного исхода дела, –

преподавания («сколько часов придется читать», «как велико количество студентов»); в-третьих, условия проживания в Юрьеве, имея в виду «отношение местного населения к университету», «здоровый ли климат»¹⁰.

В-третьих, будучи в Варшаве доцентом, Тарановский после избрания экстраординарным профессором немедленно переехал в Ярославль. Видимо, именно эта причина и являлась основным мотивом при его переходе из Демидовского юридического лицея в Юрьев, где он, еще не защитив докторской диссертации (защита состоялась только в 1911 году¹¹), должен был занять кафедру экстраординарного профессора юридического факультета Юрьевского университета – старейшего учебного заведения на территории Российской империи, хранящего и приумножающего богатые традиции юридического образования и научной работы в этом направлении [12: 175].

В письме Грабарю от 11 января 1908 года Федор Васильевич вполне определенно отказался от участия в конкурсе, объясняя это тем обстоятельством, что «у факультета есть вполне определившийся кандидат, в избрании которого произошла задержка из-за второстепенного, в сущности говоря, вопроса о сроке его перехода»¹². Из следующего письма от 19 января мы узнаем, что этим кандидатом был И. А. Малиновский¹³. Пространное письмо объясняет причины волнения Тарановского по поводу предложенного Грабарем перехода в Юрьев. Он подробно описал Владимиру Эммануиловичу причину своих волнений, связанных, по существу, с наличием второго кандидата на профессорскую кафедру:

«Усмотрев из Вашего письма, что у факультета есть вполне определенный кандидат в лице И. А. Малиновского, я счел рискованным выступать при этих условиях и решительно отказался от первоначального моего согласия на переход на историю русского права. Но, желая вообще попасть в Юрьевский университет, я одновременно сообщил Вам о вероятном выступлении моем на конкурс по энциклопедии (имеется в виду конкурс по кафедре «Энциклопедия права». – *А. И., Л. И.*) и просил на этот счет Ваших указаний. Отправив-таки письмо, я не мог, однако, перестать думать об истории русского права, на которую направлены замыслы моих дальнейших работ. Думая и передумывая все дело, я усомнился в том, было ли у меня достаточно основание к отказу от возможной кандидатуры на историю русского права. Раз начавшееся сомнение все прогрессирувало...»¹⁴.

Как подчеркнул Федор Васильевич, Малиновский выставил свои условия о переходе в университет, будучи полностью уверенным в своем единоличном участии в конкурсе. Это позволяло ему надеяться, что «факультет по нужде уступит ему». Данное обстоятельство побудило Тара-

новского отказаться от участия в предложенном переходе, боясь недвусмысленных разговоров о его неудаче в случае избрания иного кандидата. В то же время он не отказывался вовсе от самой мысли о перемене места службы, имея в виду приближающийся конкурс на кафедру энциклопедии права в Юрьеве. Однако интересы ученого были ближе к истории русского права, вследствие чего он указал:

«Если бы, однако, у меня была уверенность, что кандидатура Малиновского с началом переговоров “большинства” со мною снимается безусловно, то я весьма охотно удержал бы мое первоначальное согласие»¹⁵.

Для упрощения переговоров по этому вопросу он сам предложил заменить письменную форму отношений непосредственным знакомством и устным разговором и сообщил, что 24 числа придет в Юрьев¹⁶. Так как ранее Тарановский не был лично знаком с Грабарем, следовательно, 24 января 1908 года состоялась их первая встреча и личное знакомство.

Коротким письмом от 24 января ученый уведомил Владимира Эммануиловича о том, что отправил ему свои научные работы, необходимые к представлению на факультет для участия в конкурсе, «почтовой посылкой»¹⁷. В письме от 11 февраля он интересуется судьбой своих предшествующих отправок, так как некоторые были у него в единственном экземпляре¹⁸.

Далее следуют одно за другим два пространственных письма от 22 февраля:

«На днях получение, точнее привезение коллегами из Петербурга безусловного достоверного сведения о том, что Министерство в самом близком будущем закончит составление приказа университетского устава и внесет его в Думу. То же подтверждают и газеты (не дальше как вчерашний номер “Русских Ведомостей”). Введение нового устава влечет за собою отмену гонорара. Я всегда был сторонником этой меры, остаюсь таким же и теперь. Но мое личное материальное положение таково, что возможность отмены гонорара уже на предстоящий 1908/9 академический год вынуждает меня поставить особые условия для перехода в Юрьевский университет.

Я прошу, чтобы до избрания Совет обеспечил мне: 1) выдачу 600 руб. пособия на переезд из Ярославля в Юрьев немедленно после состоявшегося назначения; 2) принципиально постановил, что в случае отмены гонорара будет выдано мне за чтение в 1908/9 году параллельного курса студентам III–IV семестров особое вознаграждение, как за чтение добавочного курса. Я отнюдь не желаю обогащаться насчет университета; потому, если гонорар будет сохранен на 1908/9 год, то полученное мною при назначении пособие на переезд я обязуюсь возвратить из гонорара по 300 руб. из сумм каждого семестра»¹⁹.

Он подчеркивает, что «испрашивание гонорара» является насущной необходимостью для его перевода и объясняет такое условие, которо-

му Грабарь по собственному прошению Тарановского должен был дать «официальный ход» на факультете и университетском Совете, своим нелегким материальным положением:

«У меня нет собственно никаких средств кроме личного моего заработка. До осени 1906 года, я был в Варшаве доцентом; на жалованье жил с семьей, невозможно было не бегать (буквально) по урокам в частные гимназии и выколачивать таким образом еще тысячу рублей. С производством в экстраординарные профессора я немедленно переехал в Ярославль. На переезд лицей выдал мне 250 руб. пособия, что не покрыло половины действительных расходов. В прошлом году я прожил 7 месяцев в Париже; на эту командировку я не получил пособия; только в конце года лицей прислал мне из остатков 100 руб. Само собою понятно, что мне пришлось делать долг. Теперь я получил в лицее добавочный курс по истории философии права... в 400 руб., который идет на погашение долга.

Предстоит переезд в Юрьев. Опять приходится заимствовать... Но раз этот гонорар поставлен под сомнение, то мне прямо неоткуда взять денег на переезд. Поэтому первое из поставленных мною условий является отнюдь не каким-то торгом с университетом (каковой торг я первый бы счел постыдным), а необходимым обеспечением фактической возможности моего переезда.

Что касается второго условия, то я считаю его вполне справедливым по следующим соображениям. Чтение второго курса положит у меня все время и отодвинет написание докторской диссертации, следовательно, и возможность ординатуры, значит принесет мне материальный ущерб. Поэтому вполне справедливо просить за сверхурочную работу особого вознаграждения»²⁰.

Далее он заверяет Владимира Эммануиловича, что все сообщенное ранее в письме имеет для него «серьезное значение», и просит его самого избрать форму, в которой должно быть сделано оговоренное объявление факультету и Совету, исходя из «академических обычаев вообще и юрьевских в частности». Тарановский выражает надежду на то, что письмо придет своевременно, то есть до баллотировки в Совете, а если запоздает и придет после избрания, просит приостановить представление до внесения вопроса по поставленным условиям:

«Знаю, что подвергаюсь риску перетолкования моих заявлений в другую сторону, но все же не отступаю, так как возможность закабаления себя в неоплатный долг для меня более страшна, чем людские пересуды. Закабалив себя, я потеряю душевное равновесие, необходимое для производительности личного научного труда и преподавательского, – следовательно, буду по меньшей мере бесполезен»²¹.

В следующем письме, датированном также 22 февраля, он указал:

«Всего лишь 18-го числа узнал я о том, что министр намерен повести дело в столь быстром темпе, что новый устав может быть введен с осени. Взвесивши изменившееся положение дела, решил написать Вам откровенно, надеясь, что не осудите меня за это. Новый устав увеличит жалованье, но новый оклад

для экстраординарного профессора составит 3500 руб., т. е. всего лишь на 300 руб. больше того, что я теперь получаю (2400 руб. + 400 руб. за добавочный курс + 400 руб. гонорара с вольнослушателей). На эти 300 руб. я не в состоянии совершить переезд на жительство в другой город. Поэтому остаюсь при моей прежней просьбе о пособии на переезд в 600 руб. Если гонорар будет сохранен хоть на первый семестр 1908/9 академического года, то обязуюсь возвратить эти 600 руб. из гонорара в специальные средства университета.

По совести, думаю, что условия мои вполне приемлемы для университета. Для меня же они необходимы, как я об этом писал. Мне хочется перейти в Юрьевский университет неизменно и сильно. Надеюсь, что университет не откажет исполнить мою просьбу и этим сделает возможным мой переход. Позвольте надеяться на содействие в этом отношении с Вашей стороны и со стороны коллег»²².

Телеграммой от 25 февраля Тарановский отменяет прежние просьбы²³ и в этот же день отправляет Грабарю отдельное письмо, в котором просит «придать сей инцидент забвению». Он пишет:

«Думаю, что дело обойдется; всякие же предохранительные условия могли бы помешать главной цели – переходу в университет. Если же предвидимые неблагоприятные конъюнктуры действительно будут иметь место, то полагаю, что университет в пределах возможности окажет мне содействие»²⁴.

Отвечая на полученное от Владимира Эммануиловича письмо, Тарановский искренне благодарил Грабаря «за полное участия отношение» к тем «тревогам и опасениям», которыми были вызваны его письма, и в то же время выражает «сильное согласие» и «сильное желание и стремление перейти в (Юрьевский. – А. И., Л. И.) университет»²⁵.

В письме из Ярославля от 23 марта Федор Васильевич выразил свою благодарность Грабарю за избрание его «в факультет», который являлся лишь «первой инстанцией»²⁶, как указал сам Тарановский, и с нетерпением ожидал избрания в Совете университета, последовавшем в апреле 1908 года, о котором узнаем из письма от 19 апреля²⁷. В письме от 15 мая уже избранный профессором по кафедре истории русского права юридического факультета Юрьевского университета Федор Васильевич просил Грабаря сообщить, когда обычно начинаются занятия в Юрьеве, есть ли осенние экзамены, в которых ему необходимо было бы принять участие, и когда приблизительно придется читать вступительную лекцию, намереваясь выбрать интересную тему и основательно к ней подготовиться²⁸.

В упомянутых выше письмах Тарановский неоднократно обозначал Грабарю, который уже стал его факультетским коллегой, проблему,

связанную с поиском жилья в Юрьеве, а следовательно, и невозможность сразу переехать на постоянное место жительства в новый город. Именно поэтому он подчеркнул в письме от 19 апреля, что ищет «квартиру», так как намерен приехать непосредственно с семьей до начала осеннего семестра, в «последних числах августа», проведя лето «на Волге на даче под Ярославлем», с которым был связан печатанием Актов Угличской провинциальной канцелярии (1719–1728), издаваемых местной Губернской Архивной комиссией под его редакцией²⁹.

Таким образом, блок писем Тарановского Грабарю за период с декабря 1907 по май 1908 года представляет собой ценный материал по истории избрания на вакантную профессорскую кафедру. Особое значение эти письма имеют и в качестве сведений биографического характера, раскрывая карьерно-профессиональные устремления и личностные особенности экстраординарного профессора Тарановского, такие как осторожность, осмотрительность, честность, «семейность», трудолюбие и увлеченность (в отношении разрабатываемых им проблем отечественного законодательства, российского и зарубежного права), а также повествуя о его материальном положении и планах научно-исследовательской работы, освещающая важный этап прохождения академической карьеры.

ТАРАНОВСКИЙ О ФАКУЛЬТЕТСКОМ КОНКУРСЕ 1908–1909 ГОДОВ НА КАФЕДРУ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПРАВА»

Анализируемый материал интересен не только тем, что освещает обстоятельства конкурса на замещение вакантной кафедры и содержит описание волнений и переживаний конкретного кандидата, а следовательно, показателен как своеобразный срез социальной действительности того времени; но и тем, что представляет детали прохождения конкурса на уровне факультета другими кандидатами. Сведения об этом находим в письме от 16 октября 1908 года, где Тарановский подробно описал находящемуся в годичной заграничной командировке Грабарю складывавшуюся ситуацию с замещением вакантной кафедры энциклопедии права на юридическом факультете³⁰: «На энциклопедию конкурсанты Савальский³¹ и Яценко³²; пока я читаю Савальского, а Шалланд³³ Яценко; потом переменяю роли»³⁴. Особо следует отметить, что Л. А. Шалланд [8: 54] играл весьма большую роль, исполняя обязанности декана юридического факультета Юрьевского университета вместо В. Э. Грабаря. Эти данные подтверждаются письменным

сообщением Тарановского Грабарю от 16/24 июня 1909 года³⁵.

В письме от 16 октября 1908 года также указано, что «Б. А. Кистяковский³⁶ хотел было выступить, но потом раздумал»³⁷. Эта тема продолжается и в письме от 29 октября:

«С Кистяковским вышло, по-видимому, недоразумение. П. И. Новгородцев³⁸ писал мне, что наш факультет не проявил к нему достаточного внимания, — декан мол ограничился лаконичной телеграммой. Жаль, что так вышло. Шалланд послал телеграмму, потому что истекал через три дня срок конкурса. Конечно, он мог послать и письмо П. И. Новгородцеву, которым сообщить о желании Кистяковского, но, право, все это пустяки, и жаль, что из-за них дело расстроилось. Вот я написал письмо Кистяковскому, в котором самым горячим образом приветствовал его кандидатуру и по уполномочию коллег сообщил ему, что все мы шесть человек будем в факультете за него. При наличии конкурса вряд ли можно было сделать больше. Я обо всем этом сообщил П. И. Новгородцеву; писал ему и А. Н. Миклашевский³⁹. — Кистяковский лично объяснил мне свой отказ другими причинами: материальной необеспеченностью нашей приват-доцентуры, а также тем, что конкуренты станут в ближайшем будущем магистрами. Я лично страшно жалею, что все так вышло. — Писал Кистяковскому я, потому что я один лично знаком с ним»⁴⁰.

Далее он указал о желании Е. В. Спекторского участвовать в конкурсе на замещение кафедры энциклопедии права. Евгений Васильевич так и не подал документы ввиду «явно неблагоприятного к нему отношения факультета». Последнее Тарановский объясняет «беспощадными отзывами» о нем упоминаемого ранее в письме П. И. Новгородцева. Полностью разделяя мнение Спекторского, уклонившегося от «возможной неудачи» с избранием в факультете, и во многом объясняя его неудачей с защитой диссертации, он уверен, что Спекторский «напишет другую работу, и все у него уладится». Кроме того, как подчеркнул Тарановский, «Савальский и Яценко не сегодня-завтра будут магистрами, и уже в силу этого конкурировать с ними было бы трудно»⁴¹.

Здесь необходимо остановиться на особенностях самой процедуры избрания кандидата факультетом. Именно факультет был основной структурной единицей университета по Общему уставу российских императорских университетов 1884 года. Факультетский совет под председательством декана наделялся правом избрания профессоров, которые в дальнейшем формально утверждались университетским советом и министерством. Процедура избрания не была прямо регламентирована Уставом, а отдавалась на откуп факультета, который исходил из сложившейся практики, строго придерживаясь правила при выборе кандидата на вакантную должность: сначала двумя представителями профессорского звания конкретного факульте-

та готовились отзывы о предоставленных научных трудах кандидатов. В случае положительного решения совета факультета кандидат читал вступительную лекцию. Фактически он уже допускался к чтению лекций и ведению семинарских занятий, хотя до этого времени могло и не состояться его утверждение в совете университета, и тем более в министерстве.

Занятый вопросами конкурсного избрания на факультет, Федор Васильевич сообщил Грабарю, что сам колебался в выборе между двумя имеющимися кандидатами. «Склоняюсь скорее в пользу Яценко», — указал он после знакомства с сочинениями обоих претендентов на кафедру энциклопедии права.

«Савальскому ставлю в минус, что он: 1) совсем не юрист, 2) в сущности крайне догматичен в отношении к этике Когена⁴², которую весьма легко разложить на приходящие социально-политические влияния современности» [5: 67].

Факультет поручил Тарановскому подготовить отзывы о кандидатах по имеющимся у них печатным трудам: «Отзыв о Савальском у меня уже готов. Примусь писать о Яценко»⁴³.

Практика вовлечения в конкурсные дела уже в качестве эксперта, отнимавшая у Тарановского, как он сам заметил в письме Грабарю от 2 января 1909 года, много времени, продолжилась:

«...повозился я над чтением и рецензированием работ Савальского и Яценко. О Савальском написал целый печатный лист, а о Яценко только устно докладывал факультету, присоединившись к письменной рецензии Л. А. Шалланд, который в свою очередь присоединился к моему письменному отзыву о Савальском. Выбор стоил мне немало размышления. Собственно говоря, оба кандидата мне не по душе, как ученые (лично не знаю ни того, ни другого)»⁴⁴.

Аргументированный ответ изложен на двух разворотах письма и сводится к тому, что Савальский «не устраивал» эксперта ни как ученый («крайний догматизм», «рабское следование Когену», «полное отсутствие исторической перспективы», «он совсем почти не юрист»), ни как преподаватель («излагает свои мысли донельзя запутанно и тяжело») ⁴⁵. История эта разрешилась избранием А. С. Яценко, который вступил в должность 17 января 1909 года [4: 225] и прочитал вступительную лекцию, на основе которой Тарановский заключил, что в его лице «факультет сделал хорошее приобретение», так как «по содержанию лекция была весьма недурна (я могу упрекнуть лектора только в недостатке исторического реализма), а по внешнему исполнению прекрасна»⁴⁶.

Таким образом, анализ переписки Тарановского и Грабаря позволяет проследить специфику избрания кандидатов на вакантную профессорскую кафедру. Подробно описанные Тарановским

сведения, касающиеся факультетского избрания на кафедру энциклопедии права, существенно дополняют приведенные выше фактические данные, касающиеся его собственного избрания на кафедру истории русского права. Во-первых, это касается сроков избрания: объявление конкурса происходило не менее чем за три месяца до момента официального избрания кандидатов факультетом. Во-вторых, в качестве экспертов, которые готовили отзывы на работы кандидатов, назначались лица, сами имеющие печатные труды в данном научном направлении. Как правило, экспертов было двое (в данном случае Тарановский и Шалланд). В-третьих, на Совете факультета зачитывались или устно оглашались отзывы экспертов, на основании которых и принималось итоговое решение относительно конкретного кандидата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение писем Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю за период с декабря 1907 по сентябрь 1909 года позволяет выявить особенности конкурсного избрания на должность экстраординарного профессора в России начала XX века.

На основе анализа эпистолярного наследия Тарановского прослеживаются две любопытные ситуации академических выборов, проводимых с целью замещения вакансий экстраординарных профессоров юридического факультета Юрьевского университета. Во-первых, выборы самого Тарановского на кафедру истории русского права, во-вторых, его участие в качестве эксперта в факультетском избрании А. С. Яценко на кафедру энциклопедии права.

Тема, имеющая важное значение как отражение академической культуры того времени, актуализируется и ее социальным аспектом, представленным с точки зрения конкретного человека – профессора Ф. В. Тарановского, избираемого, а затем и принимающего участие в избрании на должность профессора. Представленный материал позволяет проследить специфику процедуры факультетского избрания (объявление конкурса, рассмотрение научных работ кандидатов, подготовка отзывов на их труды, обсуждение), которую сам автор писем именует «первой ступенью», имея в виду вторую ступень, которой считалось утверждение кандидата в Совете университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 4. СПб., 1887. № 2404. С. 456–474.
- ² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9. Царствование императора Александра III. 1884 год. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1893. С. 980–981.
- ³ Юрьевский университет – ранее Дерптский (1802–1893), Юрьевский (1893–1918), а с 1918 года Тартуский университет.
- ⁴ Тарановский Федор Васильевич. Письма к Грабарю В. Э., 1908–1909 // Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31.
- ⁵ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 14 декабря 1907 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 3.
- ⁶ Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права // Журнал Министерства юстиции. 1907. Март. С. 151–170.
- ⁷ Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.), изданные председателем Комиссии действительным членом Русского и Московского археологических обществ И. А. Вахромеевым / Под ред. товарища пред. Комис. проф. Ф. В. Тарановского. Т. 1. М., 1908. [2], LXIV, 444 с.; Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.), изданные председателем Комиссии действительным членом Русского и Московского археологических обществ И. А. Вахромеевым / Под ред. товарища пред. Комис. проф. Ф. В. Тарановского. Т. 2. М., 1909. [2], XXII, XL, 418 с.
- ⁸ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 14 декабря 1907 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 3.
- ⁹ В 1894 году под руководством профессора В. В. Есипова (1867–1912) студентом юридического факультета Варшавского университета Ф. В. Тарановским было подготовлено издание общей части книги о преступлениях «Уголовного уложения Царства Польского 1818 года», опубликованное в 1895 году. Подробнее об этом см.: Уголовное уложение Царства Польского 1818 года. Общая часть книги о преступлениях / Перевод студента Ф. Тарановского; Под ред. проф. В. Есипова. СПб., 1895. 31 с.
- ¹⁰ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 14 декабря 1907 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 4–5.
- ¹¹ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 11 января 1908 года // Там же. Л. 1–2.
- ¹² Малиновский Иоанникий Алексеевич (1868–1932) – ординарный профессор по кафедре истории русского права Томского университета.
- ¹³ Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке: [Диссертация] / Ф. В. Тарановский. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. VIII, 633 с.
- ¹⁴ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 19 января 1908 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 6.
- ¹⁵ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 19 января 1908 года // Там же. Л. 7.
- ¹⁶ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 19 января 1908 года // Там же. Л. 8.

- ¹⁷ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 24 января 1908 года // Там же. Л. 8.
- ¹⁸ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 11 февраля 1908 года // Там же. Л. 9.
- ¹⁹ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 22 февраля 1908 года // Там же. Л. 10.
- ²⁰ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 22 февраля 1908 года // Там же. Л. 11.
- ²¹ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 22 февраля 1908 года // Там же. Л. 12.
- ²² Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 22 февраля 1908 года // Там же. Л. 13–14.
- ²³ Телеграмма Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 25 февраля 1908 года // Там же. Л. 15.
- ²⁴ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 25 февраля 1908 года // Там же. Л. 16–17.
- ²⁵ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 29 февраля 1908 года // Там же. Л. 18.
- ²⁶ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 23 марта 1908 года // Там же. Л. 19.
- ²⁷ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 19 апреля 1908 года // Там же. Л. 23.
- ²⁸ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 15 мая 1908 года // Там же. Л. 25.
- ²⁹ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 19 апреля 1908 года // Там же. Л. 24.
- ³⁰ В. Э. Грабарь, как это видно из анализа приведенной переписки ученых, получив годичную (на 1908/09 академический год) заграничную командировку, просил Ф. В. Тарановского информировать его о положении дел на юридическом факультете Юрьевского университета, деканом которого он являлся.
- ³¹ Савальский Василий Александрович (1873–1915) – специалист в области государственного (конституционного) права, профессор Варшавского университета. Ученик П. И. Новгородцева и друг Е. В. Спекторского.
- ³² Яценко Александр Семенович (1877–1934) – юрист, правовед, философ, библиограф.
- ³³ Шалланд Лев Адамович (1868–1919) – юрист, правовед, специалист по истории государства и права.
- ³⁴ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 16 октября 1908 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 43.
- ³⁵ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 16/24 июня 1909 года // Там же. Л. 57.
- ³⁶ Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920) – правовед, социолог.
- ³⁷ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 16 октября 1908 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 43.
- ³⁸ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – правовед, философ, историк, общественный и политический деятель.
- ³⁹ Миклашевский Александр Николаевич (1864–1911) – экономист, специалист по вопросам денежного обращения. С 1896 года профессор политической экономии Юрьевского университета.
- ⁴⁰ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 29 октября 1908 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 44.
- ⁴¹ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 29 октября 1908 года // Там же. Л. 45.
- ⁴² Коген Герман (1842–1918) – философ-идеалист, глава Магдебургской школы неокантианства.
- ⁴³ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 29 октября 1908 года // РГБ. Фонд 376 – В. Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 31. Л. 44.
- ⁴⁴ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 2 января 1909 года // Там же. Л. 48.
- ⁴⁵ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 2 января 1909 года // Там же. Л. 48–49.
- ⁴⁶ Письмо Ф. В. Тарановского В. Э. Грабарю от 17 января 1909 года // Там же. Л. 51.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблязов К. А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // Вестник. «Промышленность: экономика, управление, технологии». 2006. № 12. С. 100–108.
2. Бойков В. Историк П. Н. Арцашев и Тартуский (Юрьевский) университет // Тартуский государственный университет. История развития, подготовка кадров, научные исследования. Т. I. Общественные науки: Тез. докл. Всесоюз. (XIII Прибалтийской) конф. по истории науки, посвящ. 350-летию Тартуского гос. ун-та / Отв. ред. К. Сийливаск. Тарту: Типография Тартуского гос. ун-та, 1982. С. 79–89.
3. Грибовский М. В. Замещение профессорских должностей в российском дореволюционном университете: назначение vs выборы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 71–76.
4. Калина В. Ф. А. С. Яценко как первый российский теоретик федерализма // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2011. № 8 (70). С. 225–231.
5. Краковский К. П. Счастливая находка. По страницам биографий профессоров В. А. Савальского и С. И. Живаго // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 3. С. 67–73.
6. Михальченко С. И. Письма Ф. В. Тарановского в архивах России как исторический источник // Актуальные вопросы изучения и преподавания социально-гуманитарных дисциплин: Материалы междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. Витебск, 25–28 апреля 2018 г. / Под ред. В. А. Космача, А. Н. Дулова. Витебск: ВГУ, 2018. С. 45–46.
7. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Ч. I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 27–40.
8. Сазонникова Е. В. Навстречу 100-летию юбилею Воронежского государственного университета в 2018 г. // Ветеран прокуратуры (общественно-информационный журнал). 2018. № 6. С. 54–62.
9. Сэруа В. С. Наука, печать, просвещение как направления деятельности юридических научных обществ в досоветской России (на примере Общества истории, филологии и права при Императорском Варшавском Университете) // Законность и правопорядок. 2020. № 2 (26). С. 82–87.
10. Томсинов В. А. Тарановский Ф. В. История русского права / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. Сер. «Русское юридическое наследие». М.: Зерцало, 2004. 238 с.

11. Щетинина Г. И. Университеты в России и Устав 1884 г. М.: Наука, 1976. 231 с.
12. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / Авт.-сост. Е. А. Бондарева. М.: Вече, 2012. 448 с.

Поступила в редакцию 09.03.2023; принята к публикации 25.09.2023

Original article

Aleksey A. Isakov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6235-0856; alexey.isakov@arz.unn.ru
Lyubov V. Isakova, Cand. Sc. (History), Senior Lecturer, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9545-5408; isakova@arz.unn.ru

FILLING PROFESSORIAL POSITIONS IN RUSSIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY (based on the epistolary correspondence of F. V. Taranovsky)

Abstract. The article presents the specific features of the competitive election of professors in pre-revolutionary Russia reconstructed on the basis of studying the letters of a famous Russian legal scholar F. V. Taranovsky. Investigating this issue is directly related to the problem of restoring a complete picture of the academic culture of that time. This determines the relevance of the stated topic caused by ongoing changes of legal, socio-economic, historical and cultural nature. The study is based on the analysis of a set of written sources, including letters, telegrams, and postcards sent by Taranovsky to the Dean of the Faculty of Law of Yuryev University, V. E. Grabar, from December 1907 to September 1909. The work is based on the principles of historicism and the value approach, highlighting individual phenomena of the past that are of primary importance for the current stage of development of society as a whole and historical knowledge in particular. The biographical method was mainly used for studying and describing the procedure of the faculty election of a candidate for a vacant professorial chair with its inherent specificity determined by the legislation of the Russian Empire, the established rules for reviewing and discussing the candidates, as well as the personal characteristics of the elected and the electing ones. The presented material and the conclusions drawn from the obtained results are an important contribution to studying one of the important aspects of the academic cultural tradition in pre-revolutionary Russia and an important complement to the known biographies of some early-twentieth-century Russian professors.

Key words: competitive election, academic culture, Faculty of Law, Derpt (Yuryev) University, Taranovsky, Grabar

For citation: Isakov, A. A., Isakova, L. V. Filling professorial positions in Russia in the early twentieth century (based on the epistolary correspondence of F. V. Taranovsky). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):94–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.979

REFERENCES

1. Ablyazov, K. A. The University Charter of 1884: the history of preparation and characteristics of its main provisions. *Industry: Economics, Management, Technology*. 2006;12:100–108. (In Russ.)
2. Boykov, V. Historian P. N. Artsashev and the University of Tartu (Yuriev). *Tartu State University. History, evolution, staff training, and research. Vol. I. Social sciences: Abstracts of reports for the XIII Baltic Conference on the History of Science commemorating the 350th anniversary of Tartu State University*. Tartu, 1982. P. 79–89. (In Russ.)
3. Gribovsky, M. V. Filling professorial positions in the Russian pre-revolutionary university: appointment vs elections. *Tomsk State University Journal*. 2017;423:71–76. (In Russ.)
4. Kalina, V. F. A. S. Yashchenko as the first Russian theorist of federalism. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law*. 2011;8(70):225–231. (In Russ.)
5. Krakovskiy, K. P. A lucky find. According to the biographies of professors V. A. Savalsky and S. I. Zhivago. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2021;8(3):67–73. (In Russ.)
6. Mikhailchenko, S. I. Letters of F. V. Taranovsky in Russian archives as a historical source. *Contemporary issues of studying and teaching social disciplines and humanities: Proceedings of the international research and practice conference commemorating the 100th anniversary of the History Faculty of Vitebsk State University named after P. M. Masherov. Vitebsk, 25–28 April 2018*. Vitebsk, 2018. P. 45–46. (In Russ.)
7. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. The University Charter of 1884: illusion of the academic freedom (part I). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014;4(1):27–40. (In Russ.)
8. Sazonnikova, E. V. Towards the one hundred anniversary of the Law Faculty of the Voronezh State University in 2018. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2016;4:8–53. (In Russ.)
9. Serua, V. S. Science, printing, and education as areas of activity of law scientific societies in pre-Soviet Russia (the case of the Society of History, Philology and Law at the Imperial University of Warsaw). *Legality and Legal Order*. 2020;2(26):82–87. (In Russ.)
10. Tomsinov, V. A. Taranovsky F. V. History of Russian law. Moscow, 2004. 238 p. (In Russ.)
11. Shchetinina, G. I. Universities in Russia and the Charter of 1884. Moscow, 1976. 231 p. (In Russ.)
12. Pax Rossica. Russian statehood in the works of foreign historians. Moscow, 2012. 448 p. (In Russ.)

Received: 9 March 2023; accepted: 25 September 2023

АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ ФЕДОСОВ

инспектор фондов отделения воспитательной работы Отдела морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом
МВД по Республике Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
muzeymvdperk@mail.ru

ИВАН ОЛЕГОВИЧ ПОПОВ

помощник начальника Оперативного отдела Штаба
Управление Росгвардии по Республике Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vanechka.popov.1991@mail.ru

ВОЙСКА НКВД В ОБОРОНЕ И ОСВОБОЖДЕНИИ КАРЕЛИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – изучение малоизвестной истории участия войск Народного комиссариата внутренних дел в боевых действиях на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны, дополнение информационной базы по истории войны в Карелии. В научный оборот впервые вводятся архивные данные Российского государственного военного архива и Центрального пограничного архива, систематизируются разрозненные сведения о составе и боевой истории войск НКВД СССР, действовавших на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны на Северном и Карельском фронтах, а также об их вкладе в оборону и освобождение республики в 1941–1944 годах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : войска НКВД, Северный фронт, Карельский фронт, Управление пограничных войск НКВД Карело-Финского округа, Управление войск НКВД по охране тыла Карельского фронта

Б л а г о д а р н о с т и . Авторы статьи выражают благодарность за высказанные критические замечания при ее подготовке: Аркадию Адольфовичу Герману, доктору исторических наук, профессору кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, и Сергею Валерьевичу Ананьеву, кандидату исторических наук, доценту, старшему офицеру 2-го Научного отдела Научного центра стратегических исследований Главного центра научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Федосов А. В., Попов И. О. Войска НКВД в обороне и освобождении Карелии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 103–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.980

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени в Карелии направленных исследований по проблематике участия войск НКВД СССР в обороне и освобождении республики в годы Великой Отечественной войны не проводилось, и история этих территориальных частей остается малоизученной. Последствиями этого стало фактическое забвение о них в исследовательской, мемуарной и публицистической литературе, как в составе Северного, так и Карельского фронтов, включая Книгу Памяти Республики Карелия¹. Этот фактор наложил отпечаток на далеко не полный перечень частей войск НКВД СССР, выбитый на плитах мемориала Карельского фронта, открытие которого в Петрозаводске было приурочено к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Восстанавливать этот пробел сегодня приходится в рамках ведомственной исторической работы в МВД по Республике Карелия, направленной на изучение и сохранение историко-культурного наследия краевых правоохранительных органов. Материалы по данной проблематике периодически публикуются в издании «Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия» (издается с 4 мая 2000 года), в том числе по истории частей войск НКВД СССР в годы Второй Мировой войны на территории Карелии. К ним можно отнести исследования С. В. Карпеченко по истории Ленинградского военного пограничного училища НКВД СССР в пос. Партала (2007)², В. Н. Тетина по истории 52-го полка НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и его бронепоездов (2015)³ и А. В. Федосова, собравшего наиболее полные

сведения о составе частей войск НКВД СССР в военные годы (2005–2020)⁴. В этом ведомственном издании также публиковались доклады, представленные на научных конференциях, где наиболее выделяются работы С. Г. Бандурина по теме охраны тыла действующей армии в предвоенный период⁵, А. А. Плеханова об участии пограничных войск в боевых операциях и охране тыла Красной Армии на Карельском фронте⁶ и В. Н. Копанева о частях войск НКВД по охране железнодорожных сооружений⁷.

В 2007–2008 годах для направленного изучения истории войск НКВД на карельской территории было организовано взаимодействие МВД по Республике Карелия с Российским государственным военным архивом (РГВА)⁸, а в 2011 году – с Центральным пограничным архивом (ЦПА)⁹. Оттуда поступили содержательные архивные справки, которые помогли разобраться с перечнем частей войск НКВД СССР, участвовавших в обороне и освобождении республики в годы Великой Отечественной войны. В 2015 году взаимодействие организовано с местными поисковыми отрядами «Эстафета поколений» и «Карельский рубеж», подготовившими справку о боевом пути 15-го Краснознаменного мотострелкового полка (КМСП) войск НКВД СССР¹⁰.

На основе полученных материалов авторам удалось обобщить разрозненные сведения о составе и боевой истории частей войск НКВД СССР, действовавших на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны на Северном и Карельском фронтах. При этом участие частей войск НКВД в обороне Карельского перешейка на Северном фронте и их взаимодействие с истребительными батальонами НКВД КФССР при ликвидации диверсионно-разведывательных групп противника в тылу Карельского фронта представляют особую тему для будущих исследований.

Приказом НКВД СССР от 8 марта 1939 года из Ленинградского округа пограничных войск НКВД СССР был выделен самостоятельный Карельский округ с образованием управления по месту дислокации в городе Петрозаводске. Его начальником назначили комбрига Василия Никитича Долматова (07.05.1939–22.09.1941)¹¹. Приказом этого управления от 14 апреля 1939 года в подчинение округа перешли 72-й, 73-й и 80-й пограничные отряды (ПО) [7: 181–187]. На юге округ граничил с Ленинградским, а на севере – с Мурманским округами пограничных войск НКВД СССР. После Советско-финляндской вой-

ны 1939–1940 годов, именуемой тогда «Героическим финским походом» (Финская война), по мирному договору с Финляндией от 12 марта 1940 года в СССР были возвращены исконно карельские земли. Ранее они в составе Финляндской губернии указами императора Александра I от 1 и от 23 декабря 1811 года были присоединены в административном порядке к Великому княжеству Финляндскому [9: 194]. Возвращенные территории с центрами в городах Выборг, Кексгольм, Сортавала, Куркийоки, Суоярви и Питкяранта решением VI сессии Верховного Совета СССР от 31 марта 1940 года были включены в состав КАСССР с преобразованием ее в 12-ю союзную республику – Карело-Финскую ССР (КФССР). Новый статус был подтвержден законом Верховного Совета КАСССР от 13 апреля 1940 года¹². На этом основании Управление пограничных войск НКВД Карельского округа было переименовано в Управление пограничных войск НКВД Карело-Финского округа (КФО). К июню 1941 года в него входили дислоцированные на территории КФССР пограничные отряды: 1-й Калевальский (пос. Калевала), 3-й Петрозаводский (г. Сортавала), 72-й (д. Конек-Ковдозеро, Кемский район), 73-й Ребольский Краснознаменный (пос. Реболы), 80-й (с. Кипраньяки, Суоярвский район), Отдельная рота связи при управлении и Окружная школа младшего начальствующего состава (ОШМНС) в пос. Поросозеро Петровского района. Боевой опыт во время Финской войны имели 1-й Калевальский ПО¹³ и 73-й Ребольский Краснознаменный ПО войск НКВД СССР, где последнему Указом Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 26 апреля 1940 года был вручен орден Боевого Красного Знамени¹⁴. Этим же указом 13 пограничникам из частей войск НКВД КФО было присвоено высокое звание Героя Советского Союза¹⁵.

На территории КФССР дислоцировались также другие части войск НКВД, в том числе введенные сюда после Финской войны 4-й мотострелковый полк (МСП) и 5-й Ребольский МСП войск НКВД СССР. При этом 4-й МСП был направлен для охраны правительственных учреждений новой союзной республики в Петрозаводск. С 26 февраля 1941 года началось формирование оперативных войск НКВД СССР, в том числе 21-й дивизии оперативных войск НКВД СССР, куда приказом от 28 февраля 1941 года были зачислены 4-й и 5-й Ребольские МСП. Следующим приказом НКВД СССР от 17 марта 1940 года оба этих полка были переименованы соответственно в 15-й МСП и 14-й МСП войск НКВД СССР с определением мест дислокации их штабов

в Сортавале и Выборге. Указом ПВС СССР от 26 апреля 1940 года за боевые заслуги в Финской войне оба полка под своими прежними наименованиями – 4-й МСП и 5-й Ребольский МСП – были награждены орденами Боевого Красного Знамени с правом именоваться Краснознаменными (КМСП). Приказом НКВД СССР от 31 мая 1941 года № 391 за 15-м МСП и 14-м МСП было закреплено это право на ордена и на наименование «Краснознаменные». На случай войны в задачи обоих полков входила охрана войскового тыла 23-й Армии на участке государственной границы с Финляндией, 14-му КМСП (штаб в Выборге) – на Карельском перешейке, а 15-му КМСП (штаб в Сортавале) – в районе Северного Приладожья¹⁶.

К июню 1941 года в Сортавале также дислоцировался Артиллерийский полк 20-й стрелковой дивизии (СД) войск НКВД¹⁷, а на территории Сортாவальского района – Ленинградское военное пограничное училище НКВД СССР, размещенное в приграничном пос. Парала на берегу озера Пялъярви. В городе Энсо на Карельском перешейке свои задачи выполняли 154-й полк войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, сформированный по приказу НКВД СССР от 26 мая 1940 года, а также 74-й Отдельный батальон войск НКВД по охране промышленных предприятий¹⁸. Охрана железнодорожных путей по линии Кировской железной дороги, проходившей через всю КФССР и Мурманскую область, возлагалась на подразделения и гарнизоны 52-го и 80-го полков 2-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. Штаб 52-го полка, сформированного в 1932 году, располагался в Петрозаводске, а штаб 80-го полка, созданного в январе 1940 года, в Кандалакше Мурманской области. На 52-й полк возлагалась охрана железнодорожных мостов и коммуникаций на южном участке дороги по линии станций Свирь – Петрозаводск – Медвежья Гора – Сегежа, а на 80-й полк – на северном участке по линии станций Сегежа – Кемь – Лоухи – Кандалакша – Апатиты. В Выборге располагался штаб 82-го полка 2-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, сформированный в апреле 1940 года первоначально как 100-й полк и реорганизованный в 82-й полк приказом НКВД СССР от 27 ноября 1940 года. Он обеспечивал охрану железнодорожных объектов на Карельском перешейке вплоть до Сердоболя (Сортавала)¹⁹. На территории КФССР находился Отдельный контрольно-пропускной пункт (КПП) пограничных войск, сформированный по приказу НКВД СССР от 23 января 1937 года, как КПП «Сорока», который в 1938 году переименовали

в КПП «Беломорск». Он обеспечивал своими постами охрану побережья Белого моря для пропуска советских и иностранных грузовых судов. На побережье Выборгского залива в составе 5-го Краснознаменного ПО войск НКВД Ленинградского округа с 16 августа 1940 года такие задачи выполнял Отдельный КПП «Нурми», переименованный по приказу НКВД СССР от 25 марта 1941 года в Отдельный КПП «Выборг»²⁰. Охрану объектов Беломорско-Балтийского водного пути (Беломорканал) обеспечивал 155-й полк войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности со штабом в пос. Надвоицы²¹. Структурами оперативного взаимодействия с частями войск НКВД СССР к июню 1941 года являлись территориальные народные комиссариаты – НКВД и НКГБ КФССР, организованные в порядке разделения с 26 февраля 1941 года союзного наркомата внутренних дел²². На случай войны боевое прикрытие государственной границы на территории Карело-Финской ССР возлагалось на 7-ю Отдельную Армию (ОА) Ленинградского военного округа с зоной ответственности севернее Ладожского озера [2: 644]. Дислоцированные здесь части войск НКВД СССР, а также органы НКВД и НКГБ КФССР в случае войны по мобилизационному плану переходили в оперативное подчинение военного командования Красной Армии для выполнения задач по охране и защите тыла действующей армии.

В ходе тайной подготовки фашистской Германии к нападению на СССР командование вермахта и союзных войск стран-сателлитов рассматривало северо-западные территории нашей страны как стратегически важное направление для предстоящего наступления. 22 июня 1941 года Германия вероломно напала на СССР, ввиду чего Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» в приграничных областях страны, в том числе на территории Северо-Запада, было введено военное положение²³. На этом основании все функции органов государственной власти перешли к военным советам военных округов, фронтов и армий, где гражданская власть обязана была содействовать командованию в использовании сил и средств для нужд обороны [2: 151–152]. В оперативное подчинение военного командования также перешли части войск НКВД СССР, дислоцированные на приграничной территории, включая и Карело-Финскую ССР. Управление пограничных войск НКВД КФО перешло в подчинение командованию Ленинградского округа, на базе которого с 24 июня 1941 года был образован Северный фронт [6: 106].

Согласно мобилизационному плану по приказу Управления пограничных войск НКВД КФО от 23 июня 1941 года началось формирование 185-го Резервного батальона войск НКВД, организационное ядро которого состояло из командиров и бойцов 1-го ПО, 3-го ПО и 80-го ПО. С 25 июня 1941 года ЦК ВКП(б) утвердил новый порядок охраны войскового тыла действующей армии с образованием руководящего института фронтовых и армейских начальников охраны тыла. В их функции входило руководство наведением порядка в тылу войск, обеспечение защиты тыловых дорог от наплыва беженцев и очистки путей сообщения для перемещения войск, регулирование подвоза к линии фронта и эвакуации, создание условий для бесперебойной работы системы связи, задержание дезертиров и ликвидация десантов противника [4: 502]. Для этого приказом НКВД СССР от 26 июня 1941 года № 167 начальник пограничных войск НКВД Ленинградского округа генерал-лейтенант Г. А. Степанов был утвержден начальником охраны войскового тыла Северного фронта. В его подчинение перешли все пограничные, оперативные, конвойные и охранные части войск НКВД, в том числе на территории Карело-Финской ССР²⁴. В свою очередь к Управлению пограничных войск НКВД КФО на своем участке этого фронта перешли аналогичные организационно-управленческие функции. Таким образом, можно предположить, что с 26 июня 1941 года в оперативное подчинение Управления пограничных войск НКВД КФО перешли 52-й, 80-й и 82-й полки войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, 154-й и 155-й полки войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, 74-й Отдельный батальон войск НКВД по охране промышленных предприятий, КПП «Выборг» и КПП «Беломорск», Артиллерийский полк 20-й СД войск НКВД и Ленинградское военное пограничное училище НКВД СССР. Этот состав дополнил силы пограничных отрядов округа. С началом войны 15-й КМСП (командир – майор Абакумов Дмитрий Львович), действовавший в составе 21-й МСД оперативных войск НКВД в обороне Северного Приладожья, по указанию НКВД СССР № 31 от 26 июня 1941 года перешел в подчинение начальника охраны тыла Северного фронта²⁵, а затем по приказу Военного совета фронта от 27 июня переподчинен Управлению охраны войскового тыла Северного фронта с задачей прикрытия Петрозаводского направления на случай наступления противника²⁶. В тот же период при Управлении пограничных войск НКВД КФО с 26 июня были

образованы Окружное управление военного снабжения (ОУВС), Окружной объединенный военный склад № 1 ОУВС и Окружная пошивочная мастерская ОУВС²⁷.

Еще до начала войны правительство Финляндии разрешило сосредоточение на своей территории группировки германских войск и организовало скрытую мобилизацию среди своего населения, в итоге финские войска теперь подчинялись немецкому командованию. За 5 дней до нападения Германии на СССР в Финляндии 18 июня 1941 года была объявлена всеобщая мобилизация, а через 10 дней, то есть 28 июня, с ее территории началось вторжение немецко-финских войск на Мурманском направлении [8: 68]. С 1 июля 1941 года немецко-финские войска начали наступление на Ладожском направлении на города Сортавала, Суоярви и Питкяранта, а также на Выборгском и Кексгольмском направлениях для выхода к Ленинграду [5: 8]. С 10 июля 1941 года немецко-финская «Карельская армия» развернула широкое наступление на Олонецком, Кестеньгском, Ухтинском, Кемском, Масельском, Петрозаводском и Медвежьегорском направлениях²⁸. Во время вторжения первыми на себя приняли удары пограничные заставы, комендатуры и отряды пограничных войск НКВД, состоявшие в оперативном подчинении военного командования, которые вместе с частями Красной Армии понесли ощутимые потери в летних кровопролитных боях. Так, состав 3-го Петрозаводского ПО, где на 6 августа 1941 года оставалось всего 33 человека, был эвакуирован из Сортавалы на Карельский перешеек. Там его пополнили и включили в Отдельную стрелковую бригаду пограничных войск, которую по приказу НКВД СССР от 15 августа 1941 года передали в Красную Армию, присвоив наименование 27-й Отдельной стрелковой бригады. Окружная школа младшего начсостава (172 человека) с 7 июля 1941 года вела оборонительные бои вместе с частями РККА на направлении Поросозеро – Луба-Салма. За проявленный в боях героизм указом ПВС КФСР от 9 сентября 1941 года ей было вручено Почетное Знамя Верховного Совета КФСР. В августе 1941 года в боях на Карельском перешейке у д. Хийтола в Куркийокском районе из состава 14-го КМСП 21-й СД оперативных войск НКВД отличились старший политрук Николай Матвеевич Руденко и красноармеец Анатолий Александрович Кокорин, санитарный инструктор [1: 23]. За мужество и героизм им было присвоено звание Героя Советского Союза, А. А. Кокорину посмертно. Этот подвиг стал первым примером подлинно-

го героизма на карельской земле. Звание героя 26 августа 1941 года также было присвоено старшему лейтенанту Никите Фадеевичу Кайманову, совершившему подвиг на Суоярвском направлении, где он умело и решительно командовал сводным пограничным отрядом из состава 80-го ПО²⁹. На Петрозаводском направлении подвиг совершил командир батареи 15-го КМСП Александр Андреевич Дивочкин, также удостоенный звания Героя Советского Союза³⁰.

Под напором финской армии на карельском участке обороны началось масштабное отступление наших войск. Так, с потерей Карельского перешейка из г. Энсо в сторону Ленинграда был вынужден отходить 154-й полк войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, расформированный в сентябре 1941 года³¹. С боями от Сортавалы сюда отходил состав Ленинградского военного пограничного училища НКВД СССР, а также Артиллерийского полка 20-й СД войск НКВД, переданный в августе 1942 года в Красную Армию³². К Ленинграду отходили 74-й Отдельный батальон войск НКВД по охране промышленных предприятий, а также КПП «Выборг», который по приказу начальника охраны тыла Ленинградского фронта от 28 октября 1941 года переименовали в Отдельный КПП охраны войскового тыла Ленинградского фронта, а 27 марта 1942 года он был передан в 104-й пограничный полк (ПП) войск НКВД с последующим расформированием с 30 мая. В сторону Ленинграда отходил и 82-й полк войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, переименованный в 1942 году в 82-й полк войск НКВД по охране железных дорог. На центральном участке обороны КФССР при отступлении войск Красной Армии из боя были выведены 1-й Калевальский ПО (266 человек) с передислокацией в мест. Шамба и 80-й ПО (342 человека), который приказом начальника Окружного управления с 1 августа 1941 года направили для охраны коммуникаций 71-й СД РККА. 72-й ПО (120 человек) и 73-й ПО (246 человек) оставались на местах, героически отражая атаки противника вместе с армейскими частями. Позже 72-й ПО передислоцировали в д. Олонга Кемского района³³. В этот период по приказу НКВД СССР от 19 июля 1941 года при особых отделах фронтов началось формирование специальных подразделений войск НКВД СССР. На Северном фронте такую задачу возложили на начальника охраны тыла фронта генерал-лейтенанта Г. А. Степанова и начальника Особого отдела фронта комиссара ГБ 3-го ранга П. Т. Куприна [4: 502]. История этих подразделений на территории КФССР требует

дополнительного изучения. В рамках очередной общесоюзной реорганизации структуры НКВД СССР в него был включен ранее выделенный состав НКГБ. На территории Карелии такое объединение состоялось с 30 июля 1941 года, на 1 августа эти два ведомства вновь образовали единую структуру – НКВД КФССР³⁴. В это время в тяжелых боях на Суоярвском направлении принимал активное участие бронепоезд (БЕПО № 52) 52-го полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, который поддерживал оборону наших войск с линии железнодорожной ветки Петрозаводск – Суоярви. После подрыва финнами путей БЕПО № 52 оказался отрезанным от своих и 22 августа 1941 года подорван командой в тупике на ст. Суйоки. Другая бронеплощадка 52-го полка войск НКВД была потеряна на Медвежьегорском направлении под Эссойлой. Оставленная командой в районе ст. Кяппесельга во время сильного орудийного обстрела противника, она стала военным трофеем.

В этот период боев за Карелию есть упоминания о других частях войск НКВД СССР. Так, с 22 июня 1941 года 6-й ПО войск НКВД под командованием полковника Андрея Евстафьевича Булыга усиливал охрану границы с Финляндией. Приказами НКВД СССР от 4 и 5 сентября 1941 года его передали на переформирование в 21-ю СД войск НКВД, где 18 сентября переименовали в 24-й СП войск НКВД³⁵. С 15 августа 1942 года этот полк передали в Красную Армию с переименованием в 456-й СП в составе 109-й СД³⁶. При этом личный состав полка убыл на формирование 14-го МСП 4-й МСД войск НКВД, прикрывавшей Кемь³⁷. Имеется упоминание о 24-м полке войск НКВД, выполнявшем задачи по охране особо важных объектов на Кировской железной дороге. По решению военного командования и ЦК КП(б) КФССР от 16 июля 1941 года его перебросили на прикрытие Петрозаводского направления, поручив охрану объектов 3-му Петрозаводскому истребительно-му батальону (ИБ) НКВД КФССР. Далее он уже как 24-й мотомеханизированный полк войск НКВД упоминается в распоряжении Военного совета 7-й Отдельной Армии от 21 июля 1941 года на Ведлозерском участке обороны, где его усилили за счет 1-го и 2-го Петрозаводских ИБ НКВД КФССР в числе 278 бойцов [6: 224].

С 23 августа 1941 года Северный фронт был разделен на Ленинградский и Карельский фронты [3: 45]. При этом к Управлению пограничных войск НКВД КФО перешли функции руководства всеми территориальными частями войск НКВД по охране войскового тыла Карельского

фронта³⁸. Однако в условиях постоянно меняющейся оперативной обстановки под напором финской армии части РККА и войск НКВД вынуждены были отступать вглубь карельской территории к Кировской железной дороге. В ходе этого отступления возникла прямая угроза захвата противником г. Петрозаводска, откуда пришлось спешно эвакуировать государственные учреждения и население. Структуры НКВД КФССР и Управления погранвойск КФО, где начальником последнего стал полковник Александр Яковлевич Киселев (22.09.1941–3.11.1942), подлежали эвакуации в Медвежьегорск. Находясь на пути к этому месту дислокации, состав Управления пограничных войск НКВД КФО 30 сентября 1941 года сделал короткую остановку в д. Янишполе Кондопожского района. Противник тем временем рвался к Петрозаводску с запада и юга. На рубежах обороны города, истекая кровью, вместе с частями Красной Армии на смерть стояли формирования НКВД КФССР и части войск НКВД СССР. Так, на северо-западном участке подступы к городу обороняли 1-й и 2-й ИБ НКВД КФССР, Окружная школа и 185-й Резервный батальон войск НКВД³⁹, который был переименован в 185-й Резервный стрелковый батальон пограничных войск КФО⁴⁰. На южном участке бои с противником вел 15-й КМСР войск НКВД, а на юго-восточном – Сводный батальон НКВД КФССР вместе с частями 3-й СД народного ополчения. Вдоль линии железной дороги их прикрывал третий БЕПО № 52 из 52-го полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. Он также потерял возможность маневра после захвата финнами участка Кировской железной дороги и с получением известия о взятии Петрозаводска был подорван командой 1 октября 1941 года на ст. Ужесельга⁴¹. Штаб 52-го полка войск НКВД в это время потерял связь с командованием своей 2-й дивизии и вынужден был отходить с гарнизонами на север к Медвежьегорску, ввиду чего исключение БЕПО-52 было проведено приказом по дивизии лишь 25 октября 1941 года⁴².

Оставляя Петрозаводск противнику, основные силы Красной Армии и войск НКВД СССР с боями отступали к Медвежьегорску. Здесь еще 10 сентября 1941 года была образована Медвежьегорская оперативная группа 32-й Армии⁴³. С прибытием в город Управления пограничных войск НКВД КФО приказом от 1 октября 1941 года было объявлено о «сформировании охраны войскового тыла Карельского фронта» с образованием Штаба войскового тыла армейской группы Кемского направления и Штаба охраны войско-

вого тыла 7-й Отдельной Армии⁴⁴, последний из которых с 26 октября 1942 года был расформирован⁴⁵. В состав сил охраны тыла Медвежьегорской оперативной группы включили все прибывающие сюда части войск НКВД СССР и формирования НКВД КФССР. Так, с 28 октября 1941 года на случай прорыва противника к городу задачи по его обороне были возложены на командира 155-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности (Беломорканал)⁴⁶. Ему в подчинение передавались истребительные батальоны и партизанские отряды НКВД КФССР⁴⁷. В оборонительных боях на Медвежьегорском направлении были задействованы 52-й и 80-й полки по охране железнодорожных сооружений, а также 15-й КМСР оперативных войск НКВД⁴⁸. По приказу командующего Медвежьегорской группой состав 80-й ПО с 2 ноября 1941 года был направлен для охраны коммуникаций по линии Кировской железной дороги на участке Кондопога – Медвежьегорск, в том числе для прикрытия тылов 15-го КМСР оперативных войск НКВД и 126-го СП РККА. С 4 декабря 1941 года финны прорвались к Медвежьегорску, вынудив оборонявшие его части Красной Армии и войск НКВД, истребительные и партизанские отряды с 5 декабря начать отход к окраинам города ввиду угрозы полного окружения. Так, личному составу 80-го ПО пришлось 8 декабря отступать по тонкому льду Повенецкого и Заонежского заливов, где он занял оборону на восточном берегу Онежского озера. По приказу начальника охраны тыла Карельского фронта от 18 декабря 1941 года для его пополнения был передан личный состав 155-го полка войск НКВД, штаб которого убыл на формирование нового 155-го полка, предназначенного для охраны Надвоицкого узла Беломорканала. Усиленный 80-й ПО в новогоднюю ночь 31 декабря 1941 года наступательным броском очистил от противника ряд захваченных стратегически важных островов в Повенецком заливе⁴⁹. После оставления противнику Медвежьегорска 15-й КМСР оперативных войск НКВД был расформирован, а его личный состав передан на формирование 20-го СП 37-й СД РККА⁵⁰. Трагической оказалась судьба оборонявших город истребительных батальонов и партизанских отрядов НКВД КФССР, вынужденных в зимних условиях с боями пробиваться из вражеского окружения.

Еще в период осенних боев за Медвежьегорск в Беломорск предусмотрительно были эвакуированы все структуры гражданского и военного управления города. С 31 октября по 3 ноября 1941 года сюда прибыли подразде-

ления НКВД КФССР и охраны войскового тыла. Вплоть до 1944 года Беломорск оставался фронтовой столицей КФССР⁵¹. Здесь при Штабе Карельского фронта была восстановлена работа Управления пограничных войск КФО, которое, согласно приказу НКВД СССР от 30 ноября 1941 года, стало официально именоваться Управлением войск НКВД по охране тыла Карельского фронта⁵². Подчиненные ему пограничные отряды в декабре 1941 года получили новые наименования пограничных стрелковых полков (ПСП). Так, 1-й Калевальский ПО под командованием полковника Георгия Георгиевича Левина приказом по войскам охраны тыла Карельского фронта от 12 декабря 1941 года стал именоваться 1-м ПСП. 72-й ПО со 2 ноября 1941 года был выведен из боев и передислоцирован на ст. Лоухи для охраны Кировской железной дороги, где по приказу НКВД СССР от 30 ноября 1941 года получил наименование 72-го ПСП. Здесь он выполнял задачи по охране коммуникаций и тыла Кемского направления на линии железнодорожной ветки Лоухи – Кестеньга и на участке Шомба – Ухта на Ухтинском направлении. Позже по приказу начальника Управления войск НКВД по охране тыла Карельского фронта от 28 мая 1942 года 72-й ПСП был передан в состав войск охраны тыла 26-й Армии на Кестеньгском направлении, где вплоть до 1944 года выполнял задачи охраны линии фронта и борьбы с диверсионно-разведывательными группами противника. 73-й Ребольский Краснознаменный ПО в декабре 1941 года стал 73-м Краснознаменным ПСП с местом дислокации штаба на ст. Уросозеро Кировской железной дороги. Позже приказом по войскам охраны тыла Карельского фронта от 3 октября 1943 года его перевели в г. Сегежа. 80-й ПО приказом НКВД СССР от 30 ноября 1941 года был переименован в 80-й ПСП с задачами охраны и обороны побережья Онежского озера по линии Западная Челмужская Коса – острова Заячий, Мудростров и Петростров, включая все побережье Повенецкого и Заонежского заливов. С января 1942 года для оказания помощи в охране и обороне Повенецкого залива ему была приписана Окружная школа МНС ПВ КФО, в том числе для участия в ликвидации прорвавшихся диверсионных групп врага. На основании приказа НКВД СССР от 12 июня 1943 года эту школу расформировали по приказу Управления войсками НКВД по охране тыла Карельского фронта от 26 июня 1943 года и взамен с 26 июня утвердили Учебную команду МНС. Местом дислокации команды определили пос. Разнаволок в Беломорском районе, назначив начальником

капитана Михаила Федоровича Чернилевского. В ее задачу входила подготовка младших командиров, курсанты также привлекались к поиску и ликвидации вражеских диверсионных групп. Отдельная рота связи пограничных войск НКВД КФО с 30 ноября 1941 года стала именоваться Отдельной ротой связи⁵³, а затем по приказу НКВД СССР от 22 июля 1943 года – 101-й Отдельной ротой связи войск НКВД охраны тыла Карельского фронта⁵⁴. 185-й Резервный СБ пограничных войск КФО в декабре 1941 года получил наименование 185-й Отдельный батальон войск НКВД охраны тыла Карельского фронта⁵⁵, до мая 1943 года он выполнял задачи по охране и обороне коммуникаций на линии пос. Песчаное в Пудожском районе КФССР – г. Вытегра в Вологодской области⁵⁶.

С 26 июня 1942 года Управлению войск НКВД по охране тыла Карельского фронта было подчинено Управление пограничных войск Мурманского округа, переименованное в Оперативную группу. Ей подчинялись все части и пограничные полки, дислоцированные в Мурманской области: 82-й ПСП, 17-я Отдельная Иоконгская и 20-я Отдельная Териберская пограничные комендатуры, 100-й и 181-й Отдельные пограничные батальоны, Отдельная рота связи и Отдельный морской КПП «Мурманск». В условиях стабилизации фронта на этом участке по приказу НКВД СССР от 2 июля 1943 года данную Оперативную группу с 29 июля расформировали⁵⁷. С 3 ноября 1942 года начальником Управления войск НКВД по охране тыла Карельского фронта назначили полковника Ивана Прокофьевича Молошников, который командовал подчиненными ему частями вплоть до освобождения Карелии⁵⁸. Отдельного исследования требует порядок управления на Карельском фронте другими внутренними, конвойными и железнодорожными частями войск НКВД СССР. В этот период 52-й полк войск НКВД по охране железнодорожных сооружений в составе 2-й СД войск НКВД по приказу НКВД СССР от 11 ноября 1942 года был переименован в 52-й полк 23-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог и действовал до 10 октября 1944 года⁵⁹.

В условиях непрекращающихся попыток прорыва в наши тылы диверсионно-разведывательных групп противника по приказу НКВД СССР от 12 июня 1943 года при Управлении войск НКВД по охране тыла Карельского фронта была образована Отдельная маневренная группа с дислокацией в пос. Пристань-Рознаволок в Беломорском районе под командованием капитана Петра Илларионовича Ефименко. В нее отобра-

ли лучший состав из всех частей войск НКВД. Приказом НКВД СССР от 22 июля 1943 года ей присвоили наименование 101-й Отдельной маневренной группы войск НКВД охраны тыла Действующей армии, определив местом дислокации штаба пос. Накханос в Тунгудском районе. В специальные задачи группы входил поиск и уничтожение диверсионных подразделений финнов на широком участке ответственности 73-го КПСП, 100-го и 185-го отдельных пограничных батальонов. Отдельный КПП «Беломорск» в составе своих постов пропуска продолжал выполнять задачи охраны советских и иностранных грузовых судов на побережье Белого моря, обеспечивавших поставки грузов по ленд-лизу, позже по приказу НКВД СССР от 23 сентября 1943 года его передали в 4-й Архангельский ПСП войск НКВД⁶⁰. В составе Карельского фронта с 24 февраля 1943 года также действовало Отделение НКВД СССР по делам военнопленных, реорганизованное с 1 февраля 1944 года в Отдел по делам военнопленных⁶¹. В его подчинении находились приемные пункты военнопленных (ППВ), предназначенные для их концентрации во время предстоящего наступления наших войск. Однако в 1943 году в ходе наступления Красной Армии на центральных участках фронта с немецко-фашистскими захватчиками большая часть ППВ Карельского фронта была передана другим фронтам. Так, ППВ № 1 вошел в состав 3-го Белорусского фронта (10.04.1943), ППВ № 2 – 1-го Прибалтийского фронта (28.10.1943), а ППВ № 5 – Ленинградского фронта (7.10.1943). Для обслуживания Карельского фронта был сформирован ППВ № 4 (10.04.1943)⁶².

Летом 1944 года началось масштабное наступление Красной Армии и на Карельском фронте, ее тылы прикрывали закрепленные части войск НКВД охраны войскового тыла. В этих боях участвовал 288-й СП внутренних войск НКВД, сформированный 15 января 1942 года из истребительного отряда Управления НКВД по Ленинградской области, освобождавший Петрозаводск и Сердоболь (Сортавала)⁶³. В ходе наступления с 21 июня 1944 года начал свое движение на запад и 80-й ПСП в составе 32-й Армии.

После победы на Карельском фронте между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 года было подписано соглашение о перемирии и прекращении боевых действий. С выходом наших войск к государственной границе изменились и функции Управления войск НКВД по охране тыла фронта, которому приказом НКВД СССР от 21 сентября 1944 года вернули прежнее наименование – Управление пограничных войск Карело-

Финского округа, определив местом дислокации освобожденный Петрозаводск. Этим же приказом НКВД СССР всем пограничным полкам вернули прежние наименования пограничных отрядов, а состоящая при нем 101-я Отдельная маневренная группа войск НКВД охраны тыла Действующей армии была расформирована. Для охраны государственной границы с Финляндией 1-й ПО войск НКВД получил назначение в г. Сортавала (командир Кузьма Николаевич Соловьев), 72-й ПО – в с. Ухта Калевальского района (командир – майор Иван Андреевич Кораблев), 73-й Краснознаменный ПО – в с. Реболы (командир – майор Николай Николаевич Черников). В обеспечении охраны границы также был задействован 80-й ПО (командир – подполковник Федор Андреевич Михайлов). Состоявшие при управлении вспомогательные и тыловые подразделения подлежали упразднению. Так, Учебную команду МНС расформировали по приказу НКВД СССР от 27 сентября 1944 года⁶⁴, а 101-ю Отдельную роту связи – с 7 октября⁶⁵. Расформированию в сентябре 1944 года подлежал и 185-й Отдельный батальон войск НКВД⁶⁶. Вместе с ними с 21 сентября исключили из списков Окружное управление военного снабжения, Окружной объединенный военный склад № 1 ОУВС и Окружную пошивочную мастерскую ОУВС НКВД КФО⁶⁷. Последним из состава войск НКВД на Карельском фронте с 15 ноября 1944 года был расформирован Отдел по делам военнопленных НКВД, однако состоявший при нем ППВ № 4 продолжил работу на другом фронте вплоть до 9 мая 1945 года⁶⁸.

В послевоенный период дислоцированные на территории КФССР части войск НКВД – МВД СССР продолжили свою службу по выполнению специальных задач мирного времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Части войск НКВД СССР на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны, осуществляя функции охраны тыла действующей армии на Северном и Карельском фронтах (1941–1944), активно участвовали в боях и полностью выполнили возложенные на них специальные задачи во имя общей победы. На разных этапах войны совершенствовалась организационная структура руководства этими частями. В условиях стабилизации фронта в его подчинение перешло Управление пограничных войск Мурманского округа. Части войск НКВД СССР, выполняя задачи охраны войскового тыла Красной Армии, при изменении оперативной обстановки и отступлении войск в начальный период войны вступали в непосредственное бо-

еовое соприкосновение с врагом, неся ощутимые потери, а в условиях стабилизации фронта приняли на себя задачи по борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника в тылу этих войск, в том числе на завершающем этапе по обеспечению их боевого тылового прикрытия в ходе общего наступления Красной Армии на Карельском фронте. На разных этапах войны структура частей войск НКВД периодически претерпевала изменения и реорганизацию с учетом требований боевой обстановки и возникновения новых фронтовых задач. В составе Северного и Карельского фронтов на части войск НКВД СССР помимо охраны войскового тыла

возлагались функции охраны военных коммуникаций и важных оборонных объектов, включая предприятия промышленности и железнодорожного транспорта, конвоирования военнопленных, борьбы с диверсантами, шпионами и дезертирами, а также несвойственные служебно-боевые задачи с учетом специфики этих войск.

Таким образом, части войск НКВД СССР в 1941–1944 годах внесли свой героический вклад в оборону и освобождение Карелии во время Великой Отечественной войны. Фактически забытая история их боевых действий требует специального изучения наравне с изучением истории войск Красной Армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Книга Памяти Республики Карелия. Петрозаводск, 1995–1997. Т. 1–8.
- ² Карпеченко С. В. Ленинградское военное пограничное училище НКВД СССР. 1940–1941 годы, КФССР, г. Сортавала, пос. Партала // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УК МВД по РК, 2007. № 1 (21). С. 16–24 (далее – Карпеченко С. В. Ленинградское военное пограничное училище НКВД СССР).
- ³ Тетин В. Н. 52 полк НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений в обороне Карелии в 1941 году // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2015. № 3 (50). С. 37–47 (далее – Тетин В. Н. 52 полк НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений в обороне Карелии).
- ⁴ Федосов А. В. Перечень Управлений, соединений и учреждений НКВД СССР и НКВД КФССР, принимавших участие в Великой Отечественной войне на территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2020. № 5 (89). С. 20–24.
- ⁵ Бандурин С. Г. К вопросу об охране тыла действующей Красной Армии в предвоенный период // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2020. № 4 (88). С. 2–7.
- ⁶ Плеханов А. А. Участие советских пограничных войск в боевых операциях и охране тыла действующей Красной Армии на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2020. № 4 (88). С. 7–10.
- ⁷ Копанев В. Н. Войска НКВД по охране железнодорожных сооружений (ОЖДС) в боях за Карелию в 1941 году // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2020. № 5 (89). С. 9–12 (далее – Копанев В. Н. Войска НКВД по охране железнодорожных сооружений).
- ⁸ Архивная справка ГУ «Российский государственный военный архив» от 30.12.2008 г. № 2201/и. – УРЛС МВД по РК, 2008. 11 с. (далее – Архивная справка РГВА).
- ⁹ Архивная справка ФГУ «Центральный пограничный архив» от 01.08.2011 г. № 21/59/1050. – УРЛС МВД по РК, 2011. 27 с. (далее – Архивная справка ЦПА).
- ¹⁰ Историческая справка «15-й Краснознаменный мотострелковый полк войск НКВД СССР», 2015. – УРЛС МВД по РК. 12 с. (далее – Историческая справка 15-й КМСП).
- ¹¹ Архивная справка ЦПА.
- ¹² Намятова Е. С. Административно-территориальное деление Карелии в исторический период XV–XX веков // Бюллетень Музея истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: КЦ МВД по РК, 2013. № 1 (40). С. 2–47.
- ¹³ Федосов А. В. Войска НКВД СССР в «Финском походе» 1939–1940 годы // Бюллетень Музея истории МВД Карелии. Петрозаводск: УК МВД Карелии, 2005. № 2 (16). С. 16–24.
- ¹⁴ Архивная справка ЦПГ.
- ¹⁵ Пограничные войска СССР. 1939–1940: Сборник документов и материалов / Сост. Е. В. Цыбульский, А. И. Чугунов, А. И. Юхт. М.: Наука, 1970. С. 189.
- ¹⁶ Историческая справка 15-й КМСП.
- ¹⁷ Российский государственный военный архив, г. Москва (далее – РГВА). Фонд № 38711.
- ¹⁸ РГВА. Фонд № 33393.
- ¹⁹ РГВА. Фонд № 38377.
- ²⁰ Архивная справка ЦПА.
- ²¹ РГВА. Фонд № 38360.
- ²² Федосов А. В. Перестройка функций органов НКВД и НКГБ КФССР в первые месяцы Великой Отечественной войны // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2015. № 3 (50). С. 14–36.
- ²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: 1941–1952 годы / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 754.
- ²⁴ Архивная справка ЦПА.

- ²⁵ РГВА. Фонд № 41002.
- ²⁶ Историческая справка 15-й КМСП.
- ²⁷ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156 «Об объявлении перечней управлений, соединений, воинских частей и подразделений НКВД СССР, принимавших участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (далее – Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156).
- ²⁸ Мерецков К. А. На службе народу. 5-е изд. М.: Политиздат, 1988. С. 215.
- ²⁹ Архивная справка ЦПА.
- ³⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М.: Русь, 2000. С. 536–539.
- ³¹ РГВА. Фонд № 33393.
- ³² РГВА. Фонд № 38711.
- ³³ Архивная справка ЦПА.
- ³⁴ Архив МВД по Республике Карелия (далее – Архив МВД по РК). Ф. 68. Оп. 2. Д. 093. Л. 79.
- ³⁵ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ³⁶ РГВА. Фонд № 41002.
- ³⁷ РГВА. Фонд № 18333.
- ³⁸ Архивная справка ЦПА.
- ³⁹ Архивная справка ЦПА.
- ⁴⁰ РГВА. Фонд № 34262.
- ⁴¹ Тетин В. Н. Бронепоезд 52 полка войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений в обороне Петрозаводска в 1941 году // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2015. № 3 (50). С. 48–51.
- ⁴² Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ⁴³ Федосов А. В. НКВД КФССР в боях на Медвежьегорском направлении в 1941 году // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2018. № 12 (72). С. 24–31.
- ⁴⁴ Архивная справка ЦПА.
- ⁴⁵ РГВА. Фонд № 41184.
- ⁴⁶ Архивная справка РГВА.
- ⁴⁷ Архив МВД по РК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 092. Л. 2–4.
- ⁴⁸ Историческая справка 15-й КМСП.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 253. Л. 122.
- ⁵⁰ Историческая справка 15-й КМСП.
- ⁵¹ Федосов А. В. Деятельность НКВД КФССР в период эвакуации во фронтовую столицу республики г. Беломорск: 1942 год // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск: УРЛС МВД по РК, 2020. № 10 (94). С. 17–23.
- ⁵² РГВА. Ф. 32830.
- ⁵³ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ⁵⁴ Архивная справка ЦПА.
- ⁵⁵ РГВА. Фонд № 41178.
- ⁵⁶ РГВА. Фонд № 34262.
- ⁵⁷ Архивная справка ЦПА.
- ⁵⁸ Архивная справка ЦПА.
- ⁵⁹ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ⁶⁰ Архивная справка ЦПА.
- ⁶¹ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ⁶² Приказ МВД России от 25.02.1999 г. № 148 «Об объявлении дополнительного перечня подразделений НКВД СССР, принимавших участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (далее – Приказ МВД России от 25.02.1999 г. № 148).
- ⁶³ РГВА. Фонд № 38798.
- ⁶⁴ Архивная справка ЦПА.
- ⁶⁵ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ⁶⁶ РГВА. Фонд № 41178.
- ⁶⁷ Приказ МВД России от 27.12.2001 г. № 1156.
- ⁶⁸ Приказ МВД России от 25.02.1999 г. № 148.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин С. В. Войска НКВД в битве за Ленинград // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 22–27.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 831 с.
3. Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк / Ред. А. И. Бабин. М.: Наука, 1984. 359 с.
4. Лагодский С. А., Лашкевич С. А., Степанов Н. В. Первые шаги к Победе. Органы внутренних дел и войска НКВД в 1941 году. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. 502 с.
5. Русаков З. Г. Нашим морем была Ладога. Моряки Ладожской флотилии в битве за Ленинград. Л.: Лениздат, 1989. 176 с.

6. Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Академия МВД России, 1999. 224 с.
7. Терещенко В. В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. Вып. 6 (122). С. 181–187.
8. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1971. 358 с.
9. Heikki Kirkinen, Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. Karjalan kansan historia. Werner Soderstrom Oskeyhtio Porvoo – Helsinki – Juva. 1994. S. 194 / Хейкки Киркинен, Пекка Невалайнен, Ханнес Сихво. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. 321 с.

Поступила в редакцию 31.03.2023; принята к публикации 25.09.2023

Original article

Alexander V. Fedosov, Funds Inspector, Department of Moral and Psychological Support of the Directorate for Human Resources Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
muzeymvdporok@mail.ru

Ivan O. Popov, Assistant Chief, Operations Division of the Russian Guard Troops Headquarters in the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
vanechka.popov.1991@mail.ru

THE CONTRIBUTION OF NKVD TROOPS TO THE DEFENSE AND LIBERATION OF KARELIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The purpose of the research is to study the little-known history of the participation of the troops of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) in the combat operations on the territory of the Karelian-Finnish Soviet Socialist Republic (SSR) during the Great Patriotic War in order to supplement the information base on the history of the war in Karelia. The article introduces the archival data of the Russian State Military Archive and the Central Border Archive into the scientific circulation for the first time and systematizes the scattered information about the composition and combat history of the units of the USSR NKVD troops operating on the territory of the Karelian-Finnish SSR during the Great Patriotic War on the Northern and Karelian fronts, as well as about their contribution to the defense and liberation of the Republic in 1941–1944.

Keywords: NKVD troops, Northern Front, Karelian Front, Directorate of NKVD Border Troops of the Karelian-Finnish District, Directorate of NKVD Troops for the Protection of the Rear of the Karelian Front

Acknowledgments. The authors of the article express gratitude for the critical comments made during its preparation to Arkadiy A. German, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, and Sergei V. Ananyev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Officer of the Second Scientific Department of the Scientific Center for Strategic Research of the Main Center for Scientific Research of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation.

For citation: Fedosov, A. V., Popov, I. O. The contribution of NKVD troops to the defense and liberation of Karelia during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):103–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.980

REFERENCES

1. Bunin, S. V. NKVD troops in the battle for Leningrad. *Military History Journal*. 2014;3:22–27. (In Russ.)
2. The Great Patriotic War. 1941–1945: Encyclopedia. (M. M. Kozlov, Ed.). Moscow, 1985. 831 p. (In Russ.)
3. Karelian Front in the Great Patriotic War. 1941–1945: Essay on military history. (A. I. Babin, Ed.). Moscow, 1984. 359 p. (In Russ.)
4. Lagodskiy, S. A., Lashkevich, S. A., Stepanov, N. V. First steps to Victory. Internal affairs bodies and NKVD troops in 1941. Moscow, 2012. 502 p. (In Russ.)
5. Rusakov, Z. G. Ladoga was our sea. Sailors of the Ladoga flotilla in the battle for Leningrad. Leningrad, 1989. 176 p. (In Russ.)
6. Salnikov, V. P., Stepashin, S. V., Yangol, N. G. Internal affairs bodies of the North-West of Russia during the Great Patriotic War. St. Petersburg, 1999. 224 p. (In Russ.)
7. Tereshchenko, V. V. Border districts on the eve of the Great Patriotic War (1939 – June 1941). *Tambov University Review*. 2013;6(122):181–187. (In Russ.)
8. Yudenkov, A. F. Political work of the party among the population of the occupied Soviet territory (1941–1944). Moscow, 1971. 358 p. (In Russ.)
9. Heikki Kirkinen, Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. Karjalan kansan historia. Werner Soderstrom Oskeyhtio Porvoo – Helsinki – Juva. 1994. S. 194. / Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. History of the Karelian people. Petrozavodsk, 1998. 321 p. (In Russ.)

Received: 31 March 2023; accepted: 25 September 2023

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КОЗИН

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8398-8805; mister.svk92@yandex.ru

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ЖИДЯЕВА

старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова

(Алатырь, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8238-193X; tanya21_84@mail.ru

Рец. на кн.: Леонтьева Т. Г., Беговатов Д. А., Дмитриев Н. А., Леонтьева О. Г. Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения в Калининской области в воспоминаниях «детей войны»: Коллективная монография / Под ред. Т. Г. Леонтьевой. Тверь: СФК-офис, 2022. – 240 с.

Для цитирования: Козин С. В., Жидяева Т. П. Рец. на кн.: Леонтьева Т. Г., Беговатов Д. А., Дмитриев Н. А., Леонтьева О. Г. Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения в Калининской области в воспоминаниях «детей войны»: Коллективная монография / Под ред. Т. Г. Леонтьевой. Тверь: СФК-офис, 2022. – 240 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 114–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.981

В декабре 2022 года издательство «СФК-офис» при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (по проекту № 21-09 43126, руководитель – Т. Г. Леонтьева) выпустило в свет коллективную монографию «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения в Калининской области в воспоминаниях «детей войны»». Социальная категория «дети войны» – это лица 1928–1945 г. р.

В монографии авторы ответили на вопросы о том, как возрождались и работали локальные церковные сообщества, как сосуществовали верующие и атеисты, партработники и священники, какова была связь между властью и церковью, как развивались новейшие конфессиональные практики (с. 3–4).

В главе 1 «Калининская епархия в 1930–1950-е гг.» профессор Т. Г. Леонтьева рассматривает исторические корни Калининской епархии. Автор использует большой массив научной литературы советских и российских историков. После изучения архивных материалов Т. Г. Леонтьева делает вывод о том, что вследствие закрытия храмов и монастырей, а также масштабных «репрессий против “церковников” в епархии сохранились лишь немногочисленные “анклавы веры”», где священнослужители имели возможность воздействовать не только на личное, но и на массовое поведение верующих людей (с. 50).

Глава 2 посвящена борьбе с религией и народной вере в период 1930–1950-х годов. Отправной точкой автор выбирает 1929 год – время, когда в обществе не без помощи пропаганды ЦК ВКП (б) возник девиз: «Борьба против религии – борьба за социализм». Автор отмечает, что молодые люди в Калининской области «активно, но бессистемно поддерживали антирелигиозное движение» (с. 73). Более того, Т. Г. Леонтьева пишет, что «в 1930-е гг. сектантов стали позиционировать как реальную угрозу советскому строю» (с. 74). Лишь на рубеже 1956–1957 годов государственная вероисповедная политика обретает «свежий» вектор. Подчеркнем, что многие историки связывают это с процессом десталинизации общества (с. 82–83).

В главе 3 «“Боялись, но веру не бросали”»: религиозные ориентации и поведение населения в семейной памяти “детей войны”» Т. Г. Леонтьева освещает малоизученные, но важные страницы прошлого, отмечая страх священников и служителей в это непростое время. Интерес для читателя (особенно для историков и социологов), по нашему мнению, будут представлять анкеты российского религиозного и общественного деятеля А. А. Злобина (1935 г. р.) «Из архива участников проекта». В них содержится важный массив позиций (взглядов) советских респондентов, которыми являлись, как правило,

обычные граждане. Из детального анализа анкет мы видим, что рядовые граждане по-разному относились к лидерам, стоящим у власти: В. И. Ленину, И. В. Сталину, Н. С. Хрущеву. Одни действительно видели в вождях богов: «...образ Ленина еще при жизни приобретает черты божества (Бога-Отца), которые затем “наследует” Сталин» (с. 92). Другие респонденты воспринимали их как руководителей государства, которые, подобно локомотиву, «тащили» за собой многонациональный народ Советского Союза в светлое, как им казалось, будущее (с. 93–98).

В главе 5 «Управляющие и уполномоченные Калининской епархии» Н. В. Дмитриев пишет об истории и происходящих трансформационных процессах в структуре Калининской области, где за время Большого террора 1937–1938 годов было подвергнуто уголовному преследованию 728 религиозных служителей разного уровня. Автор ссылается на работу профессора М. В. Шкаровского «Русская Православная Церковь в XX веке» (М.: Вече: Лепта, 2010. 480 с.), который писал, что уполномоченные порой защищали верующих перед местными властями, мешали закрытию, преобразованию храмов под хозяйственные

и культурные потребности без согласия прихожан. Это осуществлялось в целях недопущения всплеска религиозной активности верующих. Можно сказать, что «жизненный мир» «детей войны» по своей сути был без церкви, но, даже несмотря на это, «многие из них сумели остаться с Богом» (с. 207). В сложившихся условиях значительно возросла роль семьи как института, прежде всего ретранслятора религиозной жизни.

Авторским коллективом в научный оборот введены новые архивные материалы по теме исследования из Государственного архива РФ, Государственного архива Новгородской области, Государственного архива Тверской области, Тверской епархиальной научной библиотеки, Тверского центра документации новейшей истории. Впечатляет и общий объем использованных авторами источников и литературы, включающий 175 наименований (с. 208–222).

Рецензируемая монография значима как с теоретической, так и практической точки зрения. Книга написана доступным языком и может стать настоящим подспорьем для чтения курсов по истории, религиоведению, социологии религии.

Поступила в редакцию 04.09.2023; принята к публикации 20.10.2023

Review

Sergey V. Kozin, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8398-8805; mister.svk92@yandex.ru

Tatiana P. Zhidyaeva, Senior Lecturer, Alatyr Branch of Chuvash State University named after I. N. Ulyanov (Alatyr, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8238-193X; tanya21_84@mail.ru

The book review: **Leontyeva T. G., Begovatov D. A., Dmitriev N. A., Leontyeva O. G. Church life in Soviet society in 1940–1950: religious practices of the population in the Kalinin region in the memoirs of “children of war”: Collective monograph. (T. G. Leontyeva, Ed.). Tver, 2022. 240 p.**

For citation: Kozin, S. V., Zhidyaeva, T. P. The book review: Leontyeva T. G., Begovatov D. A., Dmitriev N. A., Leontyeva O. G. Church life in Soviet society in 1940–1950: religious practices of the population in the Kalinin region in the memoirs of “children of war”: Collective monograph. (T. G. Leontyeva, Ed.). Tver, 2022. 240 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2023;45(8):114–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.981

Received: 4 September 2023; accepted: 20 October 2023

EDN: QMDVEO

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ТОБОЛЬСКЕ

21 октября 2023 года в г. Тобольске прошел Второй Национальный форум преподавателей истории. Инициатива проведения форумов принадлежит Министерству науки и высшего образования РФ (Минобрнауки) и Российскому историческому обществу, и первый из них состоялся в 2022 году в Тобольске. Избрание этого старинного русского города для обсуждения актуальных проблем истории далеко не случайно. Сама его атмосфера, где каждый камень, образно говоря, дышит историей, предрасполагает к этому. Заседания форума проходят на территории Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

Организаторами Второго Национального форума стали Минобрнауки, Российское историческое общество (РИО), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Тюменский государственный университет и его филиал – Тобольский государственный педагогический институт. Участники форума – руководители Минобрнауки, Российской академии наук, Российского исторического общества, государственные деятели и ученые, представители вузов из разных уголков страны.

Форум начался с работы трех секций. На первой «Методическое обеспечение преподавания истории в высшей школе» (руководили – д. и. н., председатель Правления РИО, исполнительный директор фонда «История Отечества» Р. Г. Гагкуев и д. и. н., директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета М. А. Пономарева) обсуждались проблемы исторического образования, главным образом на неисторических специальностях и направлениях подготовки. Было заслушано четыре доклада. Специальный доклад был посвящен актуальным вопросам нового учебника отечественной истории для неисторических специальностей.

Вторая секция рассматривала тему «Национальная электронная библиотечная система по истории». Модераторами этой секции были д. и. н., декан исторического факультета Историко-архивного института РГГУ Е. В. Барышева и д. и. н., профессор кафедры истории Тюменского государственного университета С. П. Шилов. Было представлено пять докладов, посвященных структуре, содержанию, задачам, подходам и принципам разработки и наполнения Национальной ЭБС.

Модераторами третьей секции «О деятельности диссертационных советов по историче-

ским специальностям и перспективах развития исторической науки» были д. и. н., профессор, проректор по учебной работе РГГУ, председатель Экспертного совета ВАК по истории П. П. Шкаренков и профессор В. И. Голдин, которые и выступили с основными докладами, а также ответили на многочисленные вопросы аудитории. Кроме того, на этой секции были представлены еще несколько докладов, посвященных частным вопросам и опыту работы диссертационных советов, актуальным вопросам подготовки диссертаций по историческим наукам. По видеосвязи прозвучало выступление начальника отдела аналитической работы Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки О. В. Кулямина «Показатели деятельности сети диссертационных советов по историческим наукам».

Во второй половине дня состоялись пленарное заседание и расширенное заседание Экспертного совета по развитию исторического образования при Минобрнауки. С приветствием к участникам форума по видеосвязи обратился председатель РИО С. Е. Нарышкин, поднявший целый ряд острых и актуальных вопросов исторического образования и исторической науки в стране. Он указал на особую значимость истории в современной общественно-политической жизни, необходимость ее корректного использования для воспитания подрастающего поколения и образования в высшей школе, важность решительной борьбы с попытками искажения исторического прошлого.

Прибывший в Тобольск и выступивший перед участниками форума министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков назвал форум историков площадкой для развития высшего исторического образования и отметил, что министерство уделяет большое внимание повышению его качества, внедрению нового поколения учебников. Министр обратил внимание на увеличение приема в вузы на исторические специальности в этом году и подчеркнул, что стартовал новый курс истории с упором на контактную работу со студентами, живое общение с ними. В. Н. Фальков указал на необходимость тесной взаимосвязи науки и образования, укрепления кадрового потенциала исторических кафедр, формирования научной смены и нового поколения историков и преподавателей. Поэтому в рамках форума работала специальная секция, посвященная аттестации научных и научно-педагогических кадров и работе диссертационных советов, а на следующий год планируется обсудить

проблемы аспирантуры. Проведение очередного форума предполагается связать с 300-летием Российской академии наук, пригласив к участию в нем ведущих ученых академических учреждений, и обсудить проблемы взаимосвязи исторической науки и образования.

Министр вручил благодарственные письма за значительный личный вклад в развитие исторического образования большой группе участников.

Председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию С. В. Кабышев в своем выступлении подчеркнул особое значение истории в формировании и закреплении традиционных духовно-нравственных ценностей, примирении настоящего с прошлым. Он предложил для повышения статуса истории ввести государственный экзамен по отечественной истории для выпускников вузов.

Губернатор Тюменской области А. В. Моор указал в своем выступлении, что помимо знания истории необходимо ее понимание и уважение. Он назвал историю информационным оружием.

Обратившаяся с приветствием к участникам форума по видеосвязи Президент Российской академии образования О. В. Васильева отметила тесное сотрудничество академии с Минобрнауки и РИО по проблемам повышения качества исторического образования и назвала наиболее важные проекты и достигнутые результаты.

Выступление заместителя министра науки и высшего образования РФ, сопредседателя РИО К. И. Могилевского было посвящено теме «Развитие исторического образования в высшей школе: промежуточные итоги и перспективы». Он подробно охарактеризовал работу, проведенную за год после Первого Национального форума преподавателей истории в Тобольске, и рассказал о том, что предстоит сделать в дальнейшем. Характеризуя предназначение историков, К. И. Могилевский назвал их универсальными аналитиками, которые востребованы в разных сферах профессиональной деятельности.

Академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, сопредседатель РИО А. О. Чубарьян выступил перед участниками форума по видеосвязи с докладом «Состояние и

перспективы преподавания всеобщей истории. Итоги мониторинга». Он указал на целый ряд актуальных проблем всеобщей истории в контексте современности.

Академик и вице-президент РАН, директор Института археологии РАН Н. А. Макаров прочитал доклад на тему «Археологические исследования в современной России: академические аспекты и общественное значение». Назвав Тобольск духовной столицей России, он напомнил, что этот город был в прошлом местом сбора академических экспедиций для изучения Сибири. Н. А. Макаров указал на большой интерес общественности к истории, создаваемым археологическим картам, отметил важность цифровизации исторической науки. Он сообщил о последних открытиях отечественных археологов, работающих не только в России, но и в Средней Азии, Казахстане, на территории Чада и др.

Директор Института российской истории РАН, д. и. н., профессор Ю. А. Петров рассказал собравшимся о работе большого коллектива историков под эгидой этого института над 20-томной академической «Историей России», а также над созданием учебника истории для неисторических специальностей вузов и школьных учебников. Готовится шесть модулей учебника истории для высшей школы. Ю. А. Петров отметил необходимость тщательной экспертизы учебников, в том числе обсуждения их совместно с Общественной палатой. В учебник отечественной истории, по его мнению, должна органично войти и всеобщая история, чтобы показать вклад России в мировую историю.

В заключительной части пленарного заседания состоялся целый ряд выступлений представителей вузов из различных регионов по актуальным проблемам исторического образования в высшей школе, а также первого заместителя генерального директора Российского общества «Знание» Д. В. Рыбальченко на тему «Историческое знание как основа воспитания гражданственности и патриотизма».

Второй Национальный форум преподавателей истории прошел на высоком уровне. Поблагодарив его организаторов, хочется выразить надежду на новую плодотворную встречу в Тобольске в 2024 году.

*В. И. Голдин,
доктор исторических наук, профессор, директор Центра
исторических и политических исследований Севера и Арктики
Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
v.i.goldin@yandex.ru*

Scientific information

Vladislav I. Goldin, Dr. Sc. (History), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
v.i.goldin@yandex.ru

ALL-RUSSIAN FORUM OF HIGHER EDUCATION HISTORY TEACHERS IN TOBOLSK

